

II-10.
P-150.

О П

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ.

6007.758
4954.7009

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1846.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя
1846.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. КУКОЛЬНИКОВА
ТЕАТРАЛЬНАЯ

РЕПЕРТУАРЪ

ПАМЯТНИКЪ

В. МЕЖЕРИНСКІЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
законенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 31 Марта 1846 года.

Ценсоръ *А. Никитинъ*.

1846

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1846

РЕПЕРТУАРЪ, ПАНТЕОНЪ.

№ 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

1846.

I. Воздушный городъ. Стихотвореніе <i>А. Фета</i>	3			
II. МАТЕРІАЛЫ для исторіи русскаго театра. Князь А. А. Шаховской. Статья <i>Р. М. Зотова</i>	4			
III. РУССКАЯ ПЬЕСА. Стихотвореніе <i>А. Д. Аллилуева</i>	41			
IV. Старый мужъ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, <i>Г. Корженёвскаго</i> . Перев. съ польскаго <i>Ф. И.</i>	13			
V. НАЧНЕМЪ СМЫЗНОВА. (Изъ Беранжѣ.) Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i>	92			
VI. ЛЮБОВЬ И АФЕРЫ. Повесть <i>Ир. Сол.</i>	95			
VII. ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ или зритель по неволѣ. Комедія водевилъ	117			
VIII. ЮМОРСТИКА. Письма петербургской мыши въ Парижъ. — Ось. Юмористическая всякая-всячина <i>Альфонса Карра</i> и другихъ. — Нѣчто о стражахъ чистоты и правильности русскаго языка		145		
			IX. Смѣсь. Рожокъ табаку (<i>Разсказъ Альтароша</i>). — Пляска Виллисъ (<i>Венгерскія легенды</i>). — Спектакли на Востоку. — Поединокъ импровизаторовъ. — Забѣтки о нѣкоторыхъ современныхъ Парижскихъ актерахъ (<i>Г-жа Штольцъ—Девассёръ, Буффё</i>). — Новаго рода театральная критика. — Театральныя школы въ германіи.	163

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. (МАРТЪ.)

I. ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ. — Парижскіе. Новыя пьесы въ февралѣ и въ мартѣ. (<i>Les mousquetaires de la reine</i> , опера, муз. Галевн. <i>Le vicomte de Giroflée</i> , водевилъ Лорансена и Маркъ-Мишеля. — <i>L'ingénue à la cour</i> , комедія Амни. — <i>Gentil Bernard ou l'art d'aimer</i> , водевилъ Дюмануара и Клервиля. — <i>Michel Bremond</i> , драма —		Les dieux de FOlympe à Paris, фантастическій водевилъ Жюль Кордье и Клервиля	1
		II. РУССКІЕ ТЕАТРЫ Провинціальныя. Таганрогскій театръ	7
		III. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ	16
		КОРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА	19

Приложенное къ этой книжкѣ оглавленіе XII-го тома слѣдуетъ къ третьей книжкѣ Р. и П.

ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
ПОДЪ ФИРМОЮ

„АЛЕКСАНДРЪ СМИРДИНЪ,“

на Невскомъ проспектъ, у Казанскаго моста, въ
домъ Энгельгардта,

поступили въ продажу книги:

(Цѣны на серебро.)

НОВОСЕЛЪЕ томъ 3-й съ 4-мя картиннами и 11-ти заглавными вишнетками рисованными и гравированными на деревѣ художникомъ Дерикеромъ и Бернардескимъ. Изданіе Александра Смирдина. С. П. Б. 1846 г. Цѣна 3 р. Вѣс. за 3 ф. тоже томъ 1-й и 2-е Изд. 2-е С. П. Б. 1845 г. Ц. 5 р. Вѣс. за 5 ф.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ Сборникъ, Изд. Н. Некрасовымъ. С. П. Б. 1846 г. Ц. 4 р. Вѣс. за 4 ф.

БѢСѢДЫ Русскаго Купца о торговлѣ. Практическій Курсъ Комерческихъ знаній. Изд. П. Вавиловымъ часть 1-я С. П. Б. 1846 г. Ц. 1 р. Вѣс. за 2 ф.

ИСТОРИЯ Консульства имперіи во Франціи Соч. А. Тьера. Переводъ О. Кови. Т. 1-й съ портретомъ Наполеона и Тьера. С. П. Б. 1846 г. Ц. 1 р. Вѣс. 2 ф.

РУКОВОДСТВО къ первоначальному изученію всеобщей Исторіи Фольгера. Перев. Максимовича. С. П. Б. 1846 г. Ц. 1 р. Вѣс. за 2 ф.

БРЫНСКИЙ ЛѢСЪ Эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго. Соч. М. Загоскина. Москв. 1846 г. Ц. 3 р. Вѣс. за 3 ф.

ЛЕКСИКОНЪ Философическихъ предметовъ, Составленный А. Галлчемъ. Т. 1-й С. П. Б. 1845 г. Ц. 1 р. Вѣс. за 2 ф.

ВСЕОБЩИЙ Географическій Атласъ, составленный по Дюфуру Л. Лапгеромъ. С. П. Б. 1846 г. Ц. 4 р. Вѣс. за 4 ф.

ДѢТСКАЯ Энциклопедическая Панорама, чтеніе догико-практическіе взгляды, опыты и разсужденія для развитія понятій и уметвенныхъ способностей дѣтей 1-го 2-го возраста въ 2-хъ частяхъ съ атласомъ, составл. М. Гутта. Моск. 1844 г. Ц. 3 р. Вѣс. за 3 ф.

ВЕСЬ Петербургъ въ карманѣ, справочная книга для столичныхъ жителей и пріѣзжихъ съ новѣйшимъ планомъ. С. П. Б. 1846 г. Ц. 1 р. Вѣс. за 1 ф.

СТИХОТВОРЕНІЯ Аполлона Григорьева, С. П. Б. 1846 г. Ц. 75 к. Вѣс. за 1 ф.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ вышеозначенный магазинъ, на имя *Ивана Ѳедоровича Гевена*. Всѣ требованія г-дъ иногородныхъ исполняются со всевозможною аккуратностію.

ВОЗДУШНЫЙ ГОРОДЪ.

Вонъ тамъ по зарѣ растянуся
Причудливый хоръ облаковъ:
Все будто-бы кровли да стѣны,
Да рядъ золотыхъ куполовъ.
То будто-бы бѣлый мой городъ,
Мой городъ знакомый, родной,
Высоко на розовомъ небѣ,
Надъ темной, уснувшей землей.
И весь этотъ городъ воздушный
Тихонько на сѣверъ плыветь....
Тамъ кто-то манитъ за собою, —
Да крыльевъ летѣть не дастъ.

А. ФЕТЬ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА.

КНЯЗЬ А. А. ШАХОВСКОЙ *).

Les dieux s'en vont!.... Поле драматической литературы русской, и безъ того не богатое талантливыми дѣятелями, въ короткое время понесло три весьма-значительныя потери. Не успѣли мы оплакать преждевременную кончину одного изъ замѣчательнѣйшихъ комическихъ писателей русскихъ, Н. И. Хмельницкаго, какъ вдругъ, вовсе неожиданно, прилетѣла къ намъ изъ Москвы вѣсть о кончинѣ заслуженнаго ветерана русской драматургіи, Князя А. А. Шаховскаго.... Еще не остыла могила послѣдняго, еще не обнажилась она отъ снѣжнаго покрова, — и свѣжая насыпь на «нивѣ Божіей» печально возвѣщаетъ путнику о новой, невознаградившей потерѣ, какую понесла вообще русская литература, и драматическая въ особенности, въ лицѣ незабвеннаго Н. А. Полеваго!.... Менѣе чѣмъ въ полгода потерять трехъ луч-

---

*) Душевно благодаримъ почтеннаго Р. М. Зотова за исполненіе просьбы нашей и за сообщеніе любопытныхъ подробностей о покойномъ Князѣ Шаховскомъ. Увѣрены, что большая часть читателей нашихъ прочтутъ татью эту съ величайшимъ удовольствіемъ.

шихъ драматическихъ писателей, когда вообще число хорошихъ писателей у насъ такъ ограничено... Тяжело.... Страшно въ особенности за будущность нашего театра!... Старые боги уходятъ, а новыхъ пока не видать....

Мы узнаемъ цѣну предмета, когда потеряемъ его: — старая аксіома, къ-сожалѣнію, на каждомъ шагу подтверждаемая фактами. И въ литературѣ точно также... Всякое сужденіе, всякая литературная оцѣнка — бывають безпристрастны только по смерти писателя. Тутъ мы тотчасъ-же смягчаемся, бросаемъ всё личности, котеріи, мелочи самолюбіи. Мы уже смотримъ на замогильные труды не черезъ призму всеневныхъ условій и отношеній, а ясно и безпристрастно. Мы уже съ удовольствіемъ отдаемъ имъ справедливость, потому-что справедливость только существуетъ за гробомъ. Отношенія общественной жизни печезають; личность и вражда умолкають. «*Tod macht quillt*», какъ говоритъ Шиллеръ.

Много подобныхъ мыслей пришло намъ въ голову, когда узнали мы о смерти знаменитаго нашего драматурга Князя Александра Александровича Шаховскаго. *Знаменитаго?* Да! — потому-что онъ болѣе 20-ти лѣтъ занималъ первое мѣсто между современными драматическими писателями, потому-что многія изъ его піесъ и теперь можно смотрѣть съ большимъ удовольствіемъ, тогда, какъ долговѣчность нашихъ современныхъ произведеній рѣдко переходитъ за театральный годъ; потому-что піесы его никогда не были плодомъ спекуляціи, а всегда, или почти всегда, минутами вдохновеній. Едва-ли у кого изъ писателей было столько враговъ, какъ у князя Шаховскаго, и это одно уже можетъ служить лучшимъ доказательствомъ его достоинства. Бездарность всегда со всеми дружна: она никого не безпокоитъ, — никому не въ тягость. Но, несмотря на всё враждебныя партіи, піесы князя Шаховскаго имѣли всегда успѣхъ, всегда привлекали публику, и если въ послѣднее пятнадцатилѣтіе онъ рѣдко являлся на сценѣ, а наконецъ и совсѣмъ исчезалъ, то это вовсе не потому, чтобъ теперешнія піесы были лучше, а просто потому, что публика требуетъ *новизны*. Дѣло авторовъ — писать лучше, или хуже, а дѣло зрителей — требовать *новиго*. Были, конечно, иногда и знаменитыя паденія его піесъ, но человекъ, написавшій до 90 піесъ, могъ иногда и ошибиться въ выборѣ сюжетовъ, могъ поторопиться въ исполненіи, могъ потерпѣть и неудачу. Впрочемъ мы обязаны будемъ отдать отчетъ въ каждой піесѣ Князя Шаховскаго, и читатель увидитъ достоинство и недостатки каждой. Но

въ общемъ итогѣ мы видимъ въ Князѣ Шаховскомъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей перваго двадцатипяти лѣтія XIX-го вѣка.

Если въ послѣдніи пятнадцать лѣтъ онъ замолчалъ, ничего почти не писалъ, если его за-живо забыли, то въ этомъ виноватъ эгоизмъ людскаго общества. Пока человекъ полезенъ и пріятенъ, мы объ немъ говоримъ, уважаемъ его; пересталъ насъ забавлять,—и Богъ съ нимъ! Мы уже и знать его не хотимъ. Доживъ до глубокой старости, Князь Шаховской прекрасно дѣлалъ, что не продолжалъ писать. Онъ чувствовалъ, что жаръ, воображеніе, дѣятельность не могутъ быть удѣломъ преклонныхъ лѣтъ. Онъ не хотѣлъ пережить своей литературной славы, и остановился тогда, какъ видѣлъ уже, что пора кончить литературное поприще: это было большое самоотверженіе и — лучшее доказательство высокаго его ума.

Изобразимъ въ краткомъ очеркѣ его жизнь и службу. Древность рода Шаховскихъ довольно-извѣстна, и распространяться объ ней было-бы излишне. На многихъ страницахъ нашей исторіи встречаемъ мы эту фамилію, то участвующую въ смутахъ и междоусобіяхъ, раздиравшихъ нѣкогда наше отечество, то поддерживающую славу его своими подвигами и правдолюбіемъ. Князь Александръ Александровичъ былъ сынъ небогатаго Смоленскаго помѣщика; онъ родился въ 1777 году, апрѣля 24-го, въ селѣ своемъ *Беззаботахъ*. Какъ ни мало въ то время заботились о воспитаніи дѣтей, но уже по восьмому году Князя Шаховскаго отправили въ Москву, въ Университетскій Певсіонъ, которому Россія обязана образованіемъ столь многихъ ученыхъ и умныхъ людей. Тамъ Князь Шаховской пробылъ до производства въ первый офицерскій чинъ. По тогдашнему обычаю всей аристократіи, Князь Шаховской, будучи еще 10-ти лѣтъ, записанъ былъ въ гвардію — сержантомъ въ Преображенскій полкъ. Но когда, при вступленіи на престолъ Императора Павла, всѣ записанные потребованы были на дѣйствительную службу, то и Князь Шаховской, являсь въ полкъ свой, переименованъ былъ въ протупей-прапорщики (2-го января 1797), а въ апрѣль того-же года произведенъ въ прапорщики. Большая часть молодыхъ людей бросалась тогда, при полученіи перваго чина, въ водоворотъ общественныхъ удовольствій, и погибала въ немъ. Только немногіе продолжали умственное свое образованіе, и становились потомъ свѣтильниками современнаго общества. Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ и Князь Шаховской. Не-смотря на всѣ

служебныя обязанности и общественныя развлечения, онъ ревностно продолжалъ учиться и читать произведенія европейскихъ писателей. Французская литература преобладала тогда надъ всеѣми прочими. Творенія Корнеля, Расина, Вольтера, были единственными руководителями въ драматической литературѣ. Классицизмъ, съ своею тѣсною рамою и съ условіями *trèsz единствъ*, былъ всеобщимъ закономъ, нарушеніе котораго возстановило-бы противъ себя всеобщее мнѣніе. Князь Шаховской въ высочайшей степени пристрастился къ театру — и вскорѣ приговоры его были уже приговорами оракула между товарищами его службы. Тогда въ Петербургѣ были превосходѣйшія иностранныя труппы. У Французовъ были трагедія, комедія, большая опера и комическая опера, а итальянская труппа, содержимая Казассіемъ, была составлена изъ первыхъ европейскихъ талантовъ. Высшее общество не посѣщало тогда (*и тогда* — хотѣли мы сказать) русскихъ спектаклей, бывшихъ еще въ младенествѣ. Только Князь Шаховской, съ немногими изъ товарищей, рѣшался иногда на эти эксцентрическія посѣщенія, — и въ пылкомъ умѣ его уже кипѣли мечты о преобразованіи и улучшеніи національной сцены. Онъ незамѣтно сближался со властями театра, — и, мало-помалу, убѣдя ихъ въ своихъ способностяхъ и познаніяхъ, вдругъ изъ штабсъ-капитановъ гвардіи перешелъ въ театральную дирекцію, членомъ репертуарной части, съ переименованіемъ въ надворные совѣтники. Это случилось 9-го апрѣля 1802 года. Главнымъ директоромъ Императорскихъ зрѣлищъ былъ тогда оберъ-камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Это имя было синонимомъ знатнаго русскаго барина, во всемъ смыслѣ слова. Всякой день собиралось у него все, что въ столицѣ было блестятельнаго, умнаго и образованнаго. Никто въ мірѣ не проживалъ своихъ богатствъ такимъ великолѣпнымъ образомъ. Праздники его были — волшебныя поэмы, собранія — аѳинскіе вечера. Нашъ положительный вѣкъ уже не живетъ подобнымъ образомъ. Но тогда былъ въ Петербургѣ не одинъ такой домъ, — и между всеѣми первенствовалъ на счетъ роскоши, гостепріимства и остроумія — домъ А. Л. Нарышкина. Александръ Львовичъ любилъ и оцѣнилъ Князя Шаховскаго. Еще въ 1795 году, будучи юнкеромъ, написалъ Шаховской одно-актную комедію въ стихахъ: «Женская шутка». Большаго успѣха она не имѣла, — но русская оригинальная комедія въ стихахъ, при тогдашней бѣдности нашей литературы, давала автору право на всеобщую извѣстность. А. Л. Нарышкинъ *хотѣлъ непременно познакомиться*

съ молодымъ писателемъ — и вотъ первый шагъ Князя Шаховскаго на поприщѣ его литературной жизни.

Первое время театальной службы своей провелъ онъ безъ особенныхъ занятій. На русской театрѣ тогда мало еще обращали вниманія. Иностранныя труппы сосредоточивали на себѣ всю заботливость дирекціи, потому-что служили для забавы высшему обществу. А какъ въ самое это время, для пополненія французской труппы, нужны были нѣкоторые первостепенные сюжеты, — то А. Л. Нарышкинъ и отправилъ Князя Шаховскаго въ чужіе края, для ангажированія этихъ артистовъ. Болѣе года былъ онъ въ отсутствіи, и исполнилъ свое порученіе самымъ блистательнымъ образомъ. Для французской оперы ангажировалъ онъ знаменитую Филисъ-Андріе, г-жу Бертенъ, теверовъ — Буржуа и Леблонъ. Въ 1803-мъ году возвратился Князь Шаховской изъ чужихъ краевъ. Это путешествіе вполне развило драматическія его способности. Въ Парижѣ видѣлъ онъ всѣ сценическія улучшения, произведенныя актеромъ Тальмою въ костюмахъ и въ чтеніи стиховъ.... Все это старался онъ тотчасъ-же ввести и на петербургскихъ театрахъ, и въ-особенности на русскомъ; но время прочныхъ успѣховъ не быстро наступало.

За поѣздку свою въ чужіе края Князь Шаховской былъ пожалованъ (1-го января 1804 года), въ камеръ-юнкеры, — что давало тогда прямо чинъ 5-го класса, и доставляло входъ въ первѣйшіе аристократическіе дома. — Это былъ самый блистательный періодъ жизни его. Остроуміе, любезность и услужливость, составлявшія главныя черты его характера, тотчасъ-же привлекли къ нему толпу друзей. Онъ познакомился тогда съ А. Н. Оленинымъ, котораго домъ былъ средоточіемъ литературы и изящныхъ художествъ. Тамъ ежедневно собирались люди, душевнолюбившіе Россію и ея славу. Тамъ впервые явился Озеровъ съ своимъ безсмертнымъ Овевскимъ слѣпцомъ («Эдипъ въ Аоніяхъ») — и Князь Шаховской первый привезъ въ домъ А. Н. Оленина рукопись «Эдипа». Съ жаромъ юности, со слезами на глазахъ, читалъ онъ тамъ эту трагедію и привелъ въ восторгъ всѣхъ слушателей. Дѣйствительно, послѣ стиховъ Сумарокова и Княжнина—стихи Озерова были музыкаю. До-сихъ-поръ, едва-ли не въ этой піесѣ должны мы искать примѣровъ лучшихъ александринскихъ стиховъ. Таково было первое знакомство Озерова и Шаховскаго! Въ-послѣдствіи мы скажемъ о причинахъ, по которымъ отношенія ихъ измѣнились, — но при первомъ вступле-

нн Озерова въ свѣтъ, Князь Шаховской былъ лучшимъ его другомъ и почитателемъ его дарованія.

Съ этой минуты Князь Шаховской предпринялъ преобразование и усовершенствованіе русскаго театра. Онъ чувствовалъ, что слава націи и честь вѣка нераздѣльно связаны съ драматическою литературою. Историческіе факты доказывали ему, что всѣ побѣды Лудовика XIV ничего не доставили Франціи, кромѣ разоренія народа и невыгоднаго міра, а слава Корнеля и Расина вручила этой державѣ моральное преобладаніе предъ прочими. Появленіе Озерова и Карамзина обѣщало и Россіи подобный-же блестящій періодъ,—и если всеобщія надежды не вполне осуществились, то, конечно, въ томъ не виноваты тѣ, которые пламенно того желали. Онъ прежде всего приступилъ къ образованію театральной школы. Школа давно уже существовала, но болѣе для балета и оперы. Драматическая часть была въ большомъ упадкѣ, потому что не было учителей. И въ наше время мы-бы напрасно стали отыскивать профессоровъ декламации и драматическаго искусства, а за сорокъ лѣтъ все это было въ сорокъ разъ бѣднѣе. Надобно было все создавать, и только неутомимости Князя Шаховскаго и истинной любви его къ искусству можно было преодолѣть всѣ препятствія. Вскорѣ мы увидимъ плоды трудовъ его.

Въ это-же самое время (въ 1804 году) явилось на сценѣ второе произведеніе Князя Шаховскаго. Это была 5-го актная комедія въ прозѣ: *Коварный*. Она не имѣла успѣха, потому что чисто-русскаго, національнаго элемента тутъ вовсе не было: это было подражаніе извѣстной Грессетовой комедіи «*Le méchant*», которая и на французской сценѣ холодна. Это однако не обезохотило юнаго автора. Онъ зналъ, что величайшіе гении не начинали литературнаго своего поприща съ образцовыхъ произведеній. Уже въ слѣдующемъ году явилась маленькая его комедія: *Новый Стернъ*. Она имѣла большой успѣхъ, хотя и подала поводъ къ обвиненію автора въ личности и нерасположеніи къ Карамзину; а въ самомъ-то дѣлѣ тутъ была насмѣшка надъ приторною сантиментальностію, разлившеюся, какъ слезный потокъ, во французской литературѣ, подхваченною Карамзинимъ въ двухъ повѣстяхъ и доведенною до крайности бездарными его подражателями, которыхъ вездѣ и на всякой вздоръ много. Истинные друзья литературы были очень-благодарны Князю Шаховскому за осмѣяніе этого ложнаго и смѣшнаго направленія беллетристики. — И въ-самомъ-ли дѣлѣ подѣйствовала его комедія, или вкусъ

публики потребовалъ другой пищи, но съ-тѣхъ-поръ эта приторная сантиментальность ослабла и мало-по-малу исчезла.

Въ слѣдующемъ году (1806) явилась маленькая комическая опера Князя Шаховскаго: *Любовная почта*, съ музыкою незабвеннаго Кавоса. Теперь, когда говорится объ оперѣ, никто почти не спрашиваетъ объ авторѣ либретто, а только о композиторѣ музыки. Тогда-же первая слава успѣха принадлежала сочинителю піесы, а вторая композитору. — *Любовная почта* была тогда принята самымъ блистательнымъ образомъ, хотя пѣкто г. Лукиничій, переводчикъ немногихъ піесъ, гласно и печатно объявилъ тогда, что сюжетъ этой оперы похищенъ у него; что онъ будто-бы представлялъ въ дирекцію комедію *Деньщикъ Virtuozъ*, которую не приняли, и что будто-бы содержаніе ея имѣло большое сходство съ *Любовною почтою*. Не ручаемся за правду этого обвиненія, но не увѣрены и въ противномъ. Законная давность уже миновала въ этомъ литературномъ процессѣ.

Въ томъ-же году была дана другая комическая опера Князя Шаховскаго: *Бяглецъ отъ невѣсты*, съ музыкою того-же Кавоса, — но она упала, — и вотъ лучшее доказательство, что тогда болѣе смотрѣли на сюжетъ, нежели на музыку. Последняя была также мила, какъ и въ *Любовной почтѣ*, а опера не имѣла успѣха, — и все одногласно обвинили автора либретто.

Въ слѣдующемъ (1807) году, перевелъ Князь Шаховской маленькую французскую оперетку: *L'intrigue aux fenêtrés*, подъ названіемъ: *Все дѣло въ окошкѣхъ*, гдѣ дѣйствительно вся піеса проходила въ разговорахъ изъ окна въ окно разныхъ этажей и лицъ; піеса была очень-забавна, — но, разумѣется, она лучше шла у Французовъ, — и потому все съ большимъ удовольствіемъ ходили смотрѣть ее въ оригиналъ, нежели въ переводѣ.

Въ томъ-же году сочинилъ онъ русскую оперу: *Четвертую часть «Русалки»*. Тогда пустая пѣмецкая сказка, передѣланная въ сценической фарсъ подъ названіемъ: *Das Donauweibchen*, имѣла величайшій успѣхъ въ Германіи. Кто-то (кажется Краснопольскій) передѣлалъ ее на русскіе нравы; изъ Дуная сдѣлалъ Днѣпръ, изъ богемскихъ рыцарей кievскихъ небывалыхъ Великихъ Князей; вмѣсто одного шута: *Larifari*, сдѣлалъ русскихъ *два*: Тарабара и Кифара; ихъ играли прелестный буфъ Воробьевъ (отецъ нашей прекрасной актрисы г-жи Сосницкой) и неподражаемый комикъ Повомаревъ; остальное очарованіе состояло въ нѣсколькихъ машинахъ и превращеніяхъ, которыя были тогда въ диковинку, — и *Русалка* имѣла невѣроятный, баснословный

успѣхъ. Никогда въ наше время за билетами къ Тальйони и Рубини не рвались съ такою жадностію, какъ тогда на *Русалку*. Площадь Большаго-театра заливалась народомъ. Другихъ разговоровъ въ городѣ не было, какъ о Русалкѣ; все напѣвали мотивы изъ Русалки; все повторяли остроты изъ Русалки. Русалка была — эпидемическая болѣзнь. Вскорѣ въ Германіи вышла *вторая часть* этой оперы, — и Русскіе, разумѣется, слѣшили опять передѣлать ее по своему. Опять тотъ-же успѣхъ, тоже бѣснованіе! Послѣшили сдѣлать *третью часть*: тотъ-же восторгъ, тоже волненіе! Чтѣ за удивительный періодъ! Почти десять лѣтъ сряду держались на сценѣ Русалки, и Князь Шаховской заплатилъ имъ дань. Онъ написалъ четвертую и послѣднюю часть, и тѣмъ заключилъ этотъ романъ. Эта четвертая часть умнѣе была написана нежели первыя три, — и потому не могла имѣть такого-же успѣха. Для подобныхъ вещей умъ самая дурная рекомендація. Дай намъ теперь Русалку, мы-бы расхохотались надъ вкусомъ нашихъ отцовъ, — и однако-же эта была та самая публика, которая приходила въ восторгъ отъ стиховъ Озерова. Странныя противорѣчія!

Наконецъ, въ 1808 году Князь Шаховской сталъ твердою ногою на поприщѣ, которое онъ ознаменовалъ столькими трудами. Онъ написалъ первую свою русскую, оригинальную комедію: *Полубарскія затли*. — Страсть къ домашнимъ театрамъ и крѣпостной дворовой музыкѣ, была тогда во всей силѣ между богатыми и разбогатѣвшими помѣщиками. Осмѣять и исправить это зло, разорившее столько семействъ, такова была видимая цѣль комедіи, — и современники обязаны за это полною благодарностію автору. За то, что онъ такъ удачно, такъ вѣрно вывелъ весь бытъ этихъ полу-баръ, за то, что такъ хорошо создалъ всю піесу, и такъ натурально, такъ забавно заставилъ говорить дѣйствующія лица, — Князь Шаховской поставленъ былъ всеѣмъ литературнымъ міромъ на степень первокласснаго комическаго писателя. Шутки этой комедіи болѣе двадцати лѣтъ ходили по обществу, — и не разъ, на преувеличенные разеказы краснобаевъ, хладнокровные слушатели отвѣчали: «Пану Чупкевичу не велѣли всякому слуху вѣрять». (*) Знаменитый актеръ Рыкаловъ, а

(*) Въ комедіи, учитель декламации объясняетъ помѣщику какой-то фактъ древности и говоритъ, что наша исторія такъ гласитъ. — «Эхъ, панъ Чупкевичъ!» — отвѣчаетъ помѣщикъ — «не всякому слуху вѣрять.»

послѣ его превосходный комикъ Бобровъ, играли въ этой комедіи роль Транжирина.

Въ слѣдующемъ году (1809) Шаховской перевелъ извѣстную трагедію Вольтера: «*Китайскій сирота*». Тогда каждый литераторъ ставилъ себѣ въ обязанность перевести хоть отрывокъ классической піесы, — и этотъ трудъ вмѣнялся ему въ важную заслугу. «*Китайскій сирота*» имѣлъ изрядный успѣхъ.

Въ 1810 году явилась одноактная комедія Князя Шаховскаго: «*Ссора*» или «*Два Сосѣда*». Это одно изъ лучшихъ его произведеній, потому что тогдашній бытъ русскихъ помѣщиковъ, ихъ ничтожныя ссоры и страсть къ ябедничеству выведены съ такою вѣрностію и искусствомъ, что болѣе 20-ти лѣтъ восхищали зрителей. Еще недавно возобновилъ здѣсь эту піесу несравненный московскій комикъ Щепкинъ, — но увы! поколѣвіе нынѣшнихъ актеровъ совершенно отвыкло отъ комедіи, — и сыграло ее какъ свои всеневные водевили. Піеса не понравилась, — и въ этомъ, право, она не виновата. Тогда главныя роли занимали Рыкаловъ, Пономаревъ и Рахманова. Мудрено-ли, что все бѣгали смотреть эту комедію?

Вслѣдъ за такимъ прекраснымъ произведеніемъ, Князь Шаховской, какъ-бы желая доказать свои способности во всѣхъ родахъ, написалъ трагедію «*Деборра*», которая и была представлена въ 1810 году. Въ то время піеса имѣла успѣхъ, хотя образованная часть публики и урекала автора за слишкомъ-явное подражаніе «*Говеліи*». Роль первосвященника была чистымъ слѣпкомъ съ Юдая, созданнаго гениемъ Расина. Въ этой роли дебютировалъ тогда актеръ Каменогорскій, котораго Князь Шаховской успѣлъ образовать изъ чиновниковъ, и, что еще болѣе замѣчательно, изъ Нѣмцевъ (настоящая его фамилія была *Штейнбергъ*). Роль Деборры играла тогда г. Вальберхова, тоже сформированная Княземъ Шаховскимъ и выставляемая имъ въ видѣ соперницы другой юпой трагической актрисы, г. Семеновой. Въ театральномъ мірѣ всегда были и будутъ партіи; особенно женщины составляютъ около себя фаланги ратоборцевъ... И въ то время театралы раздѣлились на двѣ партіи: на приверженцевъ Вальберховой и Семеновой. Первую всѣми силами поддерживалъ Князь Шаховской, и это тогда много повредило ему въ общемъ мнѣніи, не потому, чтобы г. Вальберхова была бездарная актриса, нѣтъ! она была одарена высокимъ талантомъ, уселеннымъ образованностію и красотою; но потому что лица, управляющія театромъ, не должны участвовать въ котеріяхъ и враждебныхъ партіяхъ. Эти

шалости принадлежать публикѣ, а театральныя лица только вредятъ себѣ великимъ участіемъ въ этихъ ничтожныхъ враждованіяхъ и неумѣстныхъ покровительствахъ....

Наконецъ, въ слѣдующемъ году, появился знаменитый *Козакъ стихотворецъ*. Послѣ «Мельника» Аблесимова, который какъ-будто не значай упалъ на русскую сцену во-времена Фопъ-Визина и Сумарокова, нашъ театръ не имѣлъ народнаго *водевилля*, а опероводныхъ — слава Богу! — и не думалъ никто. *Козакъ стихотворецъ* сталъ вдругъ родоначальникомъ русскихъ водевилей, которыхъ мы послѣ Князя Шаховскаго не видали болѣе до *Знакомыхъ-незнакомцевъ*. Идея піесы родилась въ умѣ Князя Шаховскаго при чтеніи малороссійскихъ пьесъ Козака Климовскаго, который былъ и музыкантъ, и поэтъ, и воинъ, и котораго мелодіи невольно навѣваютъ грусть на сердце. Сюжетъ піесы былъ самый простой. Пока Климовскій на войнѣ, у него богачъ хочетъ отбить невѣсту; но онъ пріѣзжаетъ и все дѣло улаживаетъ. Сперва піеса была написана съ небывалымъ на театрѣ дѣйствующемъ лицомъ: авторъ хотѣлъ вывести самого Петра Великаго; но когда его убѣдили въ невозможности этой сценической новизны, то онъ превратилъ это лицо въ капитана гвардіи. Уволенный придворный пѣвчій г. Иванцкій дебютировалъ въ роли Климовскаго и принялъ эту фамилію. Водевиль имѣлъ чрезвычайный успѣхъ. Явленіе было въ-самомъ дѣлѣ пріятное и отрадное. Русскій театръ начиналъ становиться самостоятельнымъ во всѣхъ частяхъ. Озеровъ возвысилъ его въ ту минуту до небывалой степени славы своими трагедіями, изъ которыхъ двѣ (Фингалъ и Дмитрій Донской) были даже переведены на французской языкъ г. Дальмасомъ. Князь Шаховской становился на ряду съ Фопъ-Визинимъ своими комедіями.

Здѣсь кончается первый періодъ служебной и литературной жизни Князя Шаховскаго. Около трехъ лѣтъ онъ ничего не писалъ, — и мы тотчасъ-же увидимъ причины, препятствовавшія ему слѣдовать своему главному призванію. Во все это время занимался онъ формированіемъ русской *молодой труппы*. Это была превосходнѣйшая идея его театральнаго управленія. Онъ чувствовалъ, что молодые артисты медленно будутъ усовершенствоваться, если ихъ заставлятъ играть съ старыми, потому-что цѣлья молодымъ, неизвѣстнымъ лицамъ, давать первыя роли, когда для этихъ ролей есть первокласные актеры. Публика имѣетъ право требовать, чтобъ піесы были обставляемы наилучшимъ образомъ, а не обязана платить деньги за попытки съ тѣмъ или другимъ недоу-

жившимся персонажемъ. И потому молодому артисту приходится лучшее время своей художнической жизни проводить на второстепенныхъ роляхъ, не имѣя возможности занять первыя. Чтобы избѣжать этого неудобства въ сформированіи юныхъ артистовъ, Князь Шаховской придумалъ составить изъ нихъ особую труппу и заставить ее играть на другомъ театрѣ. Въ домѣ Чернышева гдѣ нынѣ Главный-Штабъ, существовалъ тогда театръ, на которомъ играли Нѣмцы. Тамъ-то Князь Шаховской началъ давать представленія *молодой труппы*, состоящей болѣею частію изъ воспитанниковъ театральнаго училища, и, какъ *новость*, спектакли эти привлекли множество зрителей. Всѣ видѣли въ этомъ одну забаву, всѣ ходили смотрѣть на хорошенькихъ воспитанницъ; — никто не подозрѣвалъ, что это рассадникъ будущихъ великихъ талантовъ. Тамъ-то образовались Брянскій, Солицкій, Рамазановъ, Величкинъ, которые послѣ заняли такія почетныя мѣста на нашей сценѣ. Значительныхъ, классическихъ пьесъ тамъ почти вовсе не играли; все ограничивалось одноактными комедіями, игрушками, волшебными представленіями; — но въ этихъ полу-шуткахъ скрывалась высокая цѣль. Это была обработка богатой, благородной почвы, обѣщающей обильную жатву. Очень-жаль, что подобное полезное заведеніе мало-по-малу уничтожилось. Когда дѣти выросли и сдѣлались отличными артистами, когда Князю Шаховскому, и безъ пособія этихъ спектаклей, удалось послѣ образовать прелестныхъ сюжетовъ, то онъ вообразилъ, что будущая участь русскаго театра уже обезпечена; что эти новые отпрыски талантовъ дадутъ новые побѣги, цвѣты и плоды. Увы! это была грустная ошибка! Всегдашнее, постоянное существованіе *молодой труппы* было необходимо. Театральная школа можетъ теоретически образовать сотни артистовъ, если будетъ имѣть хорошихъ учителей и умнаго, любящаго сценическое искусство руководителя, но безъ практики нельзя создать хорошаго актера. Въмѣсто публичныхъ спектаклей *молодой труппы*, — думалъ Князь Шаховской, — достаточно будетъ давать по временамъ домашнія представленія въ самой школѣ. Послѣдствія доказали, что этого было слишкомъ недостаточно. Играть предъ публикою, или передъ домашними зрителями — страшная разница! Притомъ-же круглый годъ школа занята въ городскихъ спектакляхъ, въ кордебалетѣ и на выходахъ; остается для спектаклей одинъ Великій-постъ; — но пяти недѣль въ году слишкомъ мало, чтобъ образовать хорошаго актера.

Въ 1811 году (маія 6) Князь Шаховской былъ произведенъ изъ камеръ-юнкеровъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Отсюда начинается второй періодъ его жизни. Онъ былъ ознаменованъ кипучею дѣятельностію, полезными трудами, заслуженною славою и нѣкоторыми неудачами. Въ этомъ-то періодѣ приобрѣлъ онъ себѣ наиболѣе враговъ. Иначе и быть не могло. Поставленный, по обязанности, на такомъ постѣ, гдѣ онъ былъ предварительнымъ судьей литературно-драматическихъ произведеній, онъ ежеминутно принужденъ былъ оскорблять мелочное самолюбіе бездарныхъ писателей, безпрестанно заваливавшихъ его піесами. И *читать* эту громаду вздора — уже очень-тяжело: каково-же объясняться съ авторами подобныхъ піесъ, и учтивымъ образомъ объявлять имъ, что они написали гиль! Хорошо, если посредственность соединяется съ скромностію и робостію, но часто она-то больше всего и шумитъ. Непризнание въ себѣ генія называетъ она невѣжествомъ, злостью, личностію, завистію — и Князь Шаховской часто принужденъ былъ говорить болѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ свѣтскомъ разговорѣ допускается; даже часто бѣгалъ отъ этихъ объясненій... но гдѣ убѣжишь отъ авторовъ? Эти-то литературные трутни и составляли сильныя партіи противъ него, распускали разные слухи и вооружали противъ него общественное мнѣніе. Въ это-же самое время произошла и ссора его съ Озеровымъ. Когда нашъ знаменитый трагикъ написалъ *Эдита*, Князь Шаховской съ восторгомъ прославлялъ первое произведеніе этого великаго таланта; но когда потомъ явился *Фишгалъ* — и публика съ радостнымъ энтузіазмомъ приняла это новое произведеніе, Князь Шаховской, какъ тонкій и вѣрный критикъ, отозвался объ этой піесѣ, что: *это очень-хорошая опера, что въ ней очень-много прекраснаго пѣнія, танцовъ и спектакля, — но что трагедіи тутъ вовсе нѣтъ*. Теперь мы чувствуемъ, что Князь Шаховской былъ правъ, — но тогда это показалось завистію, враждою, — и Озеровъ, съ своимъ шекотливымъ, раздражительнымъ и подозрительнымъ характеромъ, первый обвинилъ его въ пристрастіи и личности. Всѣ тогда были безъ ума отъ Озерова, и всякое его твореніе казалось образцовымъ, непогрѣшимымъ. Явился наконецъ *Дмитрій Донской*. Это случилось въ самый разгаръ исполненской борьбы Александра съ Наполеономъ, векорѣ послѣ Эйлауской битвы, — и никогда еще произведеніе народнаго поэта не было встрѣчено съ такимъ невыразимымъ восторгомъ. Каждый стихъ заставлялъ потрясать залу театра, отъ cadaго слова трепетали сердца рус-

скихъ зрителей, каждая мысль воспламеняла народный патриотизмъ. Никакой авторъ не былъ такъ вознесенъ своими современниками, какъ Озеровъ за «Дмитрія Донскаго». И что-жь? Князь Шаховской имѣлъ неосторожность высказать свое откровенное мнѣніе объ этой піесѣ: не отвергая достоинства *поэта*, онъ упрекалъ трагика за совершенное искаженіе исторіи. Дмитрій былъ женатъ во время Донской битвы, а Озеровъ сдѣлалъ его влюбленнымъ въ невѣсту другаго Князя. Эта невѣста пріѣзжаетъ въ военное время въ русскій станъ; изъ за нея русскіе Князья ссорятся, Дмитрій отказывается изъ за нея отъ спасенія отечества, — и только энергическимъ самоотверженіемъ этой невѣсты, союзъ Князей восстанавливается за часъ до сраженія, — и Донская битва рѣшаетъ будущую свободу Россіи. Всѣ эти несообразности видны были въ то время весьма-немногимъ зрителямъ. Князь Шаховской былъ въ числѣ ихъ—и въ наше время мы опять вполне чувствуемъ, что онъ судилъ вѣрно и справедливо. Но тогда его откровенность навлекла на него тысячи толковъ и непріятностей. Озеровъ болѣе всѣхъ былъ недоволенъ имъ, — и вотъ вся причина мнимой вражды этихъ двухъ достойныхъ всякаго уваженія писателей. Со стороны Князя Шаховскаго это было искреннее мнѣніе его о піесахъ Озерова, а со стороны сего послѣдняго — оскорбленное самолюбіе автора, стоявшаго на высотѣ своей славы. Какъ-бы то ни было, мы не въ правѣ винить перваго за то, что онъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, предвидѣлъ судъ потомства о твореніяхъ послѣдняго.

Въ служебной жизни Князя Шаховскаго этотъ періодъ имѣлъ замѣчательный эпизодъ. Началась достопамятная война 1812 года, — и Князь Шаховской, исполняя долгъ русскаго дворянина, пошелъ служить въ ряды воиновъ, возставшихъ за честь и свободу отечества. *) Имѣя небольшое помѣстье въ Тверской губерніи, онъ отправился туда и былъ назначенъ тамъ командиромъ козачьяго полка, сформированнаго изъ ратниковъ тверскаго ополченія. Находясь въ отрядѣ генералъ-адъютанта Винценгеродъ, котораго кругъ дѣйствій былъ чрезвычайно ограниченъ, Князь Шаховской не участвовалъ ни въ одной изъ битвъ, прославившихъ эту грозную эпоху славы и несчастій Россіи. Когда

---

*) Въ началѣ 1812 года перевелъ онъ небольшую піесу съ французскаго, *Брислингъ въ севаль*; но о подобныхъ произведеніяхъ упоминается только для счета.

же, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Наполеонъ выступилъ изъ Москвы къ Малоярославцу, приказавъ арьергарду Мортъе взорвать Кремль, и Виценгероде, по неосторожности, взять былъ въ плѣнъ, то отрядъ его вступилъ въ оставленную Французами столицу. Князь Шаховской былъ однимъ изъ первыхъ воиновъ, торжествовавшихъ въ освобожденной Москвѣ удивительный переломъ этой гигантской борьбы. Впечатлѣнія каждаго Русскаго были такъ живы и пламенны въ эту эпоху, что Князь Шаховской во всю свою жизнь праздновалъ этотъ день вступленія своего отряда въ Москву благодарственнымъ молебномъ.

Когда русскія арміи со всѣхъ концовъ хлынули вслѣдъ за неприятелемъ, Князь Шаховской прибылъ съ своимъ полкомъ въ Ригу и поступилъ подъ начальство генераль-адъютанта Маркиза Паулучи, который съ особыми порученіями отправилъ его въ Самогицію. Князь Шаховской исполнилъ ихъ съ полнымъ успѣхомъ и назначенъ былъ дежурнымъ генераломъ при корпусѣ, стоявшемъ въ Лифляндіи и Курляндіи. вмѣстѣ съ тѣмъ поручено ему было сформировать въ Ригѣ запасную дивизію, — и когда новое это порученіе было исполнено, то онъ посланъ былъ съ нею въ резервную армію, собиравшуюся въ Польшѣ. — Тѣмъ кончились военные его труды. Ни въ 1813-мъ, ни въ 1814 году онъ тоже не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, — а когда побѣды главныхъ армій сдѣлали ненужнымъ участіе ополченій, которыя и были распущены, — то Князь Шаховской возвратился въ С. Петербургъ и вступилъ въ прежнюю свою должность, члена репертуарной части при театральной дирекціи.

Тогда ею управлялъ вице-директоръ Князь П. И. Тюфякинъ, по случаю отъѣзда въ чужіе края главнаго директора А. А. Нарышкина. Князь Тюфякинъ былъ человекъ высокой чести и наилучшихъ душевныхъ качествъ; но литературою, а особенно русскою, онъ мало занимался, — а какъ при вступленіи своемъ въ управленіе театровъ, онъ нашелъ хозяйственную часть ихъ въ большемъ упадкѣ, то и почелъ первую своею обязанностию заняться экономіею, для уплаты накопившихся долговъ. Всякой театръ не иначе можетъ уплачивать дефициты прежнихъ лѣтъ, какъ — или усилія свои сборы, или убавя расходы, уничтоженіемъ какихъ-нибудь частей. Но первое никогда не во власти театра. Посѣщенія публики чрезвычайно-своенравны. Лучшія піесы по литературному достоинству ей иногда не нравятся, а фарсы частенько заставляютъ бѣгать весь городъ. Слѣдственно, разсчитать вѣроятностей тутъ невозможно. Тысячи обстоятельствъ

то помогаютъ сборамъ, то убавляютъ ихъ. Отъ-чего? Почему? — Этого заранее никто въ свѣтъ предузнать не можетъ. Въ 1812 году, при вступленіи Князя Тюфякина во временное управленіе, денежные средства театровъ были чрезвычайно слабы. Цѣнность на всѣ предметы, входящіе въ расходы спектаклей, возвысилась въ три, четыре раза, потому-что и курсъ серебрянаго рубля вдругъ поднялся на 200, 300, 400 процентовъ. Артисты требовали увеличенія содержанія, потому что прежними окладами нельзя было существовать. До-того-времени самый большой окладъ русскихъ артистовъ простирался до 2,500 руб. ассигн. Только одному первому трагикъ Яковлеву сдѣлали 4,000 теперь-же всѣ хотѣли получать тоже. А между тѣмъ цѣна за входъ въ театры оставалась таже самая, какая была съ основанія театра. Кресла стоили 2 р. 50 к. асс., ложи 1 яруса 10 р. асс.; лучшія-же мѣста для одиночныхъ посѣтителъ были въ партерѣ, занимавшемъ болѣе половины зала, позади кресель — и цѣна билету была 1 р. асс.; верхнія галереи были по 50 к. и по 25 к. асс. И эти цѣны сохранялись неизмѣнно, какіе-бы спектакли ни давали, какая-бы труппа ни играла, какіе-бы пріѣзжіе дебютанты ни участвовали. Такъ на-примѣръ, когда былъ здѣсь знаменитый танцоръ Дюпоръ, то онъ получалъ сперва по-спектакльной платы по 1000 р. асс., а полный сборъ театра былъ 1,300 (на Маломъ). При такихъ финансовыхъ обстоятельствахъ мудрено было театру не дѣлать долговъ, — и однакоже Князь Тюфякинъ, при дѣятельномъ содѣйствіи Князя Шаховскаго, заплатилъ всѣ прежніе долги, возвысилъ оклады всѣхъ первыхъ артистовъ до 4,000 руб. и годичный бюджетъ представлялъ даже экономическіе остатки. Это было чудо, — но обыкновенныхъ мѣръ бдительности за всеобщимъ безкорыстіемъ было тутъ мало: оно не иначе могло совершиться, какъ съ упадкомъ какой-нибудь части, а этотъ упадокъ долженъ былъ современемъ произвестъ своего рода разстройства и недостатки. Первый упадокъ произошелъ въ театральной школѣ, второй въ русской драматической труппѣ. Балеты и оперы отличались по-прежнему изяществомъ и великолѣпною постановкою, — но національный театръ начиналъ бѣднѣть. Князь Шаховской дѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобъ поддержать его. А. Л. Нарышкинъ вскорѣ возвратился также изъ чужихъ краевъ, но не болѣе двухъ лѣтъ пробылъ на своемъ постѣ. Князь Тюфякинъ остался главнымъ директоромъ, и между нимъ и Княземъ Шаховскимъ возникли разныя несогласія. Сей послѣдній не убѣжденъ былъ въ пользу системы экономіи, и

послѣ четырехъ-лѣтнихъ трудовъ и успій, принужденъ былъ просить о увольненіи отъ занимаемаго имъ мѣста. 12 іюня 1818 года оно было ему дано, съ пенсіономъ въ 2,000 р. асс.

Если служебная его дѣятельность на время прекратилась, то литературная тѣмъ болѣе усилилась. Съ 1814 года вступилъ онъ во всѣ права перваго и любимѣйшаго современнаго русскаго писателя, и вполне заслуживалъ свою славу. Этотъ годъ (1814) былъ для него самымъ блистательнымъ. Первымъ трудомъ была комедія: *Урокъ Кокеткамъ* или *Липецкія воды*, въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Со времени Князя и «Ябеды» Капниста, русской театрѣ не имѣлъ оригинальной комедіи въ стихахъ. Это была самая радостная для него новость. Въ первый разъ еще Князь Шаховской имѣлъ такой блистательный успѣхъ. Если его *Полубарскія затѣи* были превосходною комедіею, то въ умахъ современниковъ *Липецкія воды* была классическою піесою. Самый сюжетъ былъ ни богатъ, ни новъ, имѣя нѣкоторое отдаленное сходство съ французскою комедіею: *La coquette*; но авторъ умѣлъ такъ прекрасно воспользоваться великими политическими событіями, недавно совершившимися... Дѣйствующія лица его вспоминали про Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ, и этого одного уже довольно было, чтобъ потрясти сердца зрителей. Притомъ-же всѣ первые артисты, игравшіе въ этой піесѣ, были созданы и образованы Княземъ Шаховскимъ. Въ ней впервые явилась въ комедіи прежняя трагическая актриса г-жа Валберхова, и тутъ то публика отдала ей полную справедливость. Тутъ въ настоящемъ блескѣ выказался высокій талантъ этой прелестной актрисы. Ея красота, умъ и образованность усиливали всеобщій къ ней восторгъ, и съ-тѣхъ-поръ болѣе 15-ти лѣтъ занимала она это амплуа, которое теперь совершенно погребло. Въ-тѣхъ-ея же цѣю явился Брянскій, въ амплуа первыхъ любовниковъ комедіи, и съ-тѣхъ-поръ доказалъ, что можно быть превосходнымъ актеромъ и въ комедіи, и въ трагедіи. Рамазановъ и Величкинъ, созданные Княземъ Шаховскимъ, явились также въ этой піесѣ, первый въ амплуа первой ливрей, а второй въ роляхъ *гримовъ*. Оба долгое время первенствовали въ своихъ амплуа, пока имѣли руководителемъ Князя Шаховскаго. Г-жа Асенкова (мать бывшей нашей любимицы, Варвары Николаевны Асенковой, такъ рано похищенной смертію) явилась въ амплуа субретокъ, и съ-тѣхъ-поръ прелестный талантъ ея день-ото-дня развивался; мы смѣло можемъ сказать, что у насъ не было уже такой субретки. Но самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ этой комедіи былъ молодой

человѣкъ на ампуа *пятиметровъ*. Онъ отличался прекрасною наружностію, былъ ловокъ, развязенъ, и играя роль князя, совершенно казался освоеннымъ съ приемами людей высшаго общества. Однимъ словомъ, это былъ П. И. Сосницкій, который до тѣхъ поръ въ дѣтствѣ игралъ роль Георгія въ Пожарскомъ, и потомъ нѣкоторыя другія пезначущія роли. Онъ удивилъ всѣхъ и привелъ въ восторгъ публику. Это былъ первоклассный талантъ, общавшій публикѣ величайшее наслажденіе. Онъ вполне сдержалъ это обѣщаніе, и вотъ уже болѣе 30-ти лѣтъ не перестаетъ быть любимцемъ обѣихъ столицъ. Всѣми этими лицами театръ былъ обязанъ Князю Шаховскому, и если-бы онъ не имѣлъ другихъ заслугъ и правъ на всеобщую благодарность, кромѣ этой, то и тогда имя его должно было-бы сохраниться въ лѣтописяхъ исторіи нашего театра. *Липецкія воды* болѣе 10-ти лѣтъ держались на нашей сценѣ, а это служитъ лучшимъ доказательствомъ достоинства пьесы. Въ наше время подобной долговѣчности и не знаютъ.

Второю пьесою, появившеюся въ этомъ же году, былъ народный водевиль: *Крестьяне*, или *Встрѣча незваныхъ*. Это одинъ изъ эпизодовъ великой войны 1812 года. Но какимъ жаромъ истиннаго патріотизма проникнута эта пьеса! Чье сердце не трепетало тогда при энергическомъ пѣніи Зловымъ знаменитаго куплета, который всякой повторялъ:

«Не указъ намъ чужеземный край;
 Намъ на то отцы заповѣдали. —
 Нашъ покорству-ли противъ злыхъ враговъ
 Учить вѣра православная?
 Не бывало и не быть тому,
 Чтобы врагу мы покорились!
 Лучше лечь намъ въ мать сыру землю
 Чѣмъ безславить имя русское!»

Невозможно выразить всеобщихъ восторговъ при этомъ куплетѣ! Успѣхъ этого водевиля былъ самый блистательный и заслуженный.

Другой отечественный водевиль, явившійся въ томъ же году, сдѣлалъ менѣе шума, но имѣлъ не менѣе достоинства. Это былъ *Домошсовъ*. Извѣстно, что первый русскій поэтъ, физикъ и историкъ, по окончаніи университетскаго курса въ Марбургѣ, попался къ прусскимъ вербовщикамъ, которые насильно завербовали

его, въ солдаты. Этотъ-то эпизодъ представилъ Князь Шаховской въ своемъ новомъ водевилѣ, и помѣстилъ въ немъ лучшія стихи Ломоносова. Онъ имѣлъ огромный успѣхъ, и болѣе 15-ти лѣтъ держался на сценѣ.

Необычайный успѣхъ этихъ трехъ пьесъ сдѣлалъ Князя Шаховскаго любимѣйшимъ авторомъ того времени. Онъ успѣлъ уже создать и труппу, и репертуаръ.

Въ 1815 году перевелъ онъ французскую трагедію «Абуфоръ», которая имѣла посредственный успѣхъ, потому-что и въ оригиналѣ никогда не была въ славу.

Въ томъ-же году дана была опера *Иванъ Сусанинъ*, которой либретто сочинилъ Князь Шаховской, а музыку Кавосъ. Новѣйшіе твореніе даровитаго нашего Глики заставило забыть о музыкѣ Кавоса, но истинные знатоки все-таки душевно сожалеютъ, что уже не слышать ея. Она была превосходна. Всѣ пумера, отъ перваго до послѣдняго, проникнуты истиннымъ чувствомъ и высокимъ музыкальнымъ дарованіемъ. А какъ она шла! Самойловъ, бывшій еще во всемъ блескѣ своего удивительнаго тенора и прекрасной игры; Зловъ, прекрасѣйшій актеръ; Садунова, которую можно-было назвать *европейскою пѣвицею*, какой у насъ съ-тѣхъ-поръ уже не было, и наконецъ, прелестная Сосницкая, которая тогда была едва распускающимся цвѣткомъ: эти четыре лица составляли ensemble рѣдкій, можетъ-быть, единственный въ своемъ родѣ. Опера имѣла большой успѣхъ, хотя критики и осуждали Князя Шаховскаго за то, что онъ измѣнилъ историческій конецъ пьесы, спасши Сусанина. Подобныя черты слишкомъ-высоки, и для сцены не должны быть перепрививаемы.

Въ 1817 году перевелъ онъ вчетверомъ съ Катенинымъ, Жадромъ и Чепеговымъ извѣстную трагедію Корнеля *Гораци*. Успѣхъ ея былъ посредственъ. Времена суроваго классицизма начинали ослабѣвать, и пьесы Вольтера болѣе уже имѣли успѣха, нежели Корнеля и Расина. Даже самый переводъ въ *компани* былъ тогда охуждаемъ. Знаменитое «*Qu'il mourût*» не произвело эффекта, и въ этомъ обвиняли переводъ:

Что-бъ долженъ сдѣлать онъ противъ тронъ?

Умри!

Иль славный смертию позоръ свой предвари.

Этотъ отвѣтъ значилъ *умри*, или *умри*, тогда какъ у Корнеля. Вторая фраза, хотя весьма-надутая и запутанная,

«Qu'il mourût
Ou qu'un beau désespoir alors le secourût!

значила *умри*, или *побѣди*. Піесу перестали уже играть, а полемические споры все еще продолжались.

Въ исторіи театра надобно замѣтить еще одно обстоятельство, относящееся къ этому періоду. Это чрезвычайное умноженіе числа бенефисовъ. Первоначально, бенефисы появились съ иностранными труппами. Дирекція, не имѣя тогда возможности платить огромные оклады, какихъ требовали первоклассные европейскіе таланты, выписываемые въ С. Петербургъ, замѣнила часть жалованную бенефисами. Теряя день, который, по-видимому, всегда могла замѣнить, (потому-что тогда ни одна труппа не играла безпрерывно всякой день), дирекція, казалось, выигрывала, сберегая деньги добавочнаго жалованья. И покуда число этихъ бенефисовъ ограничивалось весьма-малымъ количествомъ, дѣйствительно разсчитать-былъ почти-вѣренъ. Но когда эта система перешла и на національный театр; когда всякій артистъ, первый въ своемъ амплуа (*chef d'emploi*) почелъ себя въ правѣ требовать бенефиса; когда вся заботливость дирекціи о постановкѣ новыхъ піесъ должна была обратиться на бенефисныя піесы, а не на собственныя свои; когда потомъ расчеты бенефициантовъ сдѣлали изъ этого налогъ на публику, заставивъ ее платить втрое, вчетверо дороже всеневныхъ цѣнъ; когда выборъ бенефисныхъ піесъ сдѣлался спекуляціею и имѣлъ цѣлю одну многорѣчивую афишу, а не достоинство спектакля; когда число этихъ бенефисовъ возросло до того, что актеры принуждены бывали ежедневно выучивать по двѣ новыя роли, истощая свою память, не только безъ малѣйшей пользы искусству, но даже къ совершенному его упадку, когда сотни піесъ, которыя никогда-бы не были приняты дирекціею, ежегодно наводняли репертуаръ, приучая публику къ эфемернымъ произведеніямъ; когда имена авторовъ дюжинами стали мелькать на афишахъ, — и литература вовсе не знала объ нихъ, — о! тогда эта система сдѣлалась истинною язвою для литературы, для драматическаго искусства, для вкуса зрителей и кармановъ публики. — Это несчастное усиленіе бенефисовъ падаетъ нѣкоторымъ образомъ на Князя Шаховскаго. Образовавъ столько прекрасныхъ сюжетовъ, онъ всячески хотѣлъ обезпечить ихъ домашнюю жизнь, чтобъ дать имъ средства, какъ можно болѣе заниматься развитіемъ своихъ дарованій. Недостаточность финансовыхъ средствъ дирекціи препятствовала

ему въ стараніяхъ о увеличеніи ихъ жалованья; оставалось награждать бенефисами. Три, четыре лишніе дня въ году, по-видимому, ровно ничего не значили. На-повѣрку вышло совершенно-противное. Прибавляя ежегодно по три, по четыре бенефиса, дирекція дошла до огромныхъ цифръ... Когда, Богъ дастъ, со-временемъ, эта ошибочная система, разливавшаяся лѣтъ 30-тъ тому назадъ, войдетъ опять въ свои берега и исчезнетъ, — тогда начнется новый періодъ благосостоянія нашего театра; тогда литература и сценическое искусство процвѣтутъ вполнѣ. На главныхъ парижскихъ театрахъ бенефисъ дается при совершенномъ оставленіи артистомъ сцены. Всѣ идутъ тогда, и охотно платятъ вдвое, втрое, потому-что это единственный кусокъ хлѣба, который дается актеру на старость. У насъ, гдѣ благодѣтельное правительство обезпечило значительными пенсіонами существованіе артистовъ, не только по смерти ихъ, но и вдовъ ихъ и дѣтей, — тамъ бенефисъ не имѣетъ цѣли — и вотъ одинъ упрекъ, который можетъ сдѣлать исторія театра Князю Шаховскому.

Въ его время, онъ не только хлопоталъ, чтобъ тому или другому актеру дать бенефисъ, но при маломъ количествѣ тогда авторовъ и переводчиковъ, онъ съ удивительнымъ радушіемъ трудился самъ для всякаго, кто являлся къ нему съ просьбою. А какъ имя Шаховскаго ручалось тогда за успѣхъ пьесы, то, разумѣется, просителей было много, а онъ никому почти не отказывалъ. Это заставляло его писать, какъ говорится, съ плеча, — что очень-часто вредило художественной обработкѣ пьесъ и даже слогу. При исчисленіи пьесъ, мы обозначили тѣ изъ нихъ, которыя носили на себѣ отпечатокъ поспѣшности, — и онъ самъ мало занимался потомъ этими бенефисными произведеніями, говоря, что это не литературные труды, а дружеская услуга.

Впрочемъ, сказавъ все, что по нашему мнѣнію служило Князю Шаховскому упрекомъ въ дѣлѣ накопленія бенефисовъ и поспѣшности его въ литературной отдѣлкѣ бенефисныхъ пьесъ, мы съ тѣмъ-же безпристрастіемъ обязаны представить и неосцѣненную пользу, которую онъ доставлялъ нашей сценѣ этими дѣтскими-скороспѣлками. Она состояла въ удивительной твердости и заученности ролей, въ превосходномъ общемъ ходѣ (*ensemble*), въ развитіи каждаго артистическаго таланта до высочайшей степени. Какъ авторъ и какъ начальникъ, Князь Шаховской столько разъ проходилъ съ каждымъ актеромъ его роль, столько разъ заставлялъ репетовать всю пьесу, и у себя на дому, и на сценѣ, не пропуская ни малѣйшихъ подробностей постановки, что всякая

подобная пьеса шла превосходно: всякой актеръ зналъ свою роль до возможной степени совершенства, — и отъ этого слабыя пьесы выдерживали по множеству представленій, а посредственные казались хорошими. Всякой актеръ думалъ не о себѣ одномъ, не объ отдѣльныхъ эффектахъ своей роли, а объ общемъ ходѣ, о другихъ, играющихъ съ нимъ лицахъ, объ успѣхѣ всей пьесы и о правилахъ сценическаго искусства. Вотъ въ чемъ была въ то время величайшая заслуга Князя Шаховскаго. И послѣ него были у насъ хорошіе актеры, превосходныя пьесы, но самыя представленія уже не шли съ такимъ успѣхомъ, съ такою твердостью ролей, съ такими общими усиліями и тщательностію въ общемъ ходѣ. Эта важная отрасль сценическаго изящества послѣ него какъ будто-бы была потеряна. Всякой думалъ о себѣ и о томъ, чтобы вырвать у толпы нѣсколько лишнихъ аплодисментовъ, — но о товарищахъ и о самомъ искусствѣ очень мало помышлялъ. Вотъ въ чемъ была невознагражденная потеря русскаго театра! Отъ-чего такъ хорошо идутъ всегда французскіе спектакли? Отъ-того, что пьесы репетируются съ величайшимъ тщаніемъ (*scrupule*), отъ-того, что не упускаются ни малѣйшія подробности постановки, выходы, встрѣчи, переходы, группы, мѣста, даже бутюфорскія вещи; отъ-того, что во-время репетицій у нихъ царствуетъ на сценѣ глубочайшая тишина, и артисты не позволяютъ себѣ никакихъ постороннихъ разговоровъ, никакихъ отступленій отъ хода пьесы; отъ-того, что репетируютъ совершенно въ томъ тонѣ, съ тою-же дикціею, жестами и на тѣхъ-же мѣстахъ, какъ они намѣрены играть въ настоящемъ представленіи. Тоже самое дѣлалось и въ русской труппѣ при Князя Шаховскомъ, — и отъ-того все русскія пьесы шли превосходно, не говоря уже о томъ, что онъ для каждаго ампуа сформировалъ актеровъ, приносившихъ честь и ему, и театру. Тогда всякой артистъ слушался его совѣтовъ и наставленій, и даже тѣ, которые не ему были обязаны своимъ образованіемъ (какъ-то К. С. Семеновъ и Яковлевъ, Бобровъ, Зловъ и другіе) принимали отъ него съ благодарностію замѣчанія. Худо, если актеры ни у кого не учатся, обижаются всякими замѣчаніями, считаютъ всякіе совѣты — враждою, всякую критику — личностію, всякое осужденіе — невѣжествомъ. Худо если между ними нѣтъ братства, духа корпораціи. Въ такихъ обстоятельствахъ обыкновенно первыя ампуа съ пренебреженіемъ репетируютъ свои роли, про себя, не заботясь о второстепенныхъ лицахъ, какъ скоро они не ихъ самихъ должны поддерживать. Они не

удостоятъ ихъ никакими совѣтами и наставленіями, которые впрочемъ и были-бы приняты съ неуваженіемъ. По множеству репетуемыхъ піесъ, актеры перебѣгаютъ изъ комнаты въ комнату, — а свободныя за-тѣмъ минуты употребляютъ на милые разговоры между-собою. Какого-же тутъ можно требовать общаго усилія, общей точности!

Въ самый годъ увольненія своего отъ театра (1818), Князь Шаховской далъ три піесы. Первая изъ нихъ, извѣстная комедія *Своя семья*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Грибоѣдовъ и Хмельницкій сдѣлали въ ней два явленія, — и піеса имѣла тогда самый блистательный успѣхъ: Валберхова, Сосницкій, Бобровъ, Сандунова, Рамазановъ — превосходно разыграли ее. Сюжетъ состоитъ въ томъ, что молодая жена, чтобъ поправиться провинціальной роднѣ мужа, прилаживается къ характеру и вкусамъ каждаго изъ нихъ, и притворяется то дурочкою, то ученою, то скупую, то мечтательницею, то рѣзвучкою. Это ей удается, и піесъ конецъ. Но она написана прекрасно, а при тогдашней любви публики къ комедіямъ, должна была необходимо веѣмъ правиться. Второю комедіею была *Не любо не слушай, а лгать не мшай*, въ одномъ дѣйствіи. Это подражаніе французской піесъ «Le menteur», но прекрасно передѣланное и версифицированное. Это была одна изъ лучшихъ ролей Сосницкаго. *Своя семья* и *Не любо не слушай* — перешли на все домашніе театры. — Третьею піесою въ этомъ году былъ водевиль: *Новый Бедламъ*, переведенный съ французскаго, съ нѣкоторыми новыми нумерами музыки; въ числѣ которыхъ прославился тогда вальсъ Маурера. Г-жа Сосницкая прелестна была тогда въ роли мнимой сумасшедшей. Кромѣ этихъ трехъ піесъ была, правда, еще четвертая въ томъ-же году, это оперетка *Животный магнетизмъ*, — но какъ она съ перваго раза упала, то и упоминается здѣсь только для хронологическаго порядка. Есть, пожалуй, еще и пятая, — но это случайный (*pièce de circonstance*) прологъ: *Аполлонъ и Паллада*, написанный для открытія Большаго-театра, (3-го февраля), возобновленнаго тогда послѣ пожара 1814 года. Разумѣется, піеса шла одинъ только разъ.

Въ 1819 году выступилъ князь Шаховской съ новою 5-ти-актною комедіею въ стихахъ: «*Пустодомы*». Это картина жизни многихъ русскихъ баръ, которые проживаются на новыхъ проектахъ, улучшеніяхъ, филантропій, забывая, что на нашу почву, нашъ народъ и климатъ надобно вовсе другое, нежели въ чужихъ краяхъ. Хотя литературныя достоинства этой піесы были

выше *Липецкихъ водъ*, — по она не имѣла и вполнину того успѣха, какъ ея счастливая предмѣстница. Въ томъ-же году далъ онъ два водевиля, передѣланные съ французскаго на русскіе нравы: «*Новый Пурсоньякъ и два учителя*». Первый былъ торжествомъ Сосницкаго; — второй тоже имѣлъ большой и продолжительный успѣхъ.

Въ 1820 году князь Шаховской далъ театру шесть одноактныхъ піесъ, — все въ бенефисы: а) *Какаду*, комедія въ стихахъ. Это было какъ-бы продолженіемъ *Липецкихъ водъ*, и піеса имѣла большой успѣхъ, будучи разыграна прекрасно тѣми-же самыми дѣйствующими лицами, которые съ-тѣхъ-поръ сдѣлались уже любимцами публики; б) *Новая Суматоха*, опера-pasticcio, то-есть, музыка ея была набрана изъ Моцарта, Паззіелю, Чимарозы — и нѣкоторые нумера вновь сдѣланы Кавосомъ. Эта піеса имѣла огромный успѣхъ, — потому-что Н. С. Семенова, игравшая роль Сонички, была неподражаемо-прелестна. — Одаренная самою восхитительною наружностію и необыкновеннымъ дарованіемъ, она уже нѣсколько лѣтъ занимала первыя роли въ операхъ, образуемая въ развитіи музыкальныхъ способностей превосходнымъ своимъ учителемъ Кавосомъ, который создалъ русскую оперу, какъ Князь Шаховской — русскую комедію. Самойловъ, Сандунова, Зловъ поддерживали общій ходъ этой оперы — и даже г-жа Ежова, неимѣвшая никакого голоса, имѣла прекрасное музыкальное тріо, — такъ хорошо умѣлъ Кавосъ пользоваться всѣми средетвами; в) *Графъ Ори*, — водевилъ, переводъ съ французскаго, неимѣвшій успѣха. д) *Актеръ на родинѣ*, водевилъ, передѣланный съ французскаго, — жившій тоже недолговѣчною жизнію; е) *Игнаша дурачекъ*, водевилъ, передѣланный съ французскаго (*Le fou de Peronne*), — имѣвшій значительный успѣхъ, по прекрасной игрѣ Сосницкаго; г) *Адвокатъ*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, ваятый изъ Мольера, и неимѣвшій успѣха, и г) *Ворожсея*, оригинальный водевилъ, долго державшійся на репертуѣ остроумнымъ своимъ сюжетомъ и хорошою игрою артистовъ.

Въ 1821 году далъ онъ пять піесъ. а) *Иваной*, романтическая комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сюжетъ ея былъ цѣлкомъ взятъ изъ знаменитаго романа Вальтеръ-Скотта. Этого довольно было для самаго блистательнаго успѣха, — а превосходная постановка и исполненіе піесы довершили очарованіе. Г. Каратыгинъ, еще недавно вступившій въ службу, но уже успѣвшій приобрести любовь публики, игралъ роль Ричарда, Львиного-сердца;

Брянской — Бриана Богиберта, Валберхова — Леди Равенну, А. М. Колосова (въ послѣдствіи Каратыгина) — роль Ревекки, Бобровъ Себрика, Щениковъ Адельстона, а Борецкой — Исаака. Съ этою обетановкою піеса шла превосходно и долго дѣлала огромные сборы. б) *Буря* волшебна-романтическое зрѣлище въ 3-хъ дѣйствіяхъ, взятое изъ Шекспира. Это было еще первое знакомство русской публики съ знаменитымъ поэтомъ Англии. *Гамлетъ* и *Отелло*, которыми до-тѣхъ-поръ угощали ее, были только французскими передѣлками, въ которыхъ гений Шекспира былъ подавленъ рамками классицизма и чопорностью французской драматической литературы. Эта піеса имѣла большой успѣхъ. Все въ ней было ново для насъ. Эти двѣ крайности созданія — Аріель и Калибанъ, эта полу-духовная и полу-скотская жизнь, эта таинственная судьба Миранды, этотъ пьяный боцманъ, захватывающій верховную власть на пустынномъ островѣ, — все поражаю зрителей своею новостію и увлекало могуществомъ генія Шекспира; в) *Женщина Лунатикъ*, водевилъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ, передѣланный съ французскаго, имѣлъ величайшій успѣхъ по неподражаемой игрѣ Н. С. Семеновой, обворожавшей зрителей въ главной роли (Женщины-Лунатика); — д) *Фениксъ, или утро журналиста*, водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго, имѣлъ большой успѣхъ по участию въ немъ знаменитой въ то время танцовщицы Истоминой, воспѣтой даже Пушкинымъ, по удивительной аріи Антоволини, которую пѣла новосформировавшаяся пѣвица Иванова, и по превосходной игрѣ Рамазанова; — е) *Баккалавръ Саламанкскій*, водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго, — не имѣлъ значительнаго утѣха.

Въ исторіи русскаго театра весь этотъ періодъ составляетъ самую блистательную эпоху его существованія. Русская трагедія и драма имѣли Семёнову, Колосову, Валберхову, Каратыгина, Брянскаго; комедія все была составлена изъ первоклассныхъ талантовъ: А. М. Колосова, долгое время соперничествовавшая съ К. С. Семеновой, наиболѣе обратилась къ комедіи, гдѣ ея талантъ уже рѣшительно первенствовалъ. Брянской, имѣвшій въ драмѣ и трагедіи соперникомъ себѣ В. А. Каратыгина, по побѣждавшій его своими блистательными средствами, былъ единственъ въ комедіи; Сосницкій не имѣлъ ни въ какой труппѣ себѣ равнаго. Рамазановъ, Бобровъ, Понамаревъ, — были превосходны въ своихъ амбуа. Е. Я. Сосницкая была обворожительна, какъ талантомъ, такъ и красотою, и наконецъ московскій актеръ Рязанцевъ, вскорѣ прибывшій въ Петербургъ, дополнилъ превосходство этой

труппы, которая могла тогда считаться одною изъ первыхъ въ Европѣ. Ко всѣмъ тѣмъ причинамъ усовершенствованія этой части, о которыхъ мы уже говорили, надобно еще присовокупить одно важное обстоятельство: это — посѣщеніе русскаго театра высшимъ аристократическимъ обществомъ. До 1812 года оно вовсе почти не знало о его существованіи. Имѣя тогда превосходящую французскую трагедію, комедію и оперу, высшее общество только по слуху радовалась успѣхамъ Озерова и князя Шаховскаго. Но когда испанская война 1812 года страхнула съ русскаго народа страсть ко всему иноземному; когда вся Европа двинулась на насъ войною, когда всякой чужестранецъ былъ нашимъ врагомъ, то и самое невинное удовольствіе — смотрѣть французскіе спектакли, вдругъ показалось предосудительнымъ въ томъ самомъ обществѣ, которое до-тѣхъ-поръ принимало каждаго Француза съ отверстыми объятіями: благороднѣйшіе порывы патриотизма воспламенили тогда всѣ сословія. — Какъ-бы по общему согласію, всѣ вдругъ перестали ѣздить во французскіе спектакли, — и дирекція закрыла этотъ театръ, труппа была распущена и деньги, на нее отпускаемыя, были обращены на вспоможеніе раненымъ воинамъ. — Когда-же Благословенный даровалъ въ стѣнахъ Парижа миръ и свободу всей Европѣ, — то прошло послѣ того нѣсколько лѣтъ безъ существованія французской труппы въ Петербургѣ. Наконецъ Брисъ и Мезьеръ составили самую маленькую изъ 6-ти персонажей, — и всѣ съ жадностію бросились къ наслажденію, котораго давно были лишены. До-тѣхъ-поръ, всѣ сословія принуждены были ѣздить въ русскіе спектакли. Но какъ-скоро бывший тогда главный директоръ, Князь Тюфяинъ, увидѣлъ, что частная французская труппа отвлекаетъ очень-много посѣтителей отъ казенныхъ спектаклей, то тотчасъ-же составилъ проектъ соединить въ одно цѣлое двѣ противурѣчащія выгоды, — то-есть, страсть къ Французамъ и пользу національнаго театра: онъ привялъ французскую труппу въ завѣдываніе дирекціи, усилилъ ее хорошими сюжетами, образовалъ комедію и оперу, — и для содержанія ея предложилъ публикѣ абонементъ на *большомъ театрѣ*, — но съ тѣмъ, чтобъ онъ былъ не исключительно на французскіе, и на всѣ спектакли, даваемые на этомъ театрѣ. *Bongré, malgré*, всѣ спѣшили абонироваться. Страсть къ Французамъ преодолѣла всякій расчетъ, и абонировавшіеся принуждены были смотрѣть ежедневно, кромѣ трехъ французскихъ спектаклей, еще четыре русскіе. Ежедневный абонементъ простирался тогда до 1000 руб. Въ числѣ абонировав-

шихся были, разумеется, все лица высшего общества, — и они почти по-неволѣ смотрѣли на русскіе спектакли. Это-то и дало полное развитіе нашей комедіи и трагедіи. Изящный вкусъ и приличіе переходили отъ зрителей къ актерамъ, — а масса зрителей полуобразованныхъ получила чрезъ это свѣткость и тонкое чувство изящества. Тогда все осмѣли-бы того, кто сталъ бы вызывать артиста въ продолженіе дѣйствія или даже прежде совершеннаго окончанія пьесы. Еще менѣе позволяли себѣ зрители вызывать по нѣскольку разъ съ неистовыми криками и стукомъ. Даже на афишахъ стояло, что не дозволяется стучать ногами и палками. Увы! — въ наше время стучать и стульями! А цвѣты, вѣнки!... За то и искусство подвигается — назадъ. Тогда актеры, зная, передъ *какою* публикою они играютъ, не искали аплодиссментовъ толпы эксцентрическими криками и жестами, а довольствовались скромною похвалою, отдаваемою безъ воплей, стука и треска. — Къ-несчастью русскаго театра, этотъ періодъ былъ непродолжителенъ. Французская труппа отдѣлилась совершенно, — и публика ея тоже. Намъ остается жалѣть, что съ-тѣхъ-поръ высшее общество отчуждалось отъ русскаго театра. Безъ него — ни литература, ни сценическое искусство не могутъ процвѣтать. Безъ Мепенатовъ нѣтъ *Виргилиевъ*, безъ тонкаго вкуса зрителей — нѣтъ первоклассныхъ актеровъ.

Въ это самое время случилась важная перемѣна въ управленіи театра. Князь Тюфякинъ отправился въ чужіе края для ангажированія во французскую труппу новыхъ сюжетовъ. Для временнаго управленія С. Петербургскими театрами назначилъ онъ управлявшаго тогда московскимъ театромъ Аполлона Александровича Майкова, — но въ концѣ того-же года (1820) Князь Тюфякинъ былъ внезапно уволенъ отъ званія главнаго директора, а г. Майковъ назначенъ въ должности директора. Онъ былъ человѣкъ добрый, радушный, образованный, — но мѣсто это превышало его средства. Успѣвъ указать на многія упущенія, сдѣланныя своимъ предмѣстникомъ, онъ брался исправить ихъ, — и черезъ годъ театръ уже снова былъ въ долгу. Расходы видимо возрастали, сборы убавлялись, и вскорѣ онъ принужденъ былъ сознаться, что нужны *чрезвычайныя* мѣры, чтобъ возстановить порядокъ въ финансовыхъ дѣлахъ дирекціи. Тогда С. Петербургскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ былъ знаменитый Графъ М. А. Милорадовичъ, прозванный русскимъ *Баярдомъ*. Герой на полѣ битвы, твердый администраторъ во время мира, любезнѣйшій и остроумнѣйшій человѣкъ въ бесѣдахъ, честный

и правдивый вездѣ и во всемъ, — онъ, сверхъ-того, былъ страстный любитель театра... (*) Онъ съ жаромъ взялся за участь театра, и если послѣдствія не оправдали его ожиданій и желаній, то ужъ, конечно, неуспѣхъ произошелъ не отъ него. Онъ нехотѣя иниціировалъ составленіе комитета, для устройства дѣлъ театральной дирекціи (5-го февраля 1824 г.), — и въ число членовъ этого комитета былъ назначенъ Князь Шаховской, на котораго, по извѣстной его опытности въ театральномъ дѣлѣ, возложено было составленіе новаго штата. Еще за два года предъ тѣмъ, когда г. Майковъ былъ назначенъ директоромъ театра, пригласилъ онъ Князя Шаховскаго преподавать въ театральной школѣ уроки драматическаго искусства. Лучшаго учителя нельзя было выбрать, — и черезъ два года успѣлъ онъ такъ много, что снова оживилъ русскую сцену прекраснѣйшими талантами. Мы вскорѣ будемъ говорить о нихъ. Теперь, чтобъ не разрывать служебнаго разказа о Князѣ Шаховскомъ, будемъ слѣдить за нимъ на этомъ поприщѣ. Послѣ обратимся и къ литературному.

Мнѣнїе, нежели въ годъ былъ написанъ новый штатъ и 3-го мая 1825 года уже Высочайше утвержденъ. Надобно отдать полную справедливость Князю Шаховскому въ томъ, что всѣ подробности этого штата, имѣвшаго до 200 печатныхъ страницъ, прекрасно составлены. Въ отрасли театральной администраціи и полиціи были изложены мастерски и обезпечивали, какъ выгоды, такъ и самолюбіе каждаго, — а въ дѣлѣ театра послѣднее часто важнѣе перваго. — Съ утвержденіемъ штата, всѣ члены комитета, собраннаго для устройства дирекціи, остались для постоянного управленія театрами. Званіе директора, разумѣется, сдѣлалось тогда незначущимъ, — а вся власть дѣйствій сосредоточивалась въ комитетѣ (названномъ «Комитетомъ главной дирекціи»). Хотя всѣ члены вмѣстѣ, и каждый порознь (**) искренно желали театру пользы; хотя употребляли всѣ возможные къ тому средства; хо-

(*) Да не подумаютъ читатели, что наши похвалы изысканы, преувеличены. Нѣтъ! Авторъ этой біографіи слишкомъ четыре года былъ при немъ всѣдневно, и имѣлъ случай видѣть всѣ его высокія качества не только въ служебномъ отношеніи, но и въ домашнемъ. Это самое пріятное, драгоценное воспоминаніе. Подобныхъ людей производить только эпохи, подобныя той, въ которую онъ жилъ! *Сог.*

(**) Членами были первоначально: Графъ М. А. Милорадовичъ, Князь В. В. Долгоруковъ, Графъ П. И. Кутайсовъ и Князь А. А. Шаховской.

тя даже Графъ Милорадовичъ доставилъ дирекціи прибавку въ 200,000 руб. асс., для покрытія ея дефицитовъ, но увы! примѣры XVIII вѣка, въ концѣ котораго С. Петербургскіе театры тоже управляемы были комитетами, недостаточно еще убѣдили, что единство-властіе и централизація всего дѣль въ исполнительныхъ частяхъ. Каждый членъ судилъ очень-хорошо, но судилъ по своему. Каждый могъ почитать свое мнѣніе лучшимъ, — и эта неопредѣлительность дѣйствій, которую Французы называютъ *tiraillement*, часто вредила общему ходу дѣлъ. Князь Шаховской былъ младшій членъ этого комитета, — но какъ первый писатель своего времени, какъ бывшій почти двадцать лѣтъ начальникомъ всѣхъ труппъ, и какъ образователь большей части изъ русскихъ артистовъ, — онъ наиболѣе имѣлъ вѣса, потому-что всѣ обращались къ нему. Это не могло быть всегда пріятно для тѣхъ членовъ, которые хотѣли, чтобъ дѣла шли отъ лица всего комитета. И въ прежній періодъ службы Князя Шаховскаго, вражды современниковъ часто упрекали его въ пристрастіи; теперь повторилась тѣже обвиненія и еще съ болѣею силою, потому-что власть Князя Шаховскаго была уже значительнѣе въ дѣлахъ театральныхъ. Одинъ Графъ Милорадовичъ былъ его всегдашнимъ и постояннымъ покровителемъ. Онъ навѣщалъ его почти каждый день, особливо лѣтомъ, во время перестройки Екатерингофа, обязаннаго Графу Милорадовичу теперешнимъ своимъ прелестнымъ устройствомъ. До него, это былъ сосновый и еловый лѣсъ, сырой, грязный, топкій, скучный, однообразный. Вдругъ какъ-бы волшебнымъ железомъ это мѣсто превратилось въ превосходное загородное гулянье, которое было-бы единственнымъ въ своемъ родѣ, если-бъ совершенно было предоставлено публикѣ. Графъ Милорадовичъ, окончивъ по-утру всѣ свои распоряженія по званію, имъ занимаемому, ежедневно отправлялся потомъ въ Екатерингофъ, осматривалъ работы, ободрялъ всеобщую дѣятельность, придумывалъ новыя украшенія и быстро подвигалъ работы. Тамъ-же, при вѣздѣ въ Екатерингофъ, на дачѣ (бывшей) Барона Раля, жилъ Князь Шаховской. Подъ его покровительствомъ и надзоромъ жили въ то время самыя талантливыя воспитанницы театральной школы, съ надзирательницами, какъ для того, чтобъ пользоваться лѣтнимъ воздухомъ на дачѣ, такъ и для всендневныхъ уроковъ и репетицій; это былъ тотъ знаменитый выпускъ, который далъ русскому театру вдругъ цѣлую фалангу первоклассныхъ талантовъ, обязанныхъ своимъ драматическимъ образованіемъ Князю Шаховскому. Пріятно вспомнить эту счастливую эпоху, когда

театральное училище производило подобныхъ артистовъ. Тутъ была Дюрова (потомъ Каратыгина), которая была лучшею первою молодою любовницею, какія до тѣхъ-поръ были и какихъ уже послѣ нея мы не видали; тутъ были первоклассныя танцовщицы Телешова и Зубова; первая была превосходный пантомимный сюжетъ, а вторая прелестный демихарактерный. Тутъ была пѣвица Монруа (потомъ бывшая Шелихова 1-я), которая приняла большую часть ролей Н. С. Семеновой, и въ наше еще время восхищала всѣхъ въ рольъ Изабеллы въ Робертъ; тутъ была прекрасная танцовщица въ серьезномъ родѣ Азаревичева, вскорѣ похищенная у Терпсихоры Гимнеемъ; тутъ была Рыкалова, дочь знаменитаго комика, обворожавшая всѣхъ своимъ дарованіемъ въ водевиляхъ; тутъ была рѣдкая субретка Азаревичева 2-я, игравшая съ большимъ успѣхомъ и многія драматическія роли; тутъ былъ контральтъ Строгановъ.... Однимъ словомъ, это былъ цѣлый разсадникъ талантовъ. Князь Шаховской ежедневно съ ними занимался, и Графъ Милорадовичъ нерѣдко присутствовалъ при этихъ урокахъ, ободряя словомъ и наградами всякіе успѣхи.

Такъ проходила служба Князя Шаховскаго. Русскій театръ продолжалъ быть ему обязаннымъ лучшими современными пьесами, а актеры своимъ образованіемъ. Вдругъ судьба отягла у него внезапно лучшаго его покровителя, а у Россіи одного изъ знаменитѣйшихъ ея героевъ. Графъ Милорадовичъ палъ жертвою своего долга и преданности къ Царю....

Послѣ кончины Графа Милорадовича, старшимъ членомъ Комитета сдѣлался Князь В. В. Долгоруковъ. Онъ нашелъ нужнымъ измѣнить составъ сего комитета, и съ опредѣленіемъ новаго члена, Князь Шаховской былъ уволенъ (23-го января 1826 года). Здѣсь кончается служебное поприще его. Когда будетъ составлена полная исторія русскаго театра, то мы увидимъ, какими успѣхами было ознаменовано дальнѣйшее существованіе комитета. Можемъ однакоже сказать, что новая эра нашего театра началась только съ возстановленія единства управленія и директорства Князя С. С. Гагарина, память котораго останется навсегда незабвенною для всѣхъ любителей искусства....

Возвратимся теперь къ литературнымъ трудамъ Князя Шаховскаго. Мы остановились на 1822 году. Теперь начинается самый плодотворный періодъ его дѣятельности. Исчислимъ сперва главные его пьесы, рассмотримъ ихъ въ литературномъ и сценическомъ отношеніяхъ, а потомъ уже сдѣлаемъ воловую перечень тѣхъ

мелких пьесъ, которыя авторъ писалъ по просьбѣ бенефициантовъ.

1) Прежде всего должны мы говорить о лучшей и замѣчательнѣйшей его пьесѣ (по нашему мнѣнію) это—*Аристофанъ*. Мы досихъ-поръ истощаемъ наши вымыслы надъ всеневною жизнью, чтобы найти хорошей сюжетъ комедіи, а домашнюю жизнь Грековъ и Римлянъ совсѣмъ забыли, тогда какъ тутъ неисчерпаемая сокровища для писателя съ талантомъ. Наши страсти и пороки уже покрыты почти непроницаемою маскою, и о нихъ надобно *догадываться*. Древніе-же Греки и Римляне были гораздо-откровеннѣе во всемъ. Наши общественныя условія далеко ушли впередъ, но только потому, что всѣ націи Европы уже стоятъ на одинаковой степени просвѣщенія; Греки-же были тогда одни и вполне могли гордиться своимъ просвѣщеніемъ. И публичная, и домашняя ихъ жизнь была исполнена поэзіи и дѣятельности. Ихъ народныя ораторы, философы, гетеры, поэты, ихъ театръ, литература, обычаи, остроуміе, высокія добродѣтели и низкіе пороки—все представляетъ такіе обильные матеріалы для самой высокой и занимательной комедіи, что надобно удивляться лѣности, или недогадливости нашихъ писателей, рѣшающихся обработать для сцены греческихъ и римскихъ сюжетовъ. Князь Шаховской имѣлъ довольно дарованія, чтобъ сдѣлать подобный выборъ. Первое представленіе извѣстной пьесы Аристофана—*Всадники*, послужило ему сюжетомъ для прекрасной его комедіи. Клеонъ, всемогущій народный ораторъ той эпохи, былъ выведенъ поэтомъ лично на сцену. Его пороки и грабительство явно были изображены народу; но въ день представленія, не только никто изъ афинскихъ актеровъ не хотѣлъ играть роли Клеона, боясь мщенія этого казначея Республики, но и скульпторы отказались сдѣлать маску, которую тогда надѣвали актеры во время спектакля. Аристофанъ рѣшается самъ играть эту роль, а одна изъ гетеръ, любовница поэта, завлекши къ себѣ Клеона, доставляетъ даже автору-актеру его хламиду и прочія части одежды. Пьеса принята народомъ съ полнымъ одобреніемъ, а приверженцы Клеона, хотѣвшіе уронить комедію, не смѣли начать шума въ отсутствіи Клеона, который между-тѣмъ, увитый плющомъ, уснулъ въ объятіяхъ Алкинои. Вотъ весь сюжетъ. Но какъ превосходно выставлены характеры лицъ, духъ времени, обычаи народа, обряды его, повѣрья, домашняя жизнь! Какъ прекрасно написана комедія! Какъ роскошно и разнообразно разбросаны всѣ метры поэзіи, чтобъ каждое лицо говорило сообразно своему

характеру и положенію! Есть хоры и тирады чисто-лирическія. Аристофана игралъ тогда Брянской, Алкиною Дюрова, Клеона Бобровъ, Созія Рамазановъ. Піеса была разыграна превосходно. Монтирована она была со всею роскошью, танцы были сочиненія Дидло, музыка Кавоса. И что-жь? Послѣ блистательнаго успѣха при первомъ представленіи и нѣсколькихъ полныхъ сборовъ, эта прекраснѣйшая комедія перестала нравиться публикѣ; зала опустѣла, всѣ отзывались о ней съ уваженіемъ, но холодно. Жизнь Грековъ не интересовала никого. Мы искренно должны сожалѣть объ этомъ. «Аристофанъ» приносить честь и вѣку своему, и театру. Вѣроятно, будетъ время, когда писатели съ талантомъ примутся за подобные сюжеты, и высокая комедія будетъ возстановлена.

2) *Соколъ князя Ярославъ*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Содержаніе взято изъ того печальнаго періода нашей исторіи, когда Монголы властвовали надъ Россією. Близъ Твери есть Отрочье-монастырь, который, по преданію, былъ основанъ княжескимъ отрокомъ, потерявшимъ свою невѣсту. Эта невѣста досталась Великому Князю, который, будучи однажды на охотѣ, приведенъ былъ къ жилищу ея своимъ соколомъ. Не зная его званія, дѣвушка полюбила молодого охотника, и когда все дѣло открывается, то женихъ уступилъ Князю свою невѣсту, а самъ пошелъ въ монастырь. Изъ этого преданія Князь Шаховской сдѣлалъ очень-занимательную и прекрасно-написанную піесу, украсивъ ее пѣніемъ, воинскими играми и великолѣпнымъ спектаклемъ. Она имѣла большой успѣхъ, который продолжался нѣсколько лѣтъ. Въ литературномъ отношеніи замѣчательнъ въ этой драмѣ слогъ нѣкоторыхъ сценъ, гдѣ дѣйствующія лица говорятъ цвѣтистыми русскими фразами, на-подобіе старинныхъ пѣсенъ или сказокъ. Советуемъ будущимъ драматургамъ обратить на это вниманіе, чтобы воспользоваться при обработкѣ русскаго сюжета.

3) *Керимъ Гирей*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ (послѣ первыхъ представленій она уже всегда давалась въ три акта). Нужно-ли говорить, что содержаніе піесы взято изъ извѣстной поэмы Пушкина: *Бахчисарайскій фонтанъ*? Любовь Керимъ Гирема къ Маріи и ревность Заремы составляютъ всю завязку піесы. К. С. Семенова играла Зарему, Каратыгинъ — Керима, а Дюрова — Марію. Слѣдственно, піеса была разыграна превосходно. Стихи Пушкина, сохраненные въ драмѣ, всегда приводили зрителей въ восторгъ. Не-смотря на это, она не имѣла продолжительнаго успѣха.

4) *Финъ*, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Сюжетъ взятъ тоже изъ сочиненія Пушкина, именно изъ поэмы *Русланъ*. Эпизодъ Фина, рассказывающаго свою любовь къ Нанинѣ, передѣланъ въ драму, — и хотя она написана была прекрасными стихами и превосходно разыграна — но какъ элементовъ драмы въ этомъ эпизодѣ нѣтъ, то, послѣ перваго успѣха, піеса и пришла въ забвеніе.

5 и 6) *Судьба Ниджеля* и *Таинственный Карло*, драмы въ 5-ти дѣйствіяхъ, взятые изъ романовъ Вальтера-Скотта. Обѣ піесы писаны для бенефисовъ и недолго оставались на репертуарѣ.

7) *Ты и вы*, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Еще въ первый разъ авторъ осмѣлился пуститься на 60 лѣтъ антракта. Въ 1-мъ дѣйствіи Вольтеру 20-ть лѣтъ. Онъ уже далъ *Эдина* и съ перваго шага пріобрѣлъ знаменитость. Обольщенная этою славою, одна молодая женщина полюбила его и уже готова выйти за него замужъ. Въ это самое время даютъ вторую его піесу *Маріамну*, которая упала отъ того, что одному шутнику изъ зрителей, въ ту минуту какъ Маріамна пьетъ ядъ, вздумалось закричать: «*Королева пьетъ!*» — и это паденіе въ-мгнѣ расхолодило любовь невѣсты Вольтера, — она ему отказывается въ рукѣ своей, — и тотъ удаляется съ бѣшенствомъ. Второй актъ начинается, — и Вольтеру уже 80 лѣтъ. Онъ пріѣхалъ умереть въ Парижъ. Даютъ трагедію его *Ирену* — и вѣнчаютъ стараго поэта. Тутъ онъ встрѣчаетъ прежнюю свою невѣсту. — И это свиданіе самое любопытное. Вотъ въ чемъ вся піеса. Слѣдственно, піесы тутъ и нѣтъ. Но она написана умно, живо, прекрасно — и Вольтеръ — Сосницкій, особенно во второмъ актѣ, старикомъ, заставляя бѣгать всю публику въ театръ имъ любоваться.

8 и 9) *Юрій Милославскій* и *Рославлевъ*, драмы въ 5-ти дѣйствіяхъ, взяты изъ романовъ Загоскина, имѣвшихъ въ свое время такой большой успѣхъ. И піесы (особливо первая) долго держались на театрѣ, — но теперь о нихъ давно уже забыли.

10) *Федоръ Григорьевичъ Волковъ*, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Князь Шаховской вздумалъ увѣковѣчить рожденіе русскаго театра, созданнаго въ кожевенномъ сараѣ ярославскаго купца, — и въ этомъ отношеніи піеса его имѣетъ великое достоинство. При томъ-же написана она прекрасно и куплеты ея долго ходили въ публикѣ (особенно куплетъ о стряпчихъ).

11) *Фингалъ и Роскрана*, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ сти-

хяхъ. Сюжетъ взятъ изъ поэмъ Макферсона. Упала при первомъ представленіи.

12) *Смольяне*, драма въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ. Кровавая борьба Грековъ съ Турками, окончившаяся Наваринскою битвою, которая даровала древней Элладѣ свободу отъ ямени союзной Европы, возбудила въ то время сочувствіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Защита Миссолонги была прославлена всѣми поэтами и журналистами. Была даже французская піеса: *Паденіе Миссолонги*, которую перевелъ О. О. Кокошкинъ, и которая имѣла значительный успѣхъ. Видя эту піесу, Князь Шаховской объявилъ, что русская исторія имѣетъ гораздо-блистательнѣйшія черты геройства и самоотверженія, — и представилъ защиту Смоленска, осажденнаго Сигизмундомъ въ смутныя времена междоусобія. Бояринъ Шениъ, съ своею дружиною и всѣми жителями Смоленска, заслужили безсмертіе этою безпримѣрною защитою, — и Князь Шаховской, выведшій на сцену это знаменитое событіе нашей исторіи, заслуживаетъ особенную благодарность за свое произведеніе. Но, увы! разсказъ всѣхъ геройствъ защитниковъ Смоленска не составилъ драмы, — и піеса его упала. — Сильный урокъ будущимъ драматургамъ!

13) *Деумуженица*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Волжскій разбойникъ похищаетъ у купца Бобра жену его и заставляетъ ее выйти за него за-мужъ, увѣряя, что мужъ ея убитъ. Но тотъ отыскиваетъ ее съ отрядомъ царскихъ войскъ — и всѣ разбойники переловлены, перебиты, жена купца возвращается мужу, — и піеса кончается. Вотъ настоящая русская народная драма. Домашній бытъ купцовъ, нищихъ, разбойниковъ и стряпчихъ описанъ такъ вѣрно и хорошо, что можетъ служить образцомъ будущимъ нашимъ писателямъ. Эта піеса имѣла блистательный успѣхъ, и до сихъ-поръ держится на репертуарѣ. Подобную долговѣчность приобрѣли немногія.

14) *Алеппскій горбунъ*, водевилъ въ 3 дѣйствіяхъ. Сюжетъ взятъ изъ арабскихъ сказокъ; это юридическій вопросъ, который-бы затруднилъ современныхъ легистовъ, но который Шехеразада разрѣшаетъ очень-умно и справедливо. Успѣхъ піесы былъ неперодолжителенъ.

15) *Лилія Нарбонская*, комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Это тотъ-же сюжетъ, что извѣстная нѣмецкая піеса *Donna Diana*. Гордая красавица, презирающая всѣхъ мужчинъ, печально влюбляется наконецъ и подвергается всеобщему закону. — Піеса не имѣла успѣха.

Вотъ главные пьесы, написанныя княземъ Шаховскимъ въ послѣднемъ періодѣ его литературнаго поприща. Три изъ нихъ (Аристофанъ, Соколъ Князя Ярослава и Двумужница) могутъ составить славу каждаго автора. Кромѣ-того, назовемъ нѣсколько маленькихъ пьесъ, мелькавшихъ тогда на бенефисныхъ афишахъ.

1) *Актеры между собою*, или *дебютъ Троепольской*, водевилъ, имѣвшій продолжительный успѣхъ.

2) *Бенефициантъ*, водевилъ въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.

3) *Езопъ у Ксаифа*, водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Мы недавно имѣли случай видѣть эту пьесу, для вторичнаго появленія на сцену превосходнаго актера тогдашнихъ временъ, Я. Г. Брянскаго.

4) *Дескамоновъ потопъ*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Бенефисная пьеса, упавшая съ перваго раза.

5) *Король и пастухъ*, водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго. Очень-долго держался на нашей сценѣ.

6) *Молодая мать*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Успѣхъ непродолжительный.

7) *Меркурій на часахъ*, водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи. Паденіе при первомъ представленіи.

8) *Принцесса Требизонтская*, или *Островъ талантовъ*, комедія-балетъ въ 1-мъ дѣйствіи. Имѣлъ большой и продолжительный успѣхъ, по участию въ немъ всѣхъ талантливыхъ воспитаницъ, готовившихся тогда на выпускъ.

9) *Посвященіе принца*, водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи. Держался не долго.

10) *Роза и Розалія*, водевилъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Слабый успѣхъ.

11) *Урокъ женатымъ*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ. Очень-милая, остроумная и прекрасно-написанная пьеса, долго державшаяся превосходною игрою Дюровой и Брянскаго.

12) *Женщина-полковникъ*, водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи; упалъ при первомъ представленіи.

13) *Тетушка*, или *Она не такъ глупа*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Очень-миленькая пьеса, выдержавшая нѣсколько представленій.

14) *Хризоманія*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Не имѣла успѣха.

15) *Чванство транжирина*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Слишкомъ слабое продолженіе *Полубарскихъ затѣй*. Упала.

16) *Фальстафъ*, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Взята изъ Шекспира. Удержалась.

17) *Батюшкина дочка*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Имѣла кратковременный успѣхъ.

18) *Бюдовый маскарадъ*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Не успѣхъ.

19) *Мольеръ съ друзьями*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго.

20) *Любопытная*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Упала.

21) *Первое апрѣля*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Не успѣхъ.

22) *Суженый-ряженый*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Упала.

23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30) — *Еще Меркурій, Крестницы, Каламбуристъ и журналистъ, Митавская ярмарка, 26 апрѣля, Ивановщина, Крестная мать, Святъ Гавриловичъ*, — все полуинтермедіи, созданныя для бенефисныхъ аффиншъ.

31) *Пьсня*, или *Конторское приключеніе*. Хорошенькій переводный водевилъ.

Мы не упоминаемъ еще о нѣсколькихъ піесахъ, которыхъ нельзя найти и въ театральныхъ архивахъ, — по для славы Князя Шаховскаго довольно уже и тѣхъ, о которыхъ мы говоримъ. Ихъ тутъ всего *восемдесятъ*. Удивительное трудолюбіе! Если-бъ подобный даровитый писатель жилъ въ Парижѣ, то онъ имѣлъ-бы миліоны за свои труды; Князь-же Шаховской только *шесть* піесъ отдалъ въ Дирекцію во все свое продолжительное поприще, — и за нихъ едвали получилъ 3,000 руб. сер. — по теперешнему курсу, или 10,000 по тогдашнему. Все остальное пошло въ бенефисы, — и Князь Шаховской самъ на себѣ могъ испытать, какъ вредна эта система бенефисовъ для литературы и авторовъ. По безкорыстію своему, онъ не уважалъ денегъ, и довольствовался славою и благодарностію; но въ нашъ *реальный* вѣкъ, романтическое неуваженіе къ деньгамъ уже исчезло, и всѣ писатели сокрушаются о тѣхъ древнихъ прародительскихъ правлахъ, по которымъ все, написанное для бенефиса, становится вѣчною собственностію дирекціи... Пора-бы современному обществу подумать и о пишущей братіи! Законы о художнической собственности такъ благодѣтельно обезпечены существованіе артистовъ, — а бенефисные труды все еще льются въ бочку Данаидъ. Князь Шаховской не видалъ, можетъ-быть, между своими современниками никого, кто-бы могъ требовать, подобно ему, какого-нибудь вознагражденія за свои труды, но теперешнее поколѣніе и самолюбиво, и деньголюбиво...

Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ піесъ, была въ послѣднее время

еще написана князем Шаховскимъ драма *Лара* (изъ поэмы Байрона). но она не была представлена. Въ Москвѣ-же недавно давали оперу *Сонъ на яву*, которой Либретто было имъ сочинено, а музыка А. Н. Верстовскимъ. Но она упала, — и авторъ съ композиторомъ взаимно упрекали другъ друга въ этомъ неуспѣхѣ. Вѣроятно, оба были правы.

Изъ всего этого литературнаго итога Князя Шаховскаго, можно однако-же набрать столько прекрасныхъ пьесъ, что самые злые его враги дадутъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ между нашими драматическими писателями. *Полубарскія затѣи*, *Ссора или два сосѣда*, *Козакъ стихотворецъ*, *Липецкія воды*, *Встрѣча незваныхъ*, *Домоносозъ*, *Своя семья*, *Не любо не слушай*, *Пустодолы*, *Иваной*, *Буря*, *Аристофанъ*, *Соколъ Князя Ярослава*, *Финъ*, *Ты и Вы*, *Федоръ Григорьевичъ Волковъ*, *Двулучница*, составляютъ такое созвѣздіе на нашемъ драматическомъ горизонтѣ, что смѣло могутъ требовать для своего автора посмертнаго лавроваго вѣнка. Да! мы увѣрены, что имя Князя Шаховскаго, забытое при жизни его, воскреснетъ послѣ смерти, и что потомство отдастъ всю должную справедливость его высокому дарованію; русскій-же театръ долженъ вѣчно желать, чтобъ на помощь ему явился человекъ съ такою искреннею любовію къ искусству и пользамъ артистовъ...

Князь Шаховской былъ роста довольно-высокаго, съ умною, выразительною и правильною фizioномією, живыми глазами, и пріятною улыбкою; 35-ти лѣтъ, онъ началъ толстѣть и терять волосы на головѣ, такъ, что векорѣ сдѣлался и лысъ, и толстѣть. Въ бесѣдѣ онъ былъ живъ, веселъ и остроуменъ, хотя въ разговорѣ его и былъ нѣкоторый недостатокъ на буквахъ *ш*, *р* и *ч*. Нрава онъ былъ добродушнаго и услужливаго. Пристрастіе его ко всѣмъ окружающимъ вошло въ пословицу. Правила его были честны и безкорыстны. Онъ былъ большой домохозяинъ — и не любилъ выходить изъ своего халата. Писалъ онъ больше стѣя у высокой конторки;—почеркъ его руки былъ чрезвычайно-неразборчивъ, такъ, что часто и самъ онъ не въ состояніи былъ прочесть имъ написаннаго. Однимъ изъ главныхъ его качествъ была чрезвычайная набожность. Онъ постоянно всякой день молился болѣе часа, запершись, а по праздникамъ въ церквахъ удивлялъ всѣхъ своимъ забвеніемъ всего мірскаго. Князь Шаховской не былъ женатъ, — и не передалъ имени своего живому потомству. Дѣтьми его сердца были его пьесы и короткіе друзья. Всѣ лучшіе литераторы того времени бывали у него по-

чти ежедневно, и искренно его любили: Грибоѣдовъ, Хмельницкой, Жандръ, Катенинъ, Барковъ были его домашними друзьями и въ остроумной бесѣдѣ его почерпали много поучительнаго и занимательнаго.

Послѣдніе годы своей жизни проживалъ онъ въ Москвѣ, — и, какъ говорятъ, — содѣйствовалъ къ успѣшному образованію харьковскаго театра. Ему былъ *семидесятый* годъ, когда онъ скончался, — и до послѣдней минуты онъ сохранилъ все свои умственные силы. Не многіе друзья закрыли глаза знаменитому старцу, — и все газеты поспѣшили расхвалить того, о которомъ ни слова не говорили при жизни: — такова участь людей!

Право печатанія своихъ сочиненій передалъ онъ г-жѣ Бакуниной. Очень-любопытно будетъ видѣть въ печати все его литературные труды: тогда можно будетъ подробнѣе и критически разсмотрѣть ихъ. Теперь авторъ біографіи руководствовался болѣе своими воспоминаніями, прослуживъ слишкомъ пятнадцать лѣтъ съ Княземъ Шаховскимъ. —

Р. ЗОТОВЪ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Долго-ль мнѣ быть въ горѣ?
Долго-ль быть въ кручинѣ?..
Дай-ко на-удачу
Попытаюсь счастья!

Вотъ я наряжуся,
Вотъ я приберуся,
Выйду за ворота,
Стану въ хороводѣ...

Противъ той я стану,
Отъ кого я сохну,
Запою я пѣсню
Про бывшее счастье...

«Что вы, мои кудри,
«Рано развились?
«Что ты, мое сердце,
«Рано такъ изныло?..

«Зачѣмъ кудрямъ виться,
«Коль она не видитъ?
«Зачѣмъ сердцу биться,
«Коль она не любитъ?...

«Если-бъ было зелье,
«Корень приворотный,

«Пошелъ-бы къ колдунѣ,
 «Къ злому чародѣю....
 «Приколдуй мнѣ, знахарь,
 «Милую голубку:
 «Отдалъ-бы полжизни
 «За ея полслова!...

А. АЛЛИЛУЕВЪ.

==

РУССКАЯ ПЬЕСА

Долго ли былъ онъ въ тюрьмѣ,
 Долго ли былъ онъ въ тюрьмѣ,

Давно ли умиралъ,

Понимаетъ свѣтъ!

Богъ и наказанъ,

Богъ и наказанъ,

Видитъ въ свѣтъ,

Стать въ хорошахъ.

Противъ той в стѣнѣ,

Отъ жено в стѣнѣ,

Завое в стѣнѣ,

Про другое свѣтъ.

Что ты хочешь,

Что ты хочешь,

Что ты хочешь,

Что ты хочешь,

Летитъ курыкъ свѣтъ,

Летитъ свѣтъ въ стѣнѣ,

Летитъ свѣтъ въ стѣнѣ,

Летитъ свѣтъ въ стѣнѣ.

Летитъ свѣтъ въ стѣнѣ,

Летитъ свѣтъ въ стѣнѣ.

СТАРЫЙ МУЖЪ *)

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Иосифа Корженёвскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Яниковскій, судья.

Юзя (Иозефина), жена его.

Ягниска, племянница его.

Станиславъ Яниковскій.

Поручикъ.

Подпоручикъ.

Двое подпрапорщиковъ.

Цеповскій, управляющій имѣніемъ судьи Яниковскаго.

Матвѣй, солдатъ.

Почтальионъ.

Мартынъ, лакей судьи Яниковскаго.

Юлия, жена его.

Первое явленіе въ Варшавѣ; остальныя въ деревнѣ, около Луцка.

---

*) Съ удовольствіемъ печатаемъ въ нашемъ изданіи переведенную съ польскаго комедию І. Корженёвскаго *Старый Мужъ*. Французскія комедіи, драмы и водевилы до того всемію наскучили, что наши читатели, вѣрно, пріятно отдохнутъ за оригинальнымъ произведеніемъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ драматическихъ польскихъ писателей. *Ред.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната Стаппслага Яниковскаго въ Варшавѣ.

(Поручикъ и подпоручикъ играютъ въ шахматы; двое подпрапорщиковъ въ шашки; Яниковскій прохаживается съ задумчивости.)

подпоручикъ. Шахъ королю.

поручикъ. Гдѣ? гдѣ?

подпоручикъ. Мое дѣло предостеречь, а ежели ты не видишь, то покажу гдѣ, но тогда, какъ возьму.

(Поручикъ всматривается.)

1-й подпрапорщикъ *(разбрасываетъ шашки)*. Вздоръ! ужели я ни одной партіи не выиграю!

2-й подпрапорщикъ. Потому-что, братецъ, это не въ карты; здѣсь выигрываетъ тотъ, кто лучше играетъ.

1-й подпрапорщикъ. Я засмотрѣлся на Станислава.... онъ бродитъ повѣся носъ, какъ-будто ему дали нагонный по службѣ.... и не замѣтилъ, что ты взялъ моихъ три шашки, — отъ этого и игра проиграна.

яниковскій. Какъ вы надобѣдете мнѣ вашей игрой.

подпоручикъ. Мать!

поручикъ. Гдѣ? гдѣ?

подпоручикъ. Гдѣ? — Вотъ шахъ-королю и мать. *(Встаетъ.)*

За тобой билетъ въ креслы на бенефисъ Курпинской. Буду аплодировать, пока руки не распухнутъ, а она, злодѣйка, за то улыбнется и мигнетъ мнѣ прекрасными глазками.

поручикъ (*всматриваясь.*) Погоди, погоди — гдѣ? —
подпоручикъ. Разгляди хорошенько, товарищъ! не дамъ сходить въ другой разъ. (*Подходитъ къ Яниковскому.*) Что-же, г. подпоручикъ!

Яниковскій. Худо, очень худо — пѣтъ ни копейки.

подпоручикъ. Господа! Подите-ка сюда; нельзя-ли какъ-нибудь помочь этому бѣдному малому?

Яниковскій. Чортъ возьми! Я предпочелъ-бы просидѣть въ юнкерахъ еще полгода, чѣмъ быть произведеннымъ и нажить себѣ такіе хлопоты.

подпоручикъ. Развѣ ты не получилъ на обмундировку деньги изъ казны?

Яниковскій. Такъ что-же, что получилъ? — Уплатилъ старые долги; болѣе половины послалъ матери; купилъ саблю, эполеты и шляпу съ перомъ, — а на остальное хоть душу заложил — пѣтъ ни гроша.

поручикъ (*смотря на шахматную доску.*) Худо, худо.

Яниковскій. И какъ еще! Великій Князь обошелся со мною, какъ съ сыномъ. Самъ объявилъ мнѣ о производствѣ, потрепалъ по плечу и сказалъ: ну, маршъ, мой молодецъ! Одѣнься чисто, красиво, въ обтяжку и приходи представиться. А я, не имѣя на что сшить мундиръ, чтобы явиться къ начальнику, уже цѣлый мѣсяцъ принужденъ рапортоваться большимъ. Это невыносимо. Лучше-бы броситься на неприятельскую батарею!

1-й подпоручикъ. Нельзяли попросить Кветковскаго сшить тебѣ мундиръ?

Яниковскій. Въ долгъ? Да это перекрещенный Еврей! Каналья крестится въ церкви, а дома все-таки настоящій Жидъ.

2-й подпоручикъ. Каково! хочеть тотчасъ денегъ за работу?

1-й подпоручикъ. Поколотить-бы его, нечестивца, гдѣ-нибудь за угомъ.

поручикъ. Погодите-ка, погодите!

Яниковскій. Что? не пришла-ли тебѣ какая-нибудь спасительная мысль?

поручикъ. Сейчасъ — а если-бы подвинуть сюда эту пѣшку?

1-й подпоручикъ. То Квятковскій сшилъ-бы въ долгъ мундиръ для Станислава?

Яниковскій. Одно средство — утопиться.

подпоручикъ. Фи, Станиславъ! У меня еще есть 200 злотыхъ; возьми половину. Поручикъ! брось свои шахматы и поди-ка сюда.

поручикъ. Въ чемъ дѣло?
 подпоручикъ. Какъ въ чемъ дѣло? Развѣ не слышишь, что Станиславъ хочетъ утопиться отъ-того, что ему не на что сшить мундиръ.

поручикъ. Только-то? пришли мнѣ своего Матвѣя. Я купилъ сукна на мундиръ, но и мой старый еще годится. Сукно возьми себѣ.

яниковскій. Спасибо. Можетъ-быть, Богъ дастъ мнѣ выпутаться изъ этой бѣды.

1-й подпрапорщикъ. Мнѣ отецъ прислалъ сѣдло и полную сбрую на лошадь. Богъ вѣсть, когда я буду произведенъ. Возьми ихъ себѣ, Станиславъ!

яниковскій. Благодарю васъ — вы возвратили мнѣ надежду.

подпоручикъ. Постой, постой, — есть-ли у тебя лошадь?

яниковскій (*опустивъ руки.*) Откуда-же? Нѣтъ.

1-й подпрапорщикъ. Это значить: построень домъ, да нѣтъ стѣнъ.

2-й подпрапорщикъ. А если-бы на чужой явиться на Саксонскую площадь?

поручикъ. Запрещено.

яниковскій. Прекрасно-бы я началъ офицерское поприще — нарушеніемъ закона. Эй, Матвѣй!

(*Матвѣй входитъ.*)

матвѣй (*вытягиваясь*) Смѣю доложить-сь....

яниковскій. Ступай, позови ко мнѣ цирюльника.

матвѣй. Слушаю-сь.

подпоручикъ. На что тебѣ цирюльникъ?

яниковскій (*бросаясь на стулъ.*) Велю бросить себѣ кровь и слягу въ постель на другой мѣсяцъ.

подпоручикъ. Чтò за глупость!

матвѣй. Смѣю доложить-сь, пришелъ почтальйонъ и спрашиваетъ ваше благородіе.

яниковскій. Какой почтальйонъ?

матвѣй. Вѣстимо тотъ, который разноситъ письма. Онъ говорить, что ему придется на водку. Смѣю доложить-сь, это какой-то честный человѣкъ; тотчасъ пригласилъ меня распить бутылку пива.

яниковскій. Ты ужъ, вѣрно отвѣдалъ его, потому-что на-силу ворочаешь языкомъ. Позови его.

матвѣй. Сейчасъ — ваше благородіе, смѣю доложить, мнѣ это больно. (*Отворяя дверь.*) Пожалуйте.

яниковскій. У меня что-то сжимается сердце; не знаю, какое-то предчувствіе томить меня.

подпоручикъ. Ты становишься бабою, любезный Станиславъ.

1-й подпоручикъ. Предчувствія тогда именно являются, когда нѣтъ денегъ.

(Почтальионъ входитъ.)

яниковскій (взявъ письмо.) Откуда?

почтальионъ. Изъ Россіи.

яниковскій. Изъ Россіи? Что за дьявольщина! тамъ нѣтъ у меня ни одной души знакомой.

подпоручикъ. Рука, видно, не молодая — старинный почеркъ.

яниковскій. Кажется, это ко мнѣ: «Его благородію, милостивому государю, Станиславу Яниковскому, подпоручику полка гвардейскихъ конныхъ егерей».

почтальионъ. Нагулялся я на-славу, пока нашелъ барина. Въ Варшавѣ подпоручиковъ бездна, а на конвертѣ нѣтъ ни улицы, ни номера. Сдѣдайте милость, пожалуйста на водку.

яниковскій. Посмотримъ, будетъ-ли за что.

почтальионъ. Кажется, будетъ, потому-что у меня есть еще повѣстка къ этому письму.

яниковскій. Покажи.

почтальионъ. Извольте прочесть (Подаетъ повѣстку.)

яниковскій. «Объявленіе отъ Почтамта. На имя Станислава Яниковаго, подпоручика гвардейскихъ конныхъ егерей, получено 2,000 польскихъ злотыхъ.» — Что это? Любезнѣйшій, не надуваешь-ли ты меня?

подпоручикъ. 2,000 злотыхъ — славныя деньги!

поручикъ. Это манна небесная.

подпрапорщики. Поздравляемъ тебя, товарищ!

матвѣй. Смѣю доложить-съ, за это стоить дать на водку почтальиону.

яниковскій. Погодите! не поздравляйте. Я не вѣрю еще глазамъ своимъ, — это какая-нибудь мистификація.

подпоручикъ. Вотъ новость! — смотри подпись: «Главный Почтъ-Директоръ Суминскій.»

поручикъ. Распечатай, такъ все узнаешь.

яниковскій. Погодите, не могу.... Эй, Матвѣй!

матвѣй. Не прикажете-ли цирюльника?

яниковскій. Убирайся къ чорту съ цирюльникомъ!

матвѣй. Пусть лучше самъ цирюльникъ убирается, смѣю доложить вашему благородію.

- Яниковский. Стаканъ воды!
- матвѣй. Сейчасъ, — но мнѣ кажется, для куража лучше-бы выпить стаканъ вина. (*Уходитъ*).
- почтальионъ. Пожалуйте за труды.
- Яниковский. Дайте ему что-нибудь, товарищи!
- (*Они даютъ почтальйону на водку.*)
- почтальионъ. Только-то? ге, ге! а я обѣгалъ половину Варшавы.
- Яниковский. Приходи завтра, любезный! если все это правда, то получишь трехрублевый, по завтра.
- почтальионъ. Это завтра — такая монета, за которую не купишь и стаканъ пива.
- подпоручикъ. Удивляюсь твоему терпѣнію. Я давно уже зналъ-бы обо всемъ.
- матвѣй (*приноситъ воды*). Изъ колодца, смѣю доложить-съ. Это очень-здоровый напитокъ, когда нѣтъ денегъ.
- Яниковский (*выпивая*). Ну теперь... во имя Отца и Сына! (*Ложаетъ печать*). Уже и по печати...
- подпоручикъ. Ну, а подпись?
- Яниковский (*смотритъ*) «Станиславъ Яниковскій». Это что?
- подпоручикъ. Такъ это отъ тебя къ тебѣ-же! ха, ха — если ты самъ прислалъ себѣ 2000 золотыхъ, такъ не разорвутъ они твоего кармана.
- 2-й подпоручикъ. Бѣдному почтальйону не увидѣть трехрублевого.
- матвѣй. Смѣю доложить-съ, это такія-же деньги, какія актеры даютъ на театрѣ.
- Яниковский. Молчи! нужно однако-жъ прочесть. (*Читаетъ*). «Милостивый государь, я прочелъ въ 60-мъ номерѣ Варшавской газеты, что Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Павловичъ изволилъ произвести васъ въ Подпоручики «гвардіи».
- матвѣй. Это, смѣю доложить-съ, покуда правда.
- Яниковский. Не мѣшай. (*Читаетъ*). «Предполагая, что вы «не богаты, потому-что этого я ни объ одномъ Яниковскомъ не «слыхалъ, и зная, что лошадь, мундиръ и нѣкоторые юнкерскіе «грѣхи довольно стоятъ...
- матвѣй. Смѣю, доложить-съ, онъ все знаетъ, какъ будто-бы это писалъ самъ г-нъ поручикъ.
- подпоручикъ. Можетъ-быть, это ты и самъ писалъ, Станиславъ?

Яниковскій. Чортъ меня возьми, если знаю — можетъ-быть и я — но посмотримъ. (*Читаетъ*) ...«стоятъ, посылаю вамъ 2000 злотыхъ».

матвѣй. Слава тебѣ Господи! такъ мы въ-самомъ-дѣлѣ будемъ при деньгахъ. Плохо-же намъ было, плохо!

подпоручикъ. Ну, покажи (*смотритъ въ письмо*). Да, ясно сказано — 2000 злотыхъ.

поручикъ. Гдѣ? гдѣ? — Правда.

Яниковскій (*читаетъ*). «Изъ этихъ денегъ, 1600 злотыхъ можете употребить на приличную обмундировку; остальные же 400 злотыхъ назначаю на путевыя ваши издержки, изъ Варшавы ко мнѣ въ деревню». Слышите-ли?

матвѣй. Дай Богъ здоровья честному дядюшкѣ.

Яниковскій. Какому дядюшкѣ?

матвѣй. Это ясно, смѣю доложить-сь, развѣ чужой прислалъ-бы столько денегъ, и именно тогда, какъ нужно? Откуда-бы онъ зналъ?

Яниковскій. Никакого дяди у меня нѣтъ. Мой отецъ былъ одинъ въ семействѣ, и голъ, какъ соколъ. (*Читаетъ*). «Вы, можетъ-быть, хотите знать, что было поводомъ отправленія къ вамъ этого пособія?

всѣ. Хорошо, посмотримъ.

Яниковскій (*читаетъ*). «Я, слава Богу, здоровъ».

матвѣй. Прекрасный дядюшка, смѣю доложить, господа!

Яниковскій. Отвяжись ты отъ меня съ этимъ дядюшкою. (*Читаетъ*). «Я, слава Богу, здоровъ. Вы мнѣ понравились за то, что въ молодыхъ лѣтахъ служите отечеству и носите одну со мною фамилію».

подпоручикъ. Старый чудакъ!

Яниковскій (*читаетъ*). «За тѣмъ прошу васъ, выхлопочите себѣ отпускъ на два мѣсяца, и пріѣзжайте ко мнѣ, чтобы намъ познакомиться поближе. Я живу въ Луцкомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Городищахъ. На послѣдней станціи, не доѣзжая Луцка, узнаете дорогу ко мнѣ. Прощайте. Всегда къ вамъ доброжелательный — Станиславъ Яниковскій». Что вы скажете на это!

подпоручикъ. Прекрасно! — можетъ-быть, еще завѣщаетъ тебѣ деревню.

1-й подпоручикъ. А можетъ-быть, и дочка есть.

Яниковскій. Перестаньте. — У меня голова кружится.... если

это не сонъ, если это на яву и правда.... но нѣтъ, этого быть не можетъ.

подпоручикъ. Въ чемъ-же тутъ сомнѣваться? Ура! выпьемъ за здоровье Станислава Янниковскаго, наследника Городищъ!

матвѣй. Смѣю доложить-съ, вѣдь и мнѣ можно также выпить за здоровье дядюшки?

янниковскій. Дядя, или нѣтъ, дай Богъ ему здоровья, если онъ не надуваетъ и не мстифируетъ меня.

матвѣй. Смѣю доложить вашему благородію, вѣдь можно тотчасъ сходить на почту и взять деньги. А какъ деньги въ кармапѣ, такъ ей Богу правда. И хотя-бы это была шутка, или какое-нибудь надуванье, то смѣю доложить, надуванье честное и умное.

янниковскій. Правда. Прощайте господа! Приглашаю васъ завтра на шампанское, или на стакапъ воды.

матвѣй. Изъ колодца, смѣю доложить, господа!

янниковскій. Однако-жъ, на всякій случай, принесите табаку съ собою, потому-что, въ самомъ-дѣлѣ, мнѣ не на что купить, и не знаю будетъ-ли на что.

все. Ну, прощай. — Навѣдаемся еще сегодня. (*Уходятъ*).

матвѣй. А, смѣю доложить-съ, не стойтъ-ли въ письмѣ, что-бы и я ѣхалъ?

янниковскій. Поѣдешь, если я поѣду.

матвѣй. Благодарю, сударь: мнѣ страхъ, какъ хочется познакомиться съ этимъ честнымъ дядюшкою.

янниковскій. Опять дядюшка. (*Уходитъ*).

матвѣй (*одинъ*). Чѣмъ больше думаю, тѣмъ меньше понимаю, какимъ-образомъ все это случается на свѣтѣ. Не называйся мой поручикъ «Янниковскій» пропало-бы 2000 злотыхъ! Если-бы, на-примѣръ, при святомъ крещеніи, не назвали его Станиславомъ, а Матвѣемъ, такъ, какъ меня, не въ укоръ будь сказано, кой чортъ прислалъ-бы ему столько денегъ?—Можетъ-быть, и мать моя, упокой Господи душу ея, сдѣлала большую глупость, заупрямившись непремѣнно назвать меня Матвѣемъ. Если-бы меня звали Варооломеемъ, какъ хотѣлъ покойный мой отецъ, кто знаетъ, можетъ-быть, нашелся-бы и для меня какой-нибудь дядюшка? — А черти-же знали, что такъ худо, а такъ лучше. Тфу! — Самъ не знаешь, какъ жить на свѣтѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Комната Судьи Яниковскаго въ Городищахъ. Судья съдой, съ бѣлыми усами, около 60 лѣтъ, но бодрый, въ черномъ шолковомъ жупанѣ, палеваго цвѣта кунтушѣ, съ шолковымъ поясомъ, сидитъ въ креслахъ и читаетъ газеты. Дѣвица Ягнишка, около 40 лѣтъ, сидитъ въ-сторонѣ за столикомъ и гадаетъ на картахъ. Платье темное, волосы гладко причесаны, голова повязана желтымъ платочкомъ, изъ-за котораго показываются два локона. На шеѣ большой галстукъ.

ягнишка (*собирая карты съ досадою*). Вотъ тебѣ на!

судья. Чтó это, Ягнуся? не такъ выходитъ?

ягнишка. Я ошиблась, дядюшка!

судья. Не правда, Ягнуся, не правда. Вѣрно, червонный король остановился рядомъ съ бубновою дамою, или она у него въ головахъ, а ваша милость осталась гдѣ-нибудь въ-сторонѣ.

ягнишка. Вовсе нѣтъ, дядюшка.

судья. Я совѣтовалъ-бы тебѣ для гаданья взять польскія карты.

ягнишка. Въ польскихъ картахъ нѣтъ дамъ.

судья. Чтó за бѣда! вообрази себя въ видѣ трефовой десятки.

ягнишка. Трефовая десятка означаетъ грусть.

судья. Это будетъ очень-прилично. Въ твоихъ лѣтахъ ба-рышнѣ не весело.

ягнишка. Я въ половину моложе васъ дядюшка.

судья. Неправда, Ягнуся, неправда — мнѣ только 60.

ягнишка (*съ досадою*). Если вы въ эти годы могли жениться, отъ-чего-бы я, вдвое моложе васъ, не могла еще выйти замужъ?

судья. Трудно, сударыня, трудно! Спроси кого угодно. Мужчина женится, когда захочетъ, женщина выходитъ замужъ, когда можетъ.

ягнишка (*подходя къ нему*). Дядинька! вы часто напоминаете мнѣ о моемъ дѣвчествѣ, какъ-будто это моя вина. Я хотѣла, Богъ свидѣтель.

судья. Вѣрю, вѣрю.... Но перестанемъ говорить о томъ, ежели это тебѣ неприятно. — А гдѣ-же жена?

ягнишка (*колко*). Вѣрно, передъ зеркаломъ — какъ обычно.

судья. Вот видишь, отъ-чего ты не вышла за-мужъ: ты завистлива и зла, а мужчины этого не любятъ.

ягнишка. Теперь я не забочусь о нихъ.

судья. А зачѣмъ гадаешь?

ягнишка. Если-бы у меня былъ мужъ, который позволялъ-бы мнѣ безпрестанно наряжаться, такъ у меня было-бы занятіе съ утра до ночи; а какъ у меня нѣтъ мужа, то я гадаю такъ, отъ скуки.

судья. Впрочемъ ты хорошо дѣлаешь, что бѣгаешь отъ зеркала. Это такой акуратный счетчикъ!..

ягнишка. Я бѣгаю отъ зеркала потому, что если молодая женщина часто смотрится въ зеркало — это очень-худой знакъ.

судья. Молодая — правда.

ягнишка (разсердишись). Да, да, дядюшка, молодая, особенно когда у ней старый мужъ. (Хочетъ уйти).

судья. Погоди, воротись, Ягнуся. Давно уже я собираюсь дать тебѣ маленькое наставленіе, и хорошо, что теперь ты подаешь мнѣ случай.

ягнишка. Чтѣ прикажете, дядюшка?

судья. Чтѣ я прикажу, сейчасъ узнаешь; а теперь я хотѣлъ тебѣ сказать то, что ты не любишь моей Юзи. Не такъ-ли?

ягнишка. Помилуйте!...

судья. Помиловать могу, и спосить до извѣстнаго времени; но долженъ также сказать тебѣ, что это мнѣ непріятно.

ягнишка. Чѣмъ-же я могла, прошу васъ....

судья. Перестань, Ягнуся, не объясняйся, потому-что хуже запутаешься. Тебѣ удивительно, что я въ 60 лѣтъ женился на молодой дѣвушкѣ, которой теперь едва только 18? — Не правда-ли?

ягнишка. Признаюсь, любезный дядюшка!...

судья. Въ чемъ признаваться? Что лучше-бы я сдѣлалъ, если-бы Городище завѣщалъ вашей милости, и до конца жизни смотрѣлъ на твой желтый платочекъ, узнавалъ каждое утро за кофеемъ, чтѣ ты видѣла во снѣ, и выслушивалъ каждый вечеръ, какъ далеко червоный король легъ отъ червоной дамы?

ягнишка. Моя привязанность, милый дядюшка...

судья. Тутъ-то и камень преткновенія: твоя привязанность, Ягнуся, не такая, какой мнѣ нужно. Покойная сестра, упокой Господи душу ея, была женщина капризная и злая, и завѣшала дочкѣ порядочную долю своихъ причудъ. Отъ-того-то ты и осталась въ дѣвкахъ!

Ягниська (въ сторону). Боже! и я все это должна выслушивать!

судья. Что ты там ворчишь? Если хочешь говорить, говори громко.

Ягниська. Я ничего не говорю.

судья. И лучше. Не хорошо попрекать тѣмъ, что мы дѣлаемъ для другихъ, не хорошо также, когда тотъ, кто получаетъ благодѣяніе, — не чувствуетъ его и мѣшается не въ свое дѣло. Можетъ быть, многіе удивляются, смѣются, что я женился; но ты не должна удивляться этому. Ты хорошо знаешь, чѣмъ былъ для меня отецъ Юзи. Ты слышала не десять разъ, что онъ, во время беспорядковъ, мою вину принялъ на свою голову и за меня подвергся опасности. Если-бы не онъ, я былъ-бы Богъ знаетъ гдѣ, и ваша милость осталась-бы безъ куска хлѣба и не имѣла-бы на что купить шафрану для желтыхъ платочковъ. Дитя такого друга должно быть для меня дороже дочери покойной моей сестрицы, отъ которой я не видалъ ничего, кромѣ неудовольствія. Юзя уступаетъ тебѣ во всемъ, Юзя уважаетъ меня, какъ отца, и любитъ, какъ мужа; и потому сдѣлай одолженіе, Ягнуся, не заставляй меня слушать намеки о нарядахъ и зеркалахъ, и видѣть твои кислыя гримасы. Вотъ что я хотѣлъ приказать вамъ, сударыня! Поняли-ли вы меня?

Ягниська. Если вы находите въ этомъ свое счастье, любезный дядюшка!....

судья. Я нахожу свое счастье въ томъ, что Богъ позволилъ мнѣ быть благодарнымъ памяти друга, быть отцомъ его дитяти. Потому ты не надѣйся получить послѣ меня какое-нибудь наследство: жена ближе, чѣмъ племянница. Для того-то я и женился, чтобы она была ко мнѣ ближе. Тебѣ-же я обеспечиваю содержаніе до смерти, желтыхъ платочковъ — сколько хочешь, картъ — сколько будетъ нужно, но больше ничего.

Ягниська. Вы жестоко поступаете со мною!

судья. Удерживай себя, Ягнуся, и я буду въжливѣе. Не въ свое дѣло не вмѣшивайся; гадай себѣ на картахъ; люби свои подушечки для булавокъ, свой прессъ, къ которому прикалываешь работу; достань даже собачку, и это снесу — но бергись всякихъ замѣчаній на счетъ моей жены, потому-что я могу разсердиться.

Ягниська. Такъ всегда бываетъ, когда чужой вотрется въ семейство. (Уходитъ разсерженная).

судья. Вотъ говори съ старой дѣвкой! Все равно, что къ стѣнѣ горохъ.

(Входитъ Юзя, въ бѣломъ платьицѣ, отдѣланномъ со вкусомъ).

юзя *(цѣлуетъ руку мужа)*. Ужъ навѣрное разобралъ Ягну-сю. Она встрѣтилась мнѣ со слезами на глазахъ и недовольнымъ лицомъ.

судья. Поди сюда, моя милочка! *(Цѣлуетъ ее въ лобъ)*. Не сердись; но что правда, то правда, я ей помылъ голову.

юзя. Видишь, какой дѣдушка! А я это запретила разъ навсегда.

судья. Ну что-жъ дѣлать? такъ случилось. Вывела меня изъ терпѣнія....

юзя. Какъ тебя не стыдно, дядушка! Старыя дѣвушки уже и потому несчастны, что стары и что имъ некого щипать за усы. *(Ласкаетъ его)*. Это не хорошо, дѣдушка, не по-христіански.

судья. Я разсердился за тебя, моя милочка.

юзя. Именно потому и не слѣдовало сердиться. Развѣ здѣсь, въ твоемъ домѣ, кто-нибудь можетъ сдѣлать мнѣ непріятность? Скажи, дѣдушка, развѣ не я здѣсь госпожа?

судья. Ты, мой другъ, ты; и я твой покорнѣйшій слуга.

юзя. Ежели такъ, то сдѣлай одолженіе, пусть это будетъ въ послѣдній разъ. А теперь проси у меня прощенія, дѣдушка, за то, что ослушался меня. *(Подставляетъ ему щек)*. И дай мнѣ слово, что впередъ будешь только смѣяться надъ всеми капризами и намеками Ягнуси.

судья. Ну, ежели ты хочешь, буду смѣяться.

юзя. Помни-же, дѣдушка! За обѣщаніе благодарю тебя такъ. *(Обнимаетъ и цѣлуетъ его)*. А когда сдержишь слово, поблагодарю еще лучше.

судья *(растроганный)*. Что ты дѣлаешь? мой ангелъ! ахъ! — отъ-чего я не моложе тридцатью годами!

юзя. Что-же-бы изъ этого было? Развѣ ты думаешь, что я болѣе-бы любила тебя? Ошибаешься, дѣдушка! *(Подумавши)*. А вотъ что было-бы тогда: я не называла-бы тебя дѣдушкой. Ежели это непріятно тебѣ, то и теперь не буду. Хочешь-ли того, мой мужъ?

судья. Нѣтъ, милочка, нѣтъ — называй меня всегда дѣдушкой.

юзя. Въ тебѣ соединены три драгоцѣннѣйшихъ имени: по лѣ-

тамъ ты мнѣ дѣдушка; благодареніями отецъ; по любви, по той чистой и дорогой любви, которою я горжусь — ты мужъ мнѣ. Оставь-же мнѣ выборъ; я буду знать, когда и какъ называть тебя.

судья. Хорошо, мой ангелъ! Называй меня, какъ хочешь. Я знаю, что каждое твое слово идетъ отъ сердца.

юзя. Правда. Поцѣлуйте меня за то, дражайшій мой муженецъ!

судья. Садись плутовка, садись здѣсь, подлѣ меня. Можетъ-быть, Богъ позволитъ мнѣ наградить тебя за эту привязанность.

юзя. Наградить? Какъ-же ты можешь наградить меня больше?

судья. Какъ? это уже мое дѣло — садись. — Что ты сегодня сдѣлала?

юзя. Много, очень-много. Видѣла свое хозяйство; накормила своихъ прекрасныхъ курочекъ, которыя обступили меня, какъ старую насѣдку; была въ саду, побранила садовника — о! да; была въ пчельникѣ; потомъ дала дѣвушкамъ работу, а потомъ одѣвалась долго, долго. Правится-ли тебѣ это платье?

судья. Къ тебѣ все идетъ.

юзя. Ахъ, Боже мой! Развѣ въ томъ дѣло? Я знаю, что правлюсь тебѣ, и что въ твоихъ глазахъ мнѣ во всемъ хорошо. Но я хочу знать твое мнѣніе о самомъ платьѣ. Платье хорошо-ли? Вообрази себѣ его, напримѣръ, на Ягнуся, какъ-бы оно показалось тебѣ?

судья. Ну, даже на Ягнуся оно было-бы хорошо.

юзя. А видишь, дѣдушка! Я сама его скроила и сшила.

судья. Не забудь-же надѣть его, когда будутъ гости.

юзя. Хорошо — когда мнѣ какой-нибудь гость понравится. А ты не будешь ревновать?

судья. Съ этой стороны еще я не знаю себя; до-сихъ-поръ ты не подавала мнѣ повода.

юзя. Такъ и не узнаешь себя съ этой стороны никогда.

судья. Не спросясь броду, не суйся въ воду, моя милочка!

юзя. Хорошаго-же ты мнѣнія обо мнѣ! Стыдись, дѣдушка! Если я услышу еще разъ что-нибудь подобное, то повяжу себѣ на шею галстухъ, и буду сердиться, какъ Ягнуся.

судья. Помилуй, мой ангельчикъ!

юзя. А что? страшно, дѣдушка!

судья. До того, что мурашки ходятъ по кожѣ.

юзя (хлопая въ ладони). А га! Хорошо, хорошо, что яшла способъ наказать тебя, дѣдушка! Теперь извольте-же написать

себѣ на лбу: какъ только малѣйшее неповиновеніе въ чемъ-бы то ни было, сейчасъ повяжу себѣ вотъ такой галстухъ.

судья. Шалунья! Если-бы тебѣ дать въ мужья какого-нибудь подпоручика, то вы сожгли-бы Городище.

юзя. Вѣдь ты, дѣдушка, подпоручикъ.

судья. Чтѣ съ тобою? Чтѣ за вздоръ ты несешь, моя милочка!

юзя. Въ-самомъ-дѣлѣ, ты подпоручикъ полка конныхъ егерей гвардіи. *(Перебираетъ газеты и находитъ)*. Послушай дѣдушка: «Приказъ. Произведены въ подпоручики, полка конныхъ гвардейскихъ егерей подпрапорщики: Станиславъ Яниковскій, Казиміръ Добринскій, Валеріанъ...» и проч. А, чтѣ? дѣдушка! *(Длаетъ книксенъ)*. Госпожа подпоручица Яниковская поздравляетъ своего мужа.

судья. Покажи, покажи — я этого чтѣ-то не замѣтилъ.

юзя. А вотъ извольте читать, ясно написано и напечатано: «Станиславъ Яниковскій.» Хорошъ-же ты, дѣдушка, подпоручикъ, что не можешь безъ очковъ прочесть своей фамиліи.

судья. Вѣжлива-же ты, жена, что напоминаешь о томъ.

юзя *(отнимаетъ у него газету и бросаетъ на полъ)*. Дѣдушка! отецъ! мужъ! *(Обнимаетъ и ласкаетъ его)*.

судья. Ну, ну, развѣ ты думаешь, что я серьезно принялъ это замѣчаніе? Покажи-ка мнѣ газету. Это въ-самомъ-дѣлѣ интересно. Можетъ-быть, какой-нибудь родственникъ?

юзя. Знаешь-ли что, дѣдушка! Можетъ-быть это какой-нибудь бѣдняжка, твой родственникъ? Хорошо-бы ты сдѣлалъ, если-бы послалъ ему что-нибудь.

судья. Эге! какъ ты добра для подпоручиковъ!

юзя. Совсемъ не потому; но онъ — Яниковскій, и къ тому же Станиславушка, какъ и ты, дѣдушка! А притомъ одна мысль всегда мучитъ меня: если-бы не я, твои родные, можетъ-быть, получили-бы что-нибудь отъ тебя; а теперь ничего не получаютъ.

судья. Успокойся, мой ангелъ! У меня вовсе нѣтъ родныхъ, кромѣ этой затянутой Ягнуса.

(Входитъ Мартынь).

Мартынь. Баринъ! баринъ!

судья. Чтѣ тебѣ надо?

Мартынь. А вотъ чтѣ надо, что еще у насъ этого не бывало.

судья. Чтѣ случилось?

Мартынь. Не случилось то ничего, а пріѣхали гости.

судья. Чтѣ-же тутъ удивительнаго?

очень-приятно его видѣть. Не правда-ли, дѣдушка, нужно пригласить родственника?

судья. Я говорилъ тебѣ, что у меня нѣтъ родственниковъ; но что-же мнѣ дѣлать? если ты позволяешь, то и я прошу. Ступай и скажи г-ну поручику, что мы ожидаемъ его.

матвѣй. Честь имѣю, смѣю доложить-съ, откланяться.

(Уходитъ).

мартынъ (вытягивается, какъ Матвѣй). Честь имѣю, смѣю доложить-съ... ге! ге!

судья. Мартынъ! Прибери комнаты для гостей — снеси туда вещи поручика.

мартынъ. Слушаю, сударь! А какъ нашъ священникъ прѣдетъ?

судья. Тогда я уступлю ему свою комнату.

мартынъ. Слушаю, сударь! (Уходитъ и возвращается). Этотъ усачъ барыню называлъ барышнею. Сказать-ли ему, что это барыня?

судья. Дуракъ — ступай.

мартынъ. Слушаю, сударь! (Уходитъ).

судья. О чемъ-же ты задумалась, милочка?

юзя. Думаю о томъ, что это странный случай: этотъ подпоручикъ совершенно такъ называется, какъ и ты, дѣдушка. А болѣе еще о томъ, что онъ сюда прѣхалъ.

судья (вставая). Что-же въ этомъ удивительнаго? Развѣ Варшава отъ Лудка за тридцать земель? Вѣрно, онъ узналъ, что живетъ какой-то старый, бездѣтный и богатый помѣщикъ Яниковскій; вѣрно, господинъ-то голъ, какъ соколъ, и хочетъ попробовать, не удастся-ли записаться въ родню.

юзя. Это было-бы гадко. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ имѣлъ эту цѣль.

судья. Почему-же ты знаешь? Ты съ нимъ незнакома.

юзя. Онъ польскій офицеръ, дѣдушка!

судья. Вѣдь я-же не знаю, зачѣмъ онъ сюда прѣхалъ.

юзя. Это-то и удивляетъ меня.

судья. Скажи мнѣ, милочка, хочется-ли тебѣ увидѣть Станислава Яниковского безъ лысины и сѣдинъ, не съ бѣлыми, но съ черными и завитыми усиками, не въ обвисломъ кунтушѣ, но въ новомъ шегольскомъ мундирѣ? Что?

юзя (цѣлуетъ его). Нѣтъ, мой мужъ, нѣтъ — мнѣ хочется увидѣть польскаго офицера. (Уходитъ).

судья (*смотритъ за нею*). Лишь-бы только онъ былъ достоинъ ея. Богъ видитъ мои добрыя намѣренія, — остальное въ Его рукахъ. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната судьи Яниковского въ Горолищахъ. Мартынь мететъ.

юлинька (*вбѣгал*). А что? онъ еще не идетъ?

мартынь. Кто не идетъ?

юлинька. Да тотъ польскій офицеръ.

мартынь. А не хочешь-ли ты за работу! Очень-нужно тебѣ видѣть его! Онъ также на двухъ ногахъ, какъ и я.

юлинька. Какъ-бы не такъ! Ахъ, ты старій хрычъ! Всякой разъ, какъ посмотрю на тебя, не могу надвигаться, гдѣ былъ мой умъ, когда я за тебя выходила?

мартынь. Ну ужъ, гдѣ былъ, тамъ былъ, а теперь убирайся отсюда.

юлинька. Развѣ ты думаешь, что я не увижу его, когда захочу. О, увижу, непременно увижу. (*Уходитъ*).

мартынь. Эге! Такъ я упрошу-же этого усатаго солдата, чтобы онъ присматривалъ за нею. Онъ, должно-быть, человекъ добрый, потому-что, когда мы вышли отсюда, тотчасъ спросилъ меня: а есть-ли у васъ хорошее пиво? Эге! братъ, отвѣчалъ я, у нашего Гершка найдется и тминовка, и липецъ, а не только-что пиво. А онъ и улыбнулся по-пріятельски на это. Но зачѣмъ они пожаловали сюда? Въ этомъ что-то есть. Баринъ смотрѣлъ самъ, все-ли чисто въ гостиной. А онъ это дѣлаетъ толь-

ко, когда нашъ священникъ долженъ прѣхать. Но что мнѣ за дѣло? Слушаю, сударь. Вотъ и баринъ. *(Уходитъ въ боковыя двери. Судья и Яниковскій входятъ).*

судья. Пожалуйте, сдѣлайте милость, г. поручикъ!

яниковскій. Г-нъ судья! Позвольте обнять васъ, какъ отца. То благодѣяніе, которое я получилъ....

судья. Ну, ну, забудьте о томъ.

яниковскій. Если-бы вы могли знать, г-нъ судья, въ какомъ я былъ положеніи, когда получилъ письмо ваше! Если-бы вы могли видѣть мою благодарность и то желаніе, какимъ горѣлъ я, поцѣловать руку, которая исторгнула меня изъ бездны хлопотъ! *(Беретъ его за руку).* О! я не нахожу словъ описать мои чувства. *(Оттираетъ слезу).*

судья. Тѣмъ лучше, молодой человекъ! Съ словами проходятъ и чувства, а такимъ-образомъ останутся.

яниковскій. О! останутся навсегда. *(Хочетъ поцѣловать его руку).*

судья. Поди лучше сюда, обними меня, какъ отца; а позволить Богъ, я буду отцомъ твоимъ. *(Обнимаетъ его; въ-сторону).* Достойный молодой человекъ! *(Громко).* Ну, дай-ка мнѣ полюбоваться на тебя. Щегольской мундирчикъ! коротко, узко, но красиво. Нашъ былъ не такой, когда я былъ у Мировскихъ.

яниковскій. Это время давно прошло, г-нъ судья!

судья. Любезный другъ, время летитъ.... Скоро пройдетъ и ваше. Но оставимъ это. Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. *(Садится).* Скажите-же мнѣ, изъ какого вы воеводства?

яниковскій. Изъ Плоцкаго, г-нъ судья!

судья. Былъ и я тамъ когда-то, но ужъ давно. Есть у васъ родители?

яниковскій. Есть мать бѣдная и больная. Отецъ умеръ и оставилъ насъ въ критическомъ положеніи.

судья. Не всегда можно ставить въ вину человеку, что онъ не думаетъ о завтрашнемъ днѣ. Иногда обстоятельства мѣшаютъ ему.

яниковскій. Общественные безпорядки....

судья. Разорили многихъ и служатъ отговоркою значительному числу. Я, благодаря Бога, честными трудами нажилъ себѣ порядочное имѣніе: владѣю здѣсь двумя деревнями и третьєю на Полъбѣ. У меня нѣтъ дѣтей. Не родственники-ли мы, г-нъ поручикъ?

Яниковскій. Нѣтъ, г-нъ судья. Дстойный молодой человекъ! (Громко). Однакожъ было-бы не дурно, если-бы между нами было какое-нибудь родство.

Яниковскій. Не можетъ-быть. Мой дѣдъ имѣлъ только двухъ братьевъ бездѣтныхъ. Мой отецъ былъ его единственнымъ сыномъ. Единственное родство, какое существуетъ между нами, это — съ моей стороны благодарность, а съ вашей, г-нъ судья, я желалъ-бы, чтобы было уваженіе, которое я буду стараться всѣми силами заслужить.

судья. Дай руку, молодой человекъ! Надѣюсь, что ты будешь имѣть его. Но пора тебѣ отдохнуть. Вѣрно, ты голоденъ. — А! вотъ и моя хозяйшкa.

(Юзя входитъ въ темномъ платьѣ и въ чепчикъ).

Яниковскій (въ-сторону). Что это за ангель!

судья. Рекомендую тебѣ, Юзя, г-на подпоручика Яниковаго. (Юзя кланяется) А вамъ, рекомендую мою... жену.

Яниковскій (въ-сторону). Жена его! а!

судья. Вамъ удивительно, что я, въ мои лѣта, нашлъ себѣ такую прекрасную и молоденькую жену?

Юзя. Фи, дѣдушкa! не хвалите меня передъ нимъ.

судья. Когда посмотрите на нашу домашнюю жизнь, когда увидите, какъ она любитъ меня, то не будете удивляться.

Яниковскій. Г-нъ судья! я видѣлъ на себѣ доказательство, что поступки ваши заставляютъ только удивляться вашему благодарству, а не тому, что кто-нибудь любитъ васъ.

Юзя. Правду говорите, Станиславъ Станиславовичъ!

судья. Откуда-же твоя милость узнала, что его зовутъ Станиславомъ Станиславовичемъ?

Юзя (краснѣя). Вѣдъ я читала въ газетахъ приказъ... и запомнила, потому что это твое имя, дѣд... — мой мужъ!

судья. Не поправляй словъ своихъ, милочка, называй меня такъ, какъ всегда; къ тому-же я долженъ предупредить тебя, что подпоручикъ останется у насъ довольно долго; и если-бы ты хотѣла поправлять себя каждый разъ, то приучилась-бы закататься, а я не люблю этого.

Юзя. О хорошо, хорошо, дорогой мой дѣдушкa! А васъ прошу позволить мнѣ называть васъ по имени.

Яниковскій (цѣлуетъ руку ея). Это дѣлаетъ мнѣ честь....

судья. Какая тутъ честь? Этимъ господамъ офицерамъ вездѣ

надобно вмѣшать честь. Скажи, что тебѣ будетъ пріятно, ежели прекрасная женщина назоветъ тебя по имени, это другое.

Яниковскій. Я не смѣлъ употребить настоящаго выраженія. Это будетъ для меня большимъ счастьемъ....

судья. И это опять не правда. До счастья еще далеко.

Яниковскій (съ замѣшательствомъ). Въ-самомъ-дѣлѣ, г-нъ судья!...

юзя. Какъ-же можно, дѣдушка, не позволить гостю говорить, какъ ему угодно? Станиславъ Станиславовичъ подумаетъ....

судья. Что? что старикъ воркунъ, и что молодая жена готова защищать гостя? Не бойся, милочка, это не будетъ ему не-пріятно.

Яниковскій. Если-бы даже здѣсь никто и не защищалъ меня, то все-таки я просилъ-бы васъ обходиться со мною, какъ съ молодымъ человѣкомъ, который во всемъ хочетъ вамъ повиноваться.

судья. Все это прекрасно; но вы съ дороги.

юзя. Не хотите-ли перекусить чего-нибудь? Не правда-ли, дѣдушка?

судья. Развѣ не ты хозяйка?

юзя. Хозяйка и не на-шутку — я уже приказала. (Тихо судья). Только не останавливай его, мой дѣдушка, когда онъ скажетъ что-нибудь не такъ.

(Хочетъ уйти — въ это время входитъ дѣвица Ягнишка, разряженная изатянута, безъ золотаго платочка, но въ галстукъ; она присѣдаетъ нѣсколько разъ).

судья. А! Ягнуся! — Милости просимъ поближе. — Моя племянница! Г-нъ подпоручикъ Яниковскій.

Ягнишка. Вѣрно родственникъ? Очень-рада. (Присѣдаетъ).

судья. Родственникъ, не родственникъ, но стоитъ быть имъ. Какъ видите, малый лихой, прямъ какъ струна. (Ягнишка поднимаетъ глаза, потомъ опускаетъ ихъ и присѣдаетъ). Станиславъ Станиславовичъ! Это Ягнуся Костѣлецкая, моя племянница. (Они кланяются другъ другу). Какъ видите — дѣвушка не первой молодости....

юзя. Фи! дѣдушка! это ни на что не похоже. Любезная Ягнуся! г-нъ Яниковскій пробудетъ у насъ нѣсколько времени. Я увѣрена, что и ты вмѣстѣ со мною постарайся, чтобы нашъ гость не соскучился.

Ягнишка. Отъ всего сердца — ежели гадавіе....

яниковскій (къ Юзѣ). Сударыня! Вы меня приводите въ смущеніе своею добротою. Могу-ли я соскучиться здѣсь, гдѣ меня, безъ всякихъ заслугъ съ моей стороны, встрѣчаетъ родительская привѣтливость со стороны г-на судьи, и благосклонность....

судья. Материнская, со стороны его жены. Такъ-ли?

юзя. Нѣтъ не материнская, но, дасть Богъ, благосклонность сестры. *(Подаетъ ему руку)*.

судья. Такимъ образомъ тебѣ, Ягнуся, остается только быть тетушкою подпоручика.

яниковскій *(кланяясь)*. Всякое названіе.... *(Въ-сторону)* Право, не знаю, что сказать.

судья. А любите-ли вы гадать въ карты, г-нъ подпоручикъ?

яниковскій. Признаюсь, что до-сихъ-поръ я еще не думалъ о томъ. Однакожъ кажется мнѣ, что нѣтъ.

ягнишка. Нѣтъ?

судья. Жаль: — видите, какъ это огорчаетъ Ягнуся.

яниковскій. Очень жалѣю... въ-самомъ-дѣлѣ....

ягнишка *(робко)*. Вы можетъ-быть любите пасьянсъ?

яниковскій. Ежели прикажете....

ягнишка *(съ живостію)*. Съ шестерками, или безъ шестерокъ?

судья. Вотъ тебѣ на!

юзя. Прежде позавтракаемъ, любезная Ягнуся! Станиславъ Станиславовичъ съ дороги. *(Къ Мартыну, который входитъ)*. А что? готово?

мартынь. Уже и простыло.

юзя. Отъ-чего-же ты не скажешь?

мартынь. Развѣ я хочу ѣсть?

юзя. Несносный.

мартынь. Слушаю, сударыня!

юзя. Милости просимъ.

судья. Пойдемъ, милочка!

(Обнимаетъ ее и идетъ впередъ. Ягнишка, присѣдая, подходитъ къ Яниковскому, который, сдѣлавъ гримасу, подаетъ ей руку и уходитъ).

мартынь *(смотря въ-слѣдъ за ними, смѣется)*. Старый баринъ плутъ! Не далъ моей горлинки въ лапы этому соколу, а подрабѣлъ ему старой курицей. Малый-то дѣльный! нечего сказать. Какъ на мой холопій умъ, если-бы я былъ на мѣстѣ барина, и была-бы у меня такая барыня.... хе! съѣла-бы чорта такая птица, если-бы я впустилъ ее въ гнѣздо... Но надобно

мнѣ однако и за свою присматривать. — Этотъ постоя мнѣ не съ руки. Къ барынѣ не такъ-то легко приступить — а моя и сама наскочить. (*Зовутъ его за сценою*). Сейчасъ, сейчасъ иду. Ну, иду. Что еще тамъ? (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Комната Станислава Яниковскаго.

Матвѣй сидитъ за столомъ и завтракаетъ.

Матвѣй. Бывало въ трактирѣ у г-жи Капусцинской ѣли мы отлично-хорошо, но здѣсь будетъ не въ примѣръ лучше. Тамъ каша портила все, потому-что масло у г-жи Капусцинской всегда чѣмъ-то принашивало, какъ будто-бы сама Капусцинская стояла подлѣ. А здѣсь, смѣю доложить-сь, свѣженькое; это, ей Богу, рѣдкій дядя. (*Пьетъ и отираетъ усы*). Сказать правду, пиво-же такое, какъ въ Конской-волѣ. Вотъ пиво! Чортъ возьми, то-есть, смѣю доложить, крѣпость, то-есть, вкусъ знатный. (*Пьетъ*). Нѣтъ, это не такое, не то, что у этихъ бестій жидовъ на почтовыхъ станціяхъ. (*Пьетъ*). Совсѣмъ другое! Тамъ кислое или горькое, или, что всего хуже, крещенное, хотя сами бестіи Жиды Св. Креста и не нюхали. А здѣсь есть и горечь, но въ мѣру. (*Пьетъ*). Славно! — а вотъ, смѣю доложить. (*Хочетъ налить*). Уже и пѣтъ. Ну, довольно. Напился себѣ не дурно, а что набѣся, такъ набѣся. Съ дороги оно годится. (*Встаетъ*). Здѣсь, кажется, будетъ намъ недурно. То-есть, ей Богу, не могу нахвалиться покойнымъ отцомъ моего поручика, что его фамилія была Яниковскій. Если-бъ не то, не знаю, какъ-бы мы устроились. Случалось даже и такъ, что у моего поручика на завтракъ грошовый крендель и стаканъ молока, на обѣдъ три кренделя и стаканъ молока, на ужинъ два кренделя и стаканъ молока. А я бывало одинъ сухарь грызу, а другимъ прикусываю. Еще была милость Божья, что мнѣ каждый день давали въ долгъ бутылку пива! — А здѣсь, смѣю доложить, завтракъ богатый, и обѣдъ, вѣрно, будетъ знатный. Послѣ, пожалуй, можно будетъ зайти и къ тому Гершку — а Жидъ, кажется, честный, и Мартинъ его хвалить. — А поручикъ мой здѣсь,

какъ сыръ въ маслѣ. Какія одѣяльца принесли! какое бѣлье на постелѣ! А панночка-то? будто-бы куколка! Будеть-же онъ за нею волочиться, будетъ! Эта другая, ну прости Господи, смѣю доложить, ужъ въ фронтовую службу не годится. А мнѣ-то, что до нее за дѣло? Кто знаетъ, не придется-ли тутъ свести другое, новое знакомство? Не безъ того, чтобы въ людской не было какой-нибудь спѣлой ягодки. Двѣ нашивки, правда, есть — ну такъ что-же? *(Покачивается, покашливаетъ и покручиваетъ усы)*. Не боги же обжигаютъ горшки. Но тише. Кто-то идетъ. *(Юлинька бѣгаетъ. Матвѣй вытягиваясь, въ сторону)*. Приятель! Слушай! На караулъ...

юлинька *(въ смущеніи)*. Извините, г-нъ служивый!

матвѣй. Не за что, смѣю доложить, сударыня!—Напротивъ... честь имѣю представиться — Матвѣй Стременчукъ.

юлия. Барыня послала меня посмотреть, всего-ли вамъ довольно? Можетъ-быть, недостаетъ что-нибудь?

матвѣй. Не доставало, смѣю доложить, сударыня, только... *(Улыбается и вытягивается)*.

юлия. Чего-же, г-нъ Стременчукъ?

матвѣй *(откашлинувъ)*. Такихъ черныхъ глазокъ, смѣю доложить, сударыня.

юлия. Вы шутите

матвѣй *(одинъ шагъ впередъ)*. Чортъ меня возьми, если шучу.

юлия. Въ Варшавѣ вы, вѣрно, не такихъ оставили.

матвѣй. Правда, что въ Варшавѣ хорошенькихъ не оберешься. Но, извольте видѣть, смѣю доложить, такіе глазки черные и блестящие, которые, смѣю доложить, такъ тебя, какъ говорится... *(Въ сторону)*. Тфу! къ чорту! не вѣсть-что вру.

юлия. Что вы хотѣли сказать?

матвѣй. Въ томъ-то и бѣда, сударыня, смѣю доложить, что когда смотришь на такіе прекрасные глазки, на такіе бѣлые зубки, то у человѣка путается языкъ, ей Богу хуже, чѣмъ передъ генераломъ....

юлия. Что это у васъ на лѣвой рукѣ?

матвѣй. Это нашивки, смѣю доложить, сударыня.

юлия. Развѣ онѣ есть у всѣхъ польскихъ солдатъ?

матвѣй. Куда-же? На эту, первую, пужно служить 10 лѣтъ, а на другую 5.

юлия. Такъ вы уже 15 лѣтъ въ службѣ? ай! ай!

матвѣй. Ну, да — развѣ это такъ много?

юля (коварно). А сколько вамъ было лѣтъ, когда вы вступили въ военную службу?

матвѣй (въ-сторону). Чортъ возьми! зашла съ фланга (Гролко).

А на что вамъ, сударыня, знать это?

юля. Я такъ спросила.

матвѣй (выпрямляясь). Я, благодаря Бога, еще силенъ, хотя и не молокососъ. Нашъ Великій Князь щенковъ не любитъ. У насъ, смѣю доложить, нужно, чтобы у солдата подъ носомъ были усы, а не молоко.

юля. А г-нъ поручикъ такой молоденькій, что чудо.

матвѣй (въ-сторону). Чудо — смотри-ка, куда метнула!

юля. Ахъ я забыла — барыня приказала спросить, что угодно къ завтраку, чаю или кофе?

матвѣй. Лучше всего, смѣю доложить, рюмку хорошей водки.

юля. Какъ? г-нъ поручикъ утромъ пьетъ водку?

матвѣй. А! г-нъ поручикъ?—г-нъ поручикъ нѣтъ; но я, честь имѣю рекомендоваться, люблю утромъ хорошиій глотокъ.

юля. О! это дѣло другое. — До свиданія, г-нъ Стременчукъ.

матвѣй. Честь имѣю цѣловать ваши ручки, сударыня.

юля. Извините, моихъ ручекъ никто не цѣлуетъ.

матвѣй (въ-сторону). Сама намекаетъ злодѣйка! — Въ атаку! (Гролко). Такъ этотъ прекрасный ротикъ, смѣю доложить-съ (Хочетъ ее поцѣловать).

юля. Вотъ прекрасно! ай! (Вырывается и падаетъ на руки входящему Яниковскому. Шедшій за нимъ Мартынъ вскрикиваетъ. Юленька, увидѣвъ мужа, отскакиваетъ въ-сторону).

яниковскій (строго къ Матвѣю). Что это значитъ, Матвѣй? — Я не люблю этого.

матвѣй (въ-полголоса). Смѣю доложить-съ, хороша злодѣйка.

юля. Барыня приказала посмотрѣть, не нужно-ли здѣсь чего-нибудь вамъ, сударь.

мартынъ. Врешь ты — я тебя!

яниковскій. Поблагодари, душенька! — Невозможно болѣе заботиться о гостяхъ.

юля. Утромъ изволите пить чай или кофе?

яниковскій. Кофе, душенька!

мартынъ. Слушаю, сударь! — это не ея дѣло — ее никто не присылалъ за тѣмъ — это мое дѣло. Пошла отсюда! Что это? Развѣ нѣтъ у меня головы на плечахъ, чтобы спросить самому? Ступай? (Виталкиваетъ ее за дверь).

юля. Погоди ты! (*Уходитъ*).
 яниковскій. Какъ ты невѣжливъ, любезный!
 матвѣй. То-есть, смѣю доложить-сь, грубіянь.
 мартынъ. Эге! грубіянь! — Когда это моя жена.
 матвѣй (*въ-сторону*). Чортъ возьми!
 яниковскій. Хорошенькая у тебя жена — поздравляю тебя.
 мартынъ. Какое хороша? — такъ себѣ. (*Въ-сторону*). Эге!
 ужъ и замѣтилъ.

яниковскій. И въ эти лѣта?

мартынъ. Что дѣлать? Баринъ женился, такъ и я подумалъ:
 слушаю, сударь, да и самъ женился. Не прикажете-ли чего-ни-
 будь?

яниковскій (*подходя къ окошку*). Благодарю, не надо ничего.

мартынъ (*стоя у дверей, рукою подзываетъ къ себѣ Матвѣя*).
 Г-нъ служивый! Какъ она придетъ сюда въ другой разъ, то вы
 ее такъ, безъ церемоніи, въ спину, да за двери.

матвѣй. Хорошо, хорошо... (*Въ-сторону*). Грибъ съѣшь!

мартынъ. У Гершка чудесный лицецъ — такъ пожалуй ве-
 черкомъ....

матвѣй. Почему-же нѣтъ? отъ всего сердца.

мартынъ. Только не забудьте, сдѣлайте одолженіе, такъ ее...

матвѣй. Такъ обнять и... вынести.

мартынъ. А! нѣтъ, не обнимать — а такъ по-просту вытол-
 кать.

матвѣй. Ну, хорошо, хорошо.

мартынъ. До свиданія. Эге! чуть было не забыть. (*Собираетъ
 тарелки и уходитъ*).

матвѣй (*смѣясь*). Струсилъ, смѣю доложить-сь.

яниковскій. Послушай, Матвѣй!

матвѣй. Что прикажете?

яниковскій. Это почтенное семейство — здѣсь принимаютъ
 меня, какъ сына.

матвѣй. А меня, смѣю доложить-сь, какъ племянника — столь
 чудесный.

яниковскій. Не въ томъ дѣло. Слышишь! (*Матвѣй вытяги-
 вается*). Это почтенное семейство; помни-же и ты о томъ, и
 веди себя, какъ слѣдуетъ. Ты уже не молокососъ — за дѣвкамъ
 не гоняться!

матвѣй. Стало-быть, Мартинова жена, смѣю доложить-сь, мо-
 жетъ-быть и дѣвка?

яниковский Тѣмъ больше, если чужая жена, это не годится. Да, — что бишь я хотѣлъ сказать тебѣ?

матвѣй. Ваше благородіе остановились на чужой женѣ, а что дальше — не знаю.

яниковский (*въ-сторону*). Я и самъ не знаю. (*Громко*). Да, вотъ что: ничего здѣсь не требовать, ничего не просить, потому-что мы не на постоѣ, — понимаешь?

матвѣй. Какъ не понимать, что мы у дяди?

яниковский. Особенно, сдѣлай одолженіе, не заглядывай слишкомъ въ стаканъ.

матвѣй. Будьте покойны, мы не уронимъ чести нашего мундира. Только бутылку пива, смѣю доложить-сь, ни по чемъ, какъ грошовый крендель.

яниковский. Когда дадутъ; но самому не смѣть просить. Здѣсь помнить обо всемъ.

матвѣй. Святая правда. Господь Богъ съ небесъ послалъ вашему благородію этого дядю. Да и кто знаетъ, зачѣмъ онъ насъ пригласилъ сюда? Миѣ что-то мерещется, не для этой-ли смазливой барышни? — смѣю доложить-сь, есть около чего хлопотать.

яниковский. Какая барышня?

матвѣй. Разумѣется не та, у которой Богъ знаетъ, что повязано на шеѣ. Она, смѣю доложить-сь, уже, кажется, пожилая, а держится такъ прямо, и такая затянутая, какъ будто-бы была на выправкѣ у нашего генерала...

яниковский. Какая-же? — Здѣсь другой барышни нѣтъ.

матвѣй. Какъ нѣтъ? А другая, наливная, какъ яблочко. Должно-быть, дочь г-на судьи, и вѣрно, меньшая и любимая. Хороша, очень хороша!

яниковский (*грустно*). Хороша, правда, но она не дочь его.

матвѣй. Такъ, вѣрно, внучка?

яниковский. И не внучка.

матвѣй. А что-же? Смѣю доложить-сь.

яниковский. Это его... жена.

матвѣй. Должно-быть, оиѣ, смѣю доложить-сь, здѣсь всё съ ума спятили.

яниковский. Молчи; ступай.

матвѣй. Смѣю доложить-сь, лицо этой барышни къ барекимъ усамъ, какъ красные обшлага на бѣломъ мундирѣ.

яниковский. Оставь меня въ покоѣ.

матвѣй. Дядюшка, кажется, человекъ умный; прислалъ ваше-

му благородію денегъ, пригласилъ въ домъ; принимаютъ насъ отлично; кушанье, смѣю доложить, знатное — а такъ женился! — Дѣло опасное.

яниковскій. Не падоѣдай-же мнѣ — ступай.

матвѣй. Иду-съ, смѣю доложить, а этому Мартину, ей Богу, скажу, что онъ дуракъ. *(Уходитъ)*.

яниковскій *(одинъ, послѣ минутнаго молчанія)*. Богъ знаетъ что за мысли приходятъ мнѣ въ голову. Еще я не былъ никогда такъ грустенъ и несчастенъ. Я думалъ, что мнѣ было хуже всего тогда, какъ у меня не было ни копейки за душою. А теперь! — Я предпочелъ-бы быть въ долгахъ, не имѣть мундира, наконецъ быть арестованнымъ, чѣмъ мучиться такими мыслями. Когда смотрю на нее, говорю съ нею, то забываю о старикѣ, будто его нѣтъ на свѣтѣ. Но когда говорю съ этимъ честнымъ старикомъ, который полюбилъ меня, какъ сына, не могу не думать о ней, будто, кромѣ ея, ея одной, никого нѣтъ въ мірѣ! — Это неблагодарность! Голова идетъ кругомъ. Выйду на свѣжій воздухъ; постараюсь побѣдить себя, буду бороться съ собою, пока наконецъ.... сдѣлаю какую-нибудь глупость, или разможу себѣ голову.

(Убѣгаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Садъ возлѣ дома судьи. Около дверей въ залу сидитъ судья, и куритъ трубку. — Мартынъ.)

судья. Ну, что? замѣчалъ-ли, какъ я тебѣ приказывалъ, чтобы поручикъ-волокителъ за кѣмъ-нибудь?

МАРТЫНЪ. Да замѣчалъ.

СУДЬЯ. И замѣтилъ что-нибудь?

МАРТЫНЪ. Замѣтилъ.

СУДЬЯ. Что-же? можетъ-быть, какая-нибудь изъ горничныхъ?

МАРТЫНЪ. Куда изъ горничныхъ!

СУДЬЯ. Что-же? говори.

МАРТЫНЪ. Слушаю, сударь! — До моей свадьбы я говорилъ себѣ не разъ: Эй ты, старый дуракъ Мартынъ! Что ты дѣлаешь? Эта Юлька — огонь дѣвка, а ты словно гнилое полѣно; въ ней кровь свѣжа, какъ парное молоко, а въ тебѣ, какъ сыворотка...

СУДЬЯ. Все это правда, но что-же изъ этого?

МАРТЫНЪ. Какъ, что изъ этого? а вотъ что. Потому я опять себѣ говорилъ: ужъ когда баринъ женился, такъ и мнѣ можно. Должно-быть въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, когда баринъ взялъ дѣвушку еще моложе моей Юльки, и въ десять разъ красивѣе...

СУДЬЯ. Большой-же ты оселъ, любезный Мартынъ!

МАРТЫНЪ. Слушаю, сударь! Теперь я и самъ это вижу. Но виновать во всемъ нашъ священникъ....

СУДЬЯ. А это какимъ образомъ?

МАРТЫНЪ. Я не разъ слышалъ, какъ нашъ священникъ говорилъ вашей милости: «Вы, г. судья, человекъ умный». Я и самъ видѣлъ, что баринъ человекъ умный, но не довѣрялъ себѣ. А когда услышалъ тоже самое отъ нашего священника.... и еще не одинъ разъ; а когда вы изволили жениться, то и я взялъ, да и женился. А теперь, съ позволенія сказать, вижу, что сдѣлалъ глупость.

СУДЬЯ. Стало-быть, твоя жена вѣтренница?

МАРТЫНЪ. Да, въ томъ-то и бѣда.

СУДЬЯ. Ужъ не строптъ-ли она глазки поручику?

МАРТЫНЪ. Она-бы, можетъ-быть и хотѣла; да поручикъ не смотритъ на нее.

СУДЬЯ. Въ-самомъ-дѣлѣ? И ты не замѣтилъ ничего такого?...

МАРТЫНЪ. Такъ чтобы того? — Нѣтъ, никогда. Ужъ я хорошо тарачилъ глаза, потому-что здѣсь дѣло идетъ и о моей кожѣ, но ничего не видѣлъ.

СУДЬЯ. А за другими горничными дѣвушками онъ также не волочится?

МАРТЫНЪ. Нѣтъ — не видалъ. Малый-то онъ расторопный. Вотъ съ барыней, правду сказать, гдѣ ни посмотри, онъ все вмѣстѣ.

судья. Вижу я это, вижу.

мартынь. И вы позволите видѣть?

судья. Вижу и радуюсь тому.

мартынь. Радуетесь?

судья.. Радуюсь.

мартынь. Слушаю, сударь! воля ваша. А мнѣ, ей Богу, чертовски досадно, что моей Юлнѣкѣ всегда есть какое-нибудь дѣло до этого солдата.

судья (*смѣясь*). А, тебѣ это не нравится?

мартынь. Развѣ это такая малость! Я его, какъ путнаго чело-вѣка, просилъ присматривать за нею, чтобы она иной разъ не засматривалась на поручика больше, чѣмъ слѣдуетъ; зазвалъ его къ Гершку на лицезъ. Онъ лицезъ-то выпилъ, а меня все-таки, кажется, оставилъ въ дуракахъ.

судья. Смотри-же, это военная штука. Ты хотя и не былъ военнымъ, но, можетъ-быть, также проказничалъ по деревнѣ, какъ былъ помоложе. А?

мартынь (*Смѣется*). Бывалое дѣло.

судья. Видишь! Теперь тебѣ отплачиваютъ тою-же монетою. Но не безпокойся. Они скоро уѣдутъ.

мартынь. Вы, сударь, отправите ихъ?

судья. Отправлю.

мартынь. Славу Богу! Тогда и я скажу тѣ-же самое, что говорилъ нашъ священникъ. — Поесмотрите-ка, сударь, какъ тамъ за деревьями крадется моя Юлнѣка. Я увѣренъ, что скоро придетъ и этотъ усачъ, будто-бы непарочно... О! о! смотрите, сударь, ей Богу онъ идетъ. Я не выдержу, и изомну ее, какъ моченое яблоко. (*Хочетъ уйдти*).

судья. Мартынь!

мартынь (*возвращается, оглядываясь*). Чего позволите, сударь?

судья. Шуму не дѣлать у меня въ домѣ!.. Ты дуракъ, она, навѣрное, не думаетъ о немъ, ни онъ о ней; у страха глаза велики.

мартынь. Какъ не думаетъ? А за-чѣмъ-же онъ идетъ туда?

судья. Ступай, позови его ко мнѣ.

мартынь (*за сценой*). Гей, г-нъ Стременчукъ! баринъ васъ зоветъ, сюда, сюда. (*Возвращается*). А, видите, сударь, онъ будто-бы не слышитъ и идетъ туда.

судья. Такъ ступай за нимъ — и вмѣстѣ позови ко мнѣ управляющаго.

МАРТЫНЪ. Слушаю, сударь! Прикажете связать его?

СУДЬЯ. Дуракъ!

МАРТИЦЪ (*уходя*). Слушаю, сударь! А ее таки поколочу.

(*Уходитъ*).

СУДЬЯ. Этотъ дуракъ не хотя привелъ меня въ замѣшательство. Но съ помощію Божіею я все исправлю. Лишь-бы не разлучаться съ нею, смотрѣть на ея счастье; лишь-бы она иногда поласкала меня старика — и, когда придетъ пора, пусть ея рука, а не чья-нибудь другая, закроетъ мнѣ глаза.

МАТВѢЙ (*входитъ*). Честь имѣю....

СУДЬЯ. Поди-ка сюда. Куда это ты отправишься?

МАТВѢЙ. Я, смѣю доложить-съ, то-есть.... хотѣлъ найди, смѣю доложить-съ, такъ искалъ....

СУДЬЯ. Не жены-ли Мартына? а?

МАТВѢЙ (*смутившись*). Никакъ нѣтъ-съ, смѣю доложить. Я, т. е., сохрани Господи.... я.... никогда.

СУДЬЯ. Отъ-чего-же нѣтъ? Военнымъ это не новость.

МАТВѢЙ (*ободрившись*). Бываетъ, смѣю доложить-съ.

СУДЬЯ. А въ-самомъ-дѣлѣ, она недурна, неправда-ли?

МАТВѢЙ. Хороша, злодѣйка, смѣю доложить-съ, и такая проворная, ловкая....

СУДЬЯ. А ты любишь такихъ?

МАТВѢЙ. Чертовски люблю! смѣю доложить-съ.

СУДЬЯ. А въ Варшавѣ есть такія?

МАТВѢЙ. Есть и получше.

СУДЬЯ. И такихъ мужей, какъ Мартыцъ?

МАТВѢЙ. О нѣтъ, смѣю доложить-съ, тамъ такихъ дураковъ мало, чтобы въ эти лѣта, смѣю доложить-съ....

СУДЬЯ (*въ-сторону*). Допытался. (*Громко*). Да и поручикъ, я думаю, похаживалъ къ инымъ, такъ, для препровожденія времени; а Стременчукъ стоялъ на часахъ, чтобы, пожалуй, мужъ не поймавъ. Я что-то слышалъ....

МАТВѢЙ. О! что до того касается, то вамъ, сударь, кто-нибудь навралъ. О себѣ не говорю. Случалось, правда, случалось, что человѣкъ иногда не удержится отъ грѣха. Но мой поручикъ, ей Богу, нѣтъ; онъ хоть и офицеръ, а жилъ, какъ дѣвушка. И къ тому-же, смѣю доложить-съ, и деньжонокъ то не было; а Варшава — такой городъ, что безъ копейки и кренделя не купишь. Надо мною только была милость Господня; бывало и бутылку пива въ долгъ повѣрять; а чтобы какая-нибудь изъ

этихъ красавицъ, о которыхъ вы изволите говорить, даромъ дѣлала глазки — этого такъ нѣтъ.

судья. Какъ-же это можетъ быть, чтобы у твоего поручика не было денегъ? Развѣ офицерамъ карты мало припосать?

матвѣй. Много выносятъ, смѣю доложить-сь. Я это видѣлъ не разъ на другихъ. Но мой поручикъ — сохрани Боже! онъ никогда картъ и въ руки не бралъ. Въ шашки, случается, бьется по цѣлымъ днямъ съ товарищами.

судья. И не ходитъ на службу?

матвѣй. О! ужъ этого-то не бываетъ. Ему за службу и генералъ никогда не дѣлалъ выговоровъ, а онъ, смѣю доложить-сь, такой, что и святому не простить.

судья. За-чѣмъ-же поручикъ теряетъ время на шашки?

матвѣй. Да, такъ съ-горя, смѣю доложить-сь.

судья. Какъ, съ-горя?

матвѣй. Право, съ-горя. Не было на что сшить мундиръ и купить лошадей; такъ вотъ мы съ-горя заболѣли и стали сидѣть дома. А придутъ товарищи, такъ мой поручикъ съ одними бьется въ шашки, а другіе, смѣю доложить-сь, играютъ въ тѣ... какъ-бишь она называется? забылъ—вотъ, что смѣю доложить-сь, гоняются за королемъ и королевою, берутъ деревянные башни, скачутъ на коняхъ объ одной ножкѣ, и такъ, какъ это и вездѣ бываетъ, больше всего бьютъ бѣдныхъ пѣшекъ.

судья. Въ шахматы.

матвѣй. Да, да — какъ это вы, сударь, все хорошо знаете, будто-бы сами тамъ были.

судья. Знаю, знаю — и большія деньги проигрывали въ эти шахматы?

матвѣй. Вотъ ужъ этого не бывало. Откуда-же-бы, чортъ возьми, взялись большія деньги, когда и мелкихъ не было? Смѣю доложить-сь, пока этотъ почтальйонъ не пришелъ и не принесъ намъ письма отъ вашей милости, у насъ и полупки за душою не было.

судья. Развѣ произведеннымъ офицерамъ не даютъ денегъ на обмундировку.

матвѣй. Даютъ-то, даютъ, да мало; а мой поручикъ такой ребенокъ, что когда получить откуда-нибудь копейку, такъ оставитъ себѣ немножко, а большую часть всегда пошлетъ старой матери.

судья. И хорошо дѣлаетъ.

матвѣй. Конечно, хорошо — за тѣ, можетъ-быть, Богъ и далъ

ему такого дялюшку, какъ вы, сударь. Но если-бы вы не изволили пособить ему?

судья. Богъ-бы пособилъ ему какимъ-нибудь другимъ образомъ. Потому-что благодарность дѣтей къ родителямъ изводитъ всегда благословеніе Божіе, а хорошее поведеніе получаетъ вѣрную награду.

матвѣй (*растроганный, обтираетъ рукавомъ глаза*). Хорошо, сударь, вы говорите, какъ будто-бы священникъ какой. Такъ, смѣю доложить-сь, и хочется быть хорошимъ сыномъ и хорошо вести себя.

судья. Убѣгай-же и ты, любезный, отъ Юлиньки, потому-что она чужая жена — а это грѣхъ.

матвѣй. Правда, сударь, не забуду; ей-Богу — такъ учать и десять заповѣдей, — да, если-бы она злодѣйка не была такая хорошенькая!

судья. Не смотри на нее.

матвѣй. Такъ и сдѣлаю; а когда мнѣ придетъ охота поволочиться, то лучше отправлюсь къ Гершку и вынью стаканъ липцу. Вѣдь это не грѣхъ? смѣю доложить-сь — только денегъ-то у меня плохо.

судья (*даетъ ему деньги*). Вотъ тебѣ любезный! Спрячь это себѣ для Варшавы; а липцу вѣлю тебѣ давать по стаканчику каждый день и даромъ.

матвѣй. Благодарю сударь — вы рѣдкій баринъ! (*Хочетъ уйти и останавливается*.) Смѣю доложить-сь, я еще хотѣлъ кое-что сказать.

судья. Что-жъ такое?

матвѣй. Вы, сударь, такъ хорошо тутъ говорили, что меня, смѣю доложить-сь, совѣмъ растрогали. Нельзя-ли вамъ еще что-нибудь такое-же сказать и моему поручику?

судья. Развѣ и онъ-волочится за Юлинькой! —

матвѣй. Какое за Юлинькой? На своего поручика оно-бы и негодилось... но смѣю доложить-сь, вы баринъ такой добрый, и я васъ полюбилъ... а тутъ, мнѣ кажется, будто бы... Это смѣю доложить, молодая кровь, а вы сами, сударь, благодаря Бога, ужъ какъ грибъ... Не дай Богъ, чтобы случилось какое-нибудь несчастье... еще-бы этому дураку Мартыну сыграть штуку, ничего — по вамъ, сударь, смѣю доложить, ей Богу, грѣшно.

судья. Благодарю тебя, любезный, я самъ смотрю за этимъ хорошо.

матвѣй. А если вы, сударь, не досмотрите?.. Это, смѣю доложить,

такой неприятель, что смотри, какъ хочешь, а онъ все-таки зайдетъ съ фланга. Вы, сударь, сидите себѣ здѣсь, а они, смѣю доложить-съ, не въ укоръ будь сказано, какъ пара голубковъ.... — Мнѣ, сударь, васъ жаль, потому-что я васъ, сударь, люблю, и поручика мнѣ жаль, потому-что и онъ добрый человѣкъ; а можетъ выйти бѣда, когда рассердить такого дядюшку.

судья. Хорошо, хорошо — ступай себѣ.

матвѣй. Честь имѣю... *(Въ-сторону.)* Отворачивается — рассердился старикъ. Чортъ-же мнѣ шепнулъ не держать языка за зубами. Пойду съ горя напьюсь пьянъ. *(Уходитъ.)*

судья *(посль минутнаго молчанія.)* Положение старыхъ мужей ужасно-глупо. Если-бы не этотъ Мартынъ, на котораго все обрушивается, то мнѣ было-бы здѣсь очень-плохо. Теперь меня утѣшаютъ все эти замѣчанія; въ другомъ однакожь случаѣ, безъ этой спасительной мысли, за которую благодарю Бога, безъ-сомнѣнія, дошло-бы и до ревности; куда какъ-хорошо, если эта фурия вкрадется въ старое сердце, и поселится тамъ! Когда грудь разрывается, когда несчастному хочется плакать кровавыми слезами, а все, кто смотрятъ на него, смѣются и думаютъ про себя: по дѣломъ тебѣ, старый дуракъ! — Ужасное положеніе! Я-бы хотѣлъ, чтобы все мои товарищи съ сѣдыми головами, когда увидятъ во-снѣ молодую женщину, проснувшись, пашли подлѣ себя, вмѣсто алыхъ устъ, добрую пагайку, которою могли-бы, на тошакъ, порядкомъ отстегать себя и прохладить свою кровь.

(Ягнѣшка входитъ.)

судья. Что это, Ягнѣшка? О чемъ ты беспокоишься?

ягнѣшка. Да..... нѣтъ дядюшка!

судья. Ну, слава Богу! — А я думалъ, не сгорѣла-ли Рига.

ягнѣшка. О! нѣтъ — Рига цѣла.

судья. Однакоже у тебя есть что-то на сердцѣ! Гдѣ-же Юзя и Станиславъ?

ягнѣшка. Остались тамъ около пасеки.

судья. Отъ-чего-же вы оставили ихъ? Вѣрно, вамъ надоѣло общество молодыхъ людей, и вы снѣшите гадать.

ягнѣшка. Совсе нѣтъ, любезный дядюшка! Но признаюсь вамъ, что въ мои лѣта и въ моемъ положеніи, не на все можно смотрѣть.

судья. Ого! это что-то похоже на соблазнительную исторію. Вы, кажется, въ такихъ лѣтахъ, что можете смотрѣть на всякія зрѣлища; и я думаю, что тамъ не сдѣлалось ничего такого, на что-бы дѣвушка, даже и старая, не могла смотрѣть.

ягнишка. Вольно вамъ такъ думать. Вы сердитесь на меня, когда я сдѣлаю какое-нибудь замѣчаніе — и потому я предпочитаю молчать.

судья. И хорошо дѣлаете; потому-что священникъ варшавскій, говоритъ: «Лучше всего молчать тамъ, гдѣ пѣчего сказать».

ягнишка. Не потому, любезный дядюшка! Нашлось-бы, что сказать, и очень нашлось-бы; но я не хочу класть палецъ между дверей.

судья. И умно дѣлаете.

ягнишка. Серьёзно вы говорите, дядюшка, или нѣтъ, я не хочу разбирать; какъ вамъ угодно. Я знаю только, что не всегда люди, которыхъ считаютъ умными, умно поступаютъ. Но это не мое дѣло. Не хочу собирать жатву тамъ, гдѣ не сѣла.

судья. Прекрасно! Въ-самомъ-дѣлѣ, я удивляюсь уму твоему.

ягнишка. Можетъ-быть, многіе удивились-бы, любезный дядюшка, что вы, будучи уже въ такихъ лѣтахъ и имѣя жену молодую и педурную, приняли въ домъ вертопраха, который не любитъ никакого умнаго и степеннаго удовольствія, и которому безъ сомнѣнія, больше нравится общество молодой жепцины, чѣмъ ваша бесѣда.

судья. И твое гаданіе.

ягнишка. Конечно, меньше было-бы опасности для вашей чести, если-бы онъ чаще былъ съ вами или со мною, чѣмъ съ Юзею. Вы должны это и сами видѣть, а я не хочу вамъ дѣлать замѣчаній. На что мнѣ соваться туда, гдѣ меня не спрашиваютъ?

судья. Все это хорошо; но я еще не вижу, почему вы оставили ихъ, и что тамъ случилось такого, на что-бы дѣвичьи глаза не могли смотрѣть.

ягнишка. Я всегда говорила, что эти безпрестанные наряды, это сидѣнье передъ зеркаломъ, не доведутъ до добра. Вы разсердились; вы полагали, что я это говорила не изъ искренней привязанности, но изъ какой-то ревности, изъ какой-то зависти, отъ которой, однакожь, Богъ избавилъ меня. А теперь вышло по-моему. Теперь сердитесь на меня, или нѣтъ, но когда я разъ начала, то скажу все, потому-что дорожу вашимъ спокойствіемъ. И хотя вы сказали, что привязанность моя не такова, однакожь я чувствую иначе, и пока еще время, должна остеречь васъ. Пора, любезный дядюшка, выпроводить этого барича изъ дому; иначе дойдетъ до чего-нибудь.... о чемъ мнѣ неприлично гово-

рять. Люди начнутъ смѣяться надъ вами, и придумывать Богъ знаетъ что.

судья. Въ-самомъ-дѣлѣ, Ягнуся, ты говоришь, какъ Цицеронъ.

ягнишка. Я говорю, какъ думаю, и что вижу. Съ самаго приѣзда этого господина, я замѣтила, что изъ этого не выйдетъ ничего хорошаго — но думала, что его можно занять чѣмъ-нибудь благопристойнымъ — куда! нѣчего и думать! Я ему говорю то о томъ, то о другомъ, а онъ засматривается въ противную сторону, прислушивается къ другимъ разговорамъ. И не думайте, чтобы онъ даромъ смотрѣлъ, и на него поглядываютъ, и ему дѣлаютъ глазки. (Съ негодованіемъ). Женщинѣ, которая имѣетъ такого мужа, такого благодѣтеля, кокетничать съ офицеромъ! А вы, какъ будто-бы не видите! И теперь улыбаетесь, какъ-будто не вѣрите. Въ-самомъ-дѣлѣ, не постигаю, любезный дядюшка, къ чему все это поведетъ.

судья. Ягнуся, Ягнуся, не влюбилась-ли ты въ поручика, что говоришь съ такимъ жаромъ?

ягнишка. Я не влюбилась, но Юзя влюбилась въ него, и онъ влюбился въ нее, ежели вы хотите знать правду.

судья. Въ-самомъ-дѣлѣ, и это серьезно?

ягнишка. Серьезно и очень-серьезно, любезный дядюшка! а вы какъ-будто этого не видите, какъ-будто бы одобряете это. Вы терпите его въ домѣ, ласкаете, нѣжите, какъ сына; вы позволяете имъ безпрестанно быть другъ-съ-другомъ — они вмѣстѣ гуляютъ, вмѣстѣ ѣздятъ, вмѣстѣ читаютъ. Вы пойдете хозяйничать, а они здѣсь разговариваютъ; вы за бумагами, а они рука-объ-руку отправляются въ садъ; вы читаете газеты, а они и не думаютъ о политикѣ — только хохочутъ между собою. Сколько разъ она вырывала изъ вашихъ рукъ газету? сколько разъ онъ мнѣ мѣшалъ карты до того, что я не могла добиться толку? Разъ даже унесъ у меня червоннаго короля, котораго я цѣлые два дня не видала въ глаза. А вы все это терпите! Человѣка молодого можно-бы навести на путь истинный; вѣтренная женщина требуетъ надзора, — и ихъ поведеніе будетъ на вашей совѣсти, дядюшка.

судья. Жаль, въ-самомъ-дѣлѣ, что ты не можешь быть проповѣдникомъ.

ягнишка. И проповѣдь моя здѣсь была-бы кетати. Сердитесь сколько угодно; но такъ-какъ я разъ начала, то должна все сказать.

судья. Точно самопрялка, которая какъ расходится, трещить, пока не выпрядетъ всего.

ягнишка. Самопрялка, не самопрялка — но когда я разъ начала, то все-таки скажу.

судья. Не клади палецъ между дверей.

ягнишка. Честь ваша для меня дороже.

судья. Не собирай жатвы тамъ, гдѣ не сѣяла.

ягнишка. Спокойствіе ваше для меня драгоценнѣе.

судья. Не суйся туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ.

ягнишка. Дѣло идетъ о вашемъ спасеніи.

судья (*смѣясь*). Ну, такъ говори, говори, Ягнуся.

ягнишка. Теперь посмотрите, отъ-чего я ихъ тамъ оставила: могла-ли я на это смотрѣть? Мы были у пасеки; пчела пристала къ Юзѣ; она защищалась и бѣжала — ничто не помогло. Пчела наконецъ укусила ее.

судья. Не въ глазъ-ли, Ягнуся?

ягнуся. Нѣтъ, нѣтъ. Вообразите себѣ, она влѣзла ей подъ воротничекъ и укусила въ шею, вотъ здѣсь, и оставила жало. Юзя, разумѣется, какъ избалованный ребенокъ, начала кричать. Поручикъ былъ возлѣ нея — я также прибѣжала и хотѣла отстегнуть ей воротничекъ. Вообразите себѣ до чего дошло! Г-нъ офицеръ не допустилъ меня — вынялъ всѣ булавки, спялъ съ Юзи воротничекъ, нагнулся къ самой груди, будто-бы для того, чтобы лучше видѣть и выдернулъ жало. А потомъ, подъ предлогомъ, что его палецъ холодный, прижалъ имъ, вотъ такъ, ужаленное мѣсто. — А Юзя улыбалась и благодарила его, и говорила, что ужъ не болитъ. Нѣтъ, любезный дядюшка! на это я не могла смотрѣть. Вспыхнула, какъ будто-бы кто нибудь насыпалъ на меня раскаленныхъ угольевъ, и оставила ихъ тамъ.

судья. И хорошо сдѣлала. Они тамъ свободнѣе побесѣдуютъ, а вы между тѣмъ увидишься съ червоннымъ королемъ.

ягнишка. И на все это вы смотрите равнодушно?

судья. Какъ видите.

ягнуся. Пусть-же будетъ воля Господня — теперь и я на все закрою глаза. О! утѣшьте-же еще разъ, смотрите, смотрите, какъ они сюда плутъ! Подъ ручку, и смотреть другъ-другу въ глаза. А вы и на это ничего не скажете?

судья. Ничего.

ягнишка. Стыдитесь-же, дядюшка! Фи, г-нъ судья!
(Уходитъ въ досаду).

судья (*смѣясь*). Дала же мнѣ порядочную гонку! Бѣдная Ягнуся! должно быть, она считаетъ меня большимъ глупцомъ.

(*Юзя и Яниковскій входятъ*).

юзя. Ахъ! если-бы ты зналъ, милый дѣдушка, что со мною случилось!

судья. Знаю, знаю, милочка! И г-нъ поручикъ спасъ тебя отъ этого несчастія.

юзя. Можетъ-быть, ты думаешь, дѣдушка, то что я изъ шалости влѣзла на заборъ, и потомъ боялась слѣзть, а Станиславъ Станиславовичъ сжалился надо мною и снялъ меня?

судья. Этого я не зналъ. Сегодня — день, богатый приключеніями.

юзя. Было еще хуже этого, дѣдушка! — Вообрази себѣ, пчела укусила меня. Я неспытывала никогда такой боли; и если-бы Станиславъ Станиславовичъ....

судья. Знаю, знаю. Г-нъ офицеръ отваженъ! не боится жала пчелы, когда оно въ груди прекрасной жепщины.

юзя. Почему ты это знаешь, дѣдушка?

судья. Вѣдь тамъ была — Ягнуся.

юзя. Ахъ правда! и разсердилась на меня, что я не позволила ей достать жало. Она такая неловкая!

яниковской (*въ-сторону*). Старая хрычевка! уже выболтала!

судья. Совѣтую однакожъ вамъ, сударыня, въ другой разъ не лазить по заборамъ, и быть осторожниѣе съ тѣмъ, что кусаетъ, потому что не всегда можетъ-быть подъ рукою такой ловкій докторъ, какъ Станиславъ Станиславовичъ.

юзя (*къ мужу*). Дѣдушка! дѣдушка! ты что-то подумалъ про себя.

судья. То-ли это платице, милочка, которое ты сама ешила за двѣ недѣли?

юзя (*грозитъ*). А видишь, дѣдушка, что подумалъ.

судья. Подумалъ, что оно идетъ къ тебѣ и что жаль употреблять его для прогулокъ. Видишь, роскою ты совсѣмъ замочила его, а могла и разорвать на заборѣ.

юзя. Такъ ты не увидишь его больше, дѣдушка!....

судья (*цѣлуетъ ее*). Я этого совсѣмъ не хочу, милочка! — Теперь именно можешь носить его.

яниковскій (*въ-сторону*). Счастливый старикъ!

судья. Что вы такъ задумались, г-нъ поручикъ!

яниковскій. Я немного усталъ.

юзя. Это я такъ измучила Станислава Станиславовича. Во-

образи себѣ дѣдушка, какой онъ добрый! Миѣ захотѣлось пить, и чуть я успѣла сказать, съ какимъ удовольствіемъ я-бы выпила стаканъ молока,—его и слѣдъ простыль. Тотчасъ принесъ кувшинъ съ молокомъ и стаканъ, и все это изъ мызы. А это немаленькая прогулка отъ пасеки до мызы, не правда-ли, дѣдушка? яниковскій. Двадцать шаговъ! Стоитъ-ли говорить объ этомъ.

судья. Къ тому-же еще онъ такъ измучился, снимая тебя съ забора.

юзя. Развѣ я такъ тяжела? Вѣдъ ты-же самъ, дѣдушка, носилъ меня на рукахъ и это недавно — помнишь?

судья. Для мужа ты не будешь никогда въ тягость.

юзя. И для брата также — неправда-ли, Станиславъ Станиславовичъ? *(Опускаетъ глаза и подаетъ ему руку).*

яниковскій *(цѣлуетъ ее съ жаромъ)*. О никогда, никогда.

судья *(въ-сторону)*. Бѣдныя дѣти! они оба обманываются этимъ братствомъ. — А! вотъ и управляющій. Подойдите-ка сюда поближе г. Цеповскій!

управляющій *(входитъ въ стромъ стуртукъ, съ соломенною шляпою въ рукахъ)*. Что изволите приказать?

судья. Прикажите запретъ себѣ бѣдоножку и поѣзжайте съ этимъ письмомъ въ Луцкъ. Только возьмите съ собою овса: можетъ-быть, придется вамъ денъка два повременить, пока получите отвѣтъ.

юзя. Къ кому это? *(Съшмивается на его плечо и заглядываетъ на адрессъ)*. А, къ нашему священнику.... прошу кланяться отъ меня священнику и сказать, что я сержусь на него за то, что онъ такъ давно не былъ у насъ.

судья. Ну, ступайте-же. *(Управляющій уходитъ)*.

юзя. А о чемъ ты дѣдушка писалъ къ нашему священнику?

судья *(обнимаетъ ее смѣясь)*. О разводѣ, милочка!

юзя *(лаская его)*. Не правда, дѣдушка, неправда.

судья. Хочешь, вѣръ; не хочешь—не вѣръ; а въ другой разъ не будь любопытна.

юзя. Развѣ я не женщина?

яниковскій *(въ-сторону)*. Ты ангелъ!

судья. Г-нъ Цеповскій! погодите-ка. *(Уходитъ)*.

юзя *(въ-сторону)*. Откуда дѣдушкѣ пришелъ въ голову этотъ разводъ? Какъ миѣ странно кажется это слово, какъ будто-бы я его въ первый разъ услышала *(Проводитъ рукою по лбу)*. Богъ знаетъ что!

яниковскій *(въ-сторону)*. Онъ полу-шутя, полу-серьезно дѣ-

лаеть мнѣ замѣчанія. Не знаю въ-самомъ-дѣлѣ, что происходитъ во мнѣ. *(Опускаетъ голову).*

юзя *(послѣ минутнаго молчанія, смотря на него съ участіемъ)*. Станиславъ Станиславовичъ!

яниковскій *(поднимаетъ голову)*. Вы зовете меня?

юзя. Я? — Нѣтъ, въ-самомъ-дѣлѣ.

яниковскій. О говорите — мнѣ такъ пріятно васъ слушать.

юзя *(въ замѣшательствѣ)*. Станиславъ Станиславовичъ! вы въ-самомъ-дѣлѣ измучились; но не слѣдовало бѣжать такъ далеко и еще такъ скоро. Ну, пусть я сказала, что мнѣ хочется молока, такъ что-же изъ этого? Развѣ такъ необходимо угождать всѣмъ моимъ прихотямъ? А если-бы мнѣ пришло въ голову снять звѣзду съ неба?

яниковскій *(въ полъ-голоса)*. Я-бы досталъ ее.

юзя *(опуская глаза)*. Въ другой разъ буду въ самомъ-дѣлѣ сердиться — да и теперь немножко сержусь, что Станиславъ Станиславичъ такъ измучилъ себя. Отъ этого голова можетъ заболѣть.

яниковскій *(беретъ ее за руку)*. О! не сердитесь. Что моя голова! она не стоитъ того, чтобы думать объ ней.

юзя. Однако-жъ вы будете хорошо помнить сегодняшнюю прогулку.

яниковскій. Во всю жизнь мою не забуду ея.

юзя. И я также не забуду, какъ вы освободили меня отъ этой ужасной боли. Отъ-чего у васъ такъ дрожить рука? Вы не здоровы, вѣрно, голова болитъ?

яниковскій *(беретъ обѣ руки ея, цѣлуетъ и прикладываетъ къ своей головѣ)*. У меня сильно болитъ голова, очень, очень-сильно. *(Опускаетъ руки ея и уходитъ).*

юзя *(смотря грустно въ-слѣдъ за нимъ)*. Бѣдный молодой человекъ! голова у него очень-сильно, сильно болитъ—а можетъ-быть.... И мнѣ сдѣлалось тутъ тяжело — это худо, очень-худо. *(Начинаетъ плакать)*. Отъ-чего мнѣ такъ жаль его, бѣднаго!

(Уходитъ, заливаясь слезами).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната судьи, таже, что и въ первомъ дѣйствіи.

судья *сидитъ въ креслахъ и читаетъ письмо.* управляющій *стоитъ у дверей.*

судья. Болѣе ничего священникъ не приказалъ сказать?

управляющій. Приказалъ кланяться и сказать, что скоро будетъ самъ. Онъ пріѣхалъ-бы тотчасъ, но Епископъ немного нездоровъ, и онъ не можетъ оставить его. Притомъ.... не знаю что это значитъ, но священникъ... какъ-то улыбался....

судья. Вамъ незачѣмъ и знать это.

управляющій. Больше ничего не угодно приказать?

судья. Прикажете приготовить въ дорогу хорошую четверку. Можно выбрать изъ моихъ. Перековать ихъ и давать по двойной порціи овса; осмотрѣть жолтую бричку на рессорахъ. Пусть Мишка и Ванюшка будутъ готовы къ отъѣзду. Пусть возьмутъ новую ливрею, и сбрую для лошадей полегче и покрѣиче.

управляющій. А куда прикажете ѣхать?

судья. Этого вамъ не нужно знать. Дорога будетъ дальная. Пусть все будетъ въ исправности. Ступайте и попросите ко мнѣ г-на поручика.

управляющій *(въ сторону)*. А! — теперь понимаю

судья *(взглянувъ на письмо, складываетъ его)*. Достойный другъ! общаетъ все и скоро; а что важнѣе всего, и онъ хвалитъ мое намѣреніе и благословляетъ своею священническою рукою. Моя милочка груститъ, глаза ея заплаканы, мой офицеръ задумчивъ, похудѣлъ — бѣдный, вѣрно, не спитъ и борется съ собою. Добрыя дѣти! Пора облегчить ихъ сердце. И для меня настаетъ минута важная и трудная. *(Оттираетъ слезу)*. Что это? ты рас-

каиваешься? Стыдись, старикъ! Такъ-ли должно приступать къ исполненію святой обязанности отца? —

яниковскій (*входя робко*). Вы изволили звать меня.

судья. Я велѣлъ просить тебя. Садись здѣсь, подлѣ меня — намъ нужно переговорить.

яниковскій (*взявъ стулъ, въ-сторону*). Боже! какъ онъ важенъ!

судья. На долго взяли отпускъ?

яниковскій (*со вздохомъ*). Только на одинъ мѣсяць.

судья. Слѣдовательно, времени остается вамъ немного. Приѣхать не во время — не хорошо; нужно быть акуратнымъ — вы и такъ едва поспѣете въ срокъ. Пора вамъ ѣхать.

яниковскій. Ёхать? — О! да, мнѣ пора ѣхать.

судья. Можетъ-быть, вы уже и соскучились по Варшавѣ.

яниковскій. Г-нъ судья, вы шутите надо мною?

судья. Отчего-же? это очень-естественно... Молодой человекъ, вновь произведенный офицеръ, можетъ лучше провести время въ столицѣ, чѣмъ въ деревнѣ. Тамъ прогулки, театры, столько прекрасныхъ глазъ любовались-бы мундиромъ съ иголочки и лансадами новой лошади. А у насъ что? пустота. Я старъ, Ягнишка скучна, моя жена.....

(*Яниковскій встаетъ и идетъ къ окошку*).

судья. Подойди сюда, Станиславъ! Что съ тобою? слезы на глазахъ?

яниковскій. Г-нъ судья! Эти слезы вызваны вашими словами и глубокою горестью. Вашъ домъ для меня все, все; а вы говорите такъ, какъ будто-бы я былъ человекъ вѣтреный и даже — неблагодарный!

судья. Ты не долженъ даже думать, чтобы я тебя подозрѣвалъ въ этомъ. Въ добромъ сердцѣ такія чувства не могутъ родиться; тѣмъ болѣе, что я старался дѣлать все, что могло быть тебѣ пріятнымъ. Не хочу этого напоминать тебѣ, потому-что ты самъ, вѣрно, лучше помнишь....

яниковскій. О вѣрно!

судья. Теперь я подумалъ и о твоёмъ отъѣздѣ. Хочу, чтобы ты выѣхалъ отъ меня покойно, съ достаточною прислугою; чтобы ни въ чемъ не терпѣлъ нужды, ни въ дорогѣ, ни на мѣстѣ.

яниковскій. Благодаритель мой! (*Въ-сторону*). Стою-ли я того?

судья. Повѣрь мнѣ, Станиславъ, если-бы ты былъ близкимъ моимъ родственникомъ, я менѣе былъ-бы готовъ сдѣлать для тебя.

яниковскій. Если-бы я былъ вашимъ сыномъ, что-же больше могли-бы вы сдѣлать для меня?

судья. Въ этомъ нѣтъ никакой заслуги съ моей стороны. Я тебя люблю, Станиславъ! люблю въ-самомъ-дѣлѣ, какъ сына, и все, что я дѣлаю, для меня — дѣлать легко и приятно.

яниковскій. *(Ударяя рукою по лбу)*. О, если-бы я заслуживалъ это!

судья. Съ твоей ненужно стороны никакой заслуги. Я началъ оказывать тебѣ благодѣяніе, не зная тебя; какъ-же мнѣ было не продолжать, когда познакомился съ тобою? Однакожь если ты чувствуешь, что чѣмъ-нибудь мнѣ обязанъ, то, въ замѣнъ за мою привязанность, я требую отъ тебя одного.

яниковскій. Прикажете.

судья. Требую, любезный Станиславъ, чтобы ты былъ откровененъ, чтобы на мой вопросъ отвѣтилъ такъ, какъ своему отцу — потому-что я хочу быть имъ.

яниковскій *(въ замѣшательствѣ)*. Я готовъ.

судья. Скажи мнѣ, понравилась-ли тебѣ моя жена?

яниковскій *(ломая руки)*. О, я несчастный!

судья. Мнѣ нравится въ тебѣ это отчаяніе — оно подтверждаетъ мои подозрѣнія; но я могу ошибаться.

яниковскій. Нѣтъ, вы не ошибаетесь, благодѣтель мой! отецъ! не хочу, не могу лгать передъ вами. Изгоните меня изъ своего сердца — я неблагодарный и несчастный — я ее люблю, люблю болѣе жизни. *(Падаетъ передъ нимъ на колѣни и, рыдая, скрываетъ лицо свое на груди его)*.

судья. Бѣдный ребенокъ! мнѣ жаль тебя. Но, кажется, я болѣе виноватъ въ томъ, нежели ты.

яниковскій *(вставая)*. Если-бы вы могли видѣть мою борьбу, мои муки во-время безсонныхъ ночей! Если-бы могли слышать упреки, которые я дѣлалъ себѣ, и горячія мольбы, которыми я просилъ Всевышняго дать мнѣ силы побѣдить себя! — Все было напрасно.

судья. Говорилъ-ли ты ей о своихъ чувствахъ?

яниковскій. Никогда. Я-бы согласился скорѣе умереть, чѣмъ не чистымъ словомъ осквернить этого ангела!

судья. Ну такъ, слава Богу, что ты не потерялъ и ея уваженія. Я не обвиняю тебя, любезный Станиславъ, ты молодъ. Юзя прекрасна, добра, весела — вы были такъ долго вмѣстѣ, — неудивительно, что отъ скуки заговорило твое сердце. Но надѣйся на Бога. Ты побѣдишь себя, и это пройдетъ.

яниковскій. О никогда, никогда!

судья. Это тебѣ такъ кажется. Приѣдешь въ столицу; тебя встрѣтятъ занятія, служба, удовольствія, и я постараюсь, чтобы тебѣ достало на нихъ денегъ.

яниковскій. Напрасно, г-нъ судья, напрасно! — я ничего не хочу.

судья. Болѣе всего поможетъ тебѣ то, что я скажу. Юзя уважаетъ тебя, какъ молодаго человѣка, полного надеждъ, съ характеромъ, честнаго; по могу тебѣ съ увѣренностію сказать и поручиться, что она не любитъ тебя.

яниковскій. Не любитъ? — И вы въ томъ увѣрены?

судья. Развѣ я былъ-бы такъ спокоенъ?

яниковскій (*обрадовавшись*). О! слава Богу! И такъ я одинъ только буду несчастливъ, я одинъ только-умру. (*Убѣгаетъ*).

судья (*оставаля*). Благородный молодой человѣкъ, онъ тронулъ меня до глубины души. — Съ нею, я думаю, труднѣе будетъ справиться. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Комната Юзи.

Юзя *стоитъ на колыняхъ и молится. Судья входитъ потихоньку и останавливается въ молчаніи.*

Юзя (*спустя минуту*). Святая Дѣва! Чистая Матерь! охраняй сердце сироты! дай силу бѣдной! дай твердость устоять до конца!

судья (*тронутый*). Бѣдный ребенокъ! (*Выходитъ впередъ.*)

Юзя (*оборачивается и встаетъ*). Это, ты дѣдушка? Я замолчала такъ, что не слышала тебя.

судья. Вижу, дятя мое, вижу — ты молилась искренно и горячо.

Юзя. Очень!

судья. За кого-же ты возсылала эти молитвы къ Святой Дѣвѣ?

Юзя. За себя, дѣдушка и за тебя (*Прижимаетъ лицо къ его груди*).

судья. Благодарю тебя, мое дитя, благодарю. — Но теперь не время для молитвы.

юзя. Развѣ не хорошо молиться во всякое время?

судья. Правда, мой ангельчикъ, правда. Это самое лучшее употребленіе каждаго часа дня, каждой минуты ночи. Но въ необыкновенное время прибѣгаетъ къ молитвѣ только стражающая, угнетѣнная душа. Съ нѣкотораго времени я вижу въ тебѣ переменѣну. Ты бываешь грустна, иногда глаза твои заплаканы. На твоёмъ сердцѣ что-то лежитъ, а я не знаю объ этомъ. Въ моемъ положеніи, мой милый другъ, печаль твоя тѣмъ больше для меня, что я приписываю ее себѣ. Ты молода, я старъ; тебѣ нужно не такое счастье, какое я могу тебѣ дать.

юзя. О! нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка! мнѣ нужно только твое счастье твое спокойствіе.

судья. Вѣрю, моя дорогая Юзя! но моя обязанность знать обо всемъ, что печалитъ тебя. Я готовъ сорвать послѣдній волосъ съ сѣдой головы моей, чтобы только ты была спокойна и весела, чтобы я не слышалъ этихъ тяжелыхъ вздоховъ ночью, и слова — *сирота* въ твоихъ молитвахъ.

юзя. О! я не сирота, когда ты со мною. — Не знаю откуда у меня взялось это слово.

судья. Однако-жъ что-то беспокоитъ тебя!

юзя. Ничего, ничего, дѣдушка! Смотри, ужъ нѣтъ и слѣдовъ грусти на моемъ лицѣ — не правда-ли? (*Улыбается*).

судья. Притворяешься, притворяешься, моя милочка: эта улыбка не искренняя. Ты думаешь ею обмануть меня? Скажи мнѣ, можетъ-быть, Ягнуся сдѣлала тебѣ какую-нибудь непріятность?

юзя. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — развѣ я обратила-бы на это вниманіе?

судья. Такъ, можетъ-быть, тебѣ непріятно, что Станиславъ такъ долго у насъ остается? что я оказываю ему отцовскую привязанность и раздѣлилъ сердце свое между нимъ и тобою? (*Юзя поднимаетъ глаза и молчитъ*). А видишь! Отъ-чего-же ты не сказала? Хотя-бы это и было тяжело, но я-бы давно отправилъ его. Успокойся, дитя мое! Все приготовлено.—Онъ уѣдетъ завтра.

юзя. Завтра?

судья. Чего-же ты испугалась?

юзя. Ничего, ничего.

судья. Вѣдъ ты мнѣ едва отвѣчаешь; я не въ состояніи отга-

дать настоящей твоей мысли. Можетъ-быть, ты хочешь, чтобы онъ остался?

Юзя (*слабымъ голосомъ*). Нѣтъ, нѣтъ — пусть онъ ѣдетъ.

судья. Правду сказать, онъ, бѣдный, боленъ. Увидишь сама, можно-ли, по совѣсти, отправить его въ такомъ положеніи въ дорогу (*Звонитъ, Юлинька входитъ*). Попроси сюда г-на поручика. (*Юлинька уходитъ*). Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось. Ужъ нѣсколько дней, какъ онъ потерялъ веселость, становится все блѣднѣе, все грустнѣе — боюсь, чтобы не занемогъ гдѣ-нибудь въ пути.

Юзя. Бѣдный онъ! — бѣдная я!

судья. Что ты говоришь, милочка?

Юзя. Ничего, ничего, мой... отецъ!

судья. Ты хотѣла сказать: мой мужъ!

Юзя (*со слезами*). Я не достойна называть тебя этимъ именемъ.

судья. Такъ Станиславъ долженъ ѣхать?

Юзя (*борясь съ собою*). Пусть ѣдетъ.

судья. А ежели онъ умретъ въ дорогѣ?

Юзя. То я умру.

судья. А я? тогда я, съ моими сѣдинами, останусь истиннымъ сиротою!..

Юзя (*отирая слезы*). Нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка, ты не останешься. Божья Матерь поможетъ мнѣ — я одержу побѣду надъ собою — забуду — и буду твоею, твоею до гроба. (*Бросается въ его объятія*.)

судья. О! ты мой ангелъ!

(*Входитъ Яниковскій, блѣдный, измѣнившійся, и останавливается въ глубинѣ сцены*.)

Юзя (*увидѣвъ его*). Ахъ, какъ онъ блѣденъ!

судья. Видишь, милочка! посуди сама, можно-ли теперь выпустить его? Подойди сюда, Станиславъ! Подойди поближе. Откуда опять такая робость? Ты похожъ на школьника, который нашалилъ и боится наказанія. — Ужъ все готово для твоего отъѣзда, но ты ужасно похудѣлъ, дрожишь; боюсь, чтобы не захворалъ въ дорогѣ. Хотя ты самъ настаиваешь на томъ, чтобы ѣхать, однако-жъ я прошу тебя остаться еще денька на два, — можетъ-быть, поправишься. Мы говорили объ этомъ съ Юзеею. Правда, и она хотѣла, чтобы ты отправился. (*Яниковскій и Юзя печально взглядываютъ другъ на друга*). Но она еще не видѣ-

ла тебя въ такомъ положеніи. Взглянувъ на лицо твое, я увѣренъ, что и она будетъ просить тебя.

яниковскій. Нѣтъ, г-нъ судья! Какъ ни дорого мнѣ ваше участіе, но я долженъ ѣхать. Я хотѣлъ даже просить, чтобы вы позволили мнѣ оставить вашъ домъ сейчасъ-же.

судья. Какъ, сегодня!

яниковскій. Сегодня, г-нъ судья, — теперь же.

судья. До такой степени нашъ домъ надоѣлъ тебѣ?

яниковскій. Г-нъ судья! Отцу, который знаетъ вполнѣ сердце своего сына, нѣтъ нужды объяснять. — Вы сами знаете лучше всѣхъ, что я долженъ ѣхать.

судья. Въ томъ-то и дѣло, что я не вижу такой крайней нужды. Въ словахъ твоихъ, любезный Станиславъ, я замѣчаю немножко отчаянія. Его внушило тебѣ, безъ-сомнѣнія то, что я недавно сказалъ тебѣ. Успокойся, мой другъ! я обманулъ тебя. То, что я говорилъ — не правда. Юзя любитъ тебя.

юзя (съ крикомъ). Ахъ!

яниковскій. Боже мой!

судья. Не пугайтесь такъ, дѣти мои! Вы оба молоды, и какъ будто сотворены другъ для друга; весьма-натурально, что вы понравились другъ-другу; развѣ вы думаете, что я не видалъ этого давно? — То, что я предвидѣлъ, чего желалъ — исполнилось.

юзя. Желалъ?

судья. Желалъ, милочка, желалъ; и для этого-то онъ пріѣхалъ сюда изъ Варшавы.

юзя. Дѣдушка! дѣдушка! что-же ты хорошаго сдѣлалъ? — я до-сихъ поръ была такъ счастлива!

судья. Богъ дастъ, будешь еще счастливѣе. Станиславъ любитъ тебя; я убѣдился, что у него прекрасное сердца, и что онъ достоинъ тебя. Скажи, милочка, хочешь-ли ты выдти за него за-мужъ?

яниковскій. Г-нъ судья! Эта шутка ужасна! Жизнь и безъ того мнѣ наскучила; я хочу умереть.

судья. Прекрасно-бы ты отплатилъ этимъ за мое пожертваніе. Могъ-ли ты подумать, чтобы я, для шутки, хотѣлъ подвергать опасности спокойствіе этого ангела? (Показывая письмо). Смотри, все уже сдѣлано: черезъ двѣ недѣли нашъ разводъ будетъ конченъ.

юзя. Разводъ?

яниковскій. Я съ ума сойду!

Юзя. Такъ ты отвергаешь меня?

судья. Такъ ты не хочешь выдти за него?

Юзя (*рѣшительно*). Не хочу.

судья. Ты не любишь его?

Юзя. Люблю — но тебя еще больше.

судья. Ты любишь меня, какъ дѣдушку, какъ отца; а его люби, какъ милого мужа. — Именемъ того, который тебѣ далъ жизнь, именемъ того друга, который за меня пожертвовалъ собою, который съ Неба смотритъ на эту минуту и благословляетъ доброе мое намѣреніе, — я требую отъ тебя повивовенія.

Юзя (*со слезами становится на колѣни передъ нимъ и обнимаетъ его колѣни*). Дѣдушка! безцѣнный дѣдушка!

судья. Поди сюда, Станиславъ!

Яниковскій (*становится на колѣни*). Отецъ мой!

судья. Дайте руки другъ другу, и, во имя Бога, будьте счастливы. Я былъ боленъ, когда женился на тебѣ, Юзя; я думалъ, что скоро умру, что бракомъ обезпечу твою судьбу, сдѣлаю тебя свободною, независимою, и такимъ образомъ уплачю долгъ священной для меня памяти твоего отца. Но сдѣлалось иначе. Твоя заботливость, твоя веселость, твои дѣтскія лапки, возвратили мнѣ здоровье, укрѣпили меня, старика; и можетъ-быть, Богъ позволитъ мнѣ смотрѣть на твое счастье долѣе, нежели я тогда думалъ. Я долженъ былъ другимъ образомъ вознаградить тебя за твою привязанность. Случайно нашелъ я въ газетахъ его фамилію. Счастливая мысль блеснула въ моей головѣ, счастливое предчувствіе озарило мою душу. Его фамилія такая-же, какъ и моя, подумалъ я, и моя милочка будетъ носить ее до смерти. Это было главною побудительною причиною, для которой я избралъ его. Можетъ-быть, присоединилось къ тому и немножко честолюбія, чтобы нажитое мною имѣніе не вышло изъ моего имени. Теперь вы знаете все, видите мое сердце; теперь я только желаю, чтобы вы любили другъ друга и были счастливы. Довольно плакать; встаньте и обнимите меня.

Яниковскій. Отецъ мой!

Юзя. Дѣдушка! я не оставлю тебя никогда.

судья. Никогда, милочка! — безъ тебя я-бы умеръ черезъ два дня. Станиславъ Станиславовичъ, поѣзжайте въ Варшаву, возьмите отставку и возвращайтесь къ намъ. Вы будете жить у меня. Я буду смотрѣть на ваше счастье, а ты каждый день поласкаешь, поцѣпишь своего дѣдушку, и онъ будетъ счастливъ. А ты, Станиславъ, люби ее; иначе будешь имѣть дѣло со мною.

Если-бы мнѣ было двадцать лѣтъ менѣе, не отдалъ-бы я тебѣ ее за все сокровища міра. Если-бы ты оскорбилъ ее, я-бы стрѣлялся съ тобою — и не только съ тобою, но со всеми подпоручиками, сколько ихъ тамъ есть въ вашей арміи, и будь увѣренъ, я перестрѣлялъ-бы васъ всехъ, какъ воробьевъ. А теперь возьми ее — она твоя. Обнимитесь-же, дѣти мои.

Юзя (подавая ему руку). Станиславъ!

Ягничковскій (привлекаетъ ее къ себѣ). Юзя!

Юзя (бросается въ его объятія — въ это время Ягничка открываетъ дверь, и увидѣвъ ихъ обнимающихся, вскрикиваетъ, закрываетъ глаза и падаетъ на руки подходящаго Матвѣя. Судья слышитъ. Матвѣй вноситъ Ягничку. Юлинька вбѣгаетъ съ водою).

Матвѣй. Смѣю доложить-сь, куда г-нъ поручикъ прикажетъ положить старыя знамена?

Судья. Посади ее, любезный.

(Матвѣй усаживаетъ Ягничку, Юлинька вспрыскиваетъ ее водою).

Матвѣй. А это, смѣю доложить-сь, великая милость Господня, что я случился тамъ въ корридорѣ. Если-бы она упала на землю, могла бы переломиться пополамъ, какъ уланская пика.

Ягничка (вскакивая). Молчи, дуракъ!

Матвѣй. Вотъ тебѣ и благодарность!

Ягничка. Хорошо! прекрасно! удивительный примѣръ! Вотъ до чего это дошло: обнимаются въ вашихъ глазахъ! И я должна на это смотрѣть? Нѣтъ, нѣтъ, дядюшка! — прошу васъ тотчасъ отослать меня къ моимъ роднымъ.

Судья. Успокойся, Ягничка!

Ягничка. Я не могу здѣсь остаться.

Судья. Останешься, Ягнуся, останешься. Здѣсь нѣтъ ничего такого, на что не могли-бы смотрѣть твои дѣвичьи глаза. Это молодая, разведенная съ мужемъ жена, дочь моя, а это будущій ея супругъ.

Юзя. Смотри, добрая Ягнуся, что сдѣлалъ дѣдушка.

Ягничка. Какъ? — такъ вы развелись?

Судья. Развелся, Ягнуся!

Ягничка. Вотъ это умно.

Судья. Видите-ли, что тѣ, которые кажутся умными, хотя иногда и сдѣлаютъ глупость, умѣютъ исправить ее. Теперь ты останешься съ нами?

Ягничка. Ежели позволите, дядинька.

Юзя. О! останется, останется.

яниковскій. А я вамъ, сударыня, даю слово, что не унесу ни разу червоннаго короля.

матвѣй (*выстываетъ и вытягивается*). Смѣю доложить-съ, такъ эта прекрасная барыня теперь уже наша госпожа поручица? яниковскій (*обнимаетъ ее*). Наша, любезный Матвѣй! А это мой отецъ и благодѣтель.

матвѣй. Смѣю доложить-съ, такой другой дядюшка найдется развѣ на лунѣ.

яниковскій. Правда, мой любезный! Люди обыкновенно разводятся для денегъ или отъ испорченности нравовъ — для своего интереса, но не для счастья другихъ. — О! такой добродѣтели здѣсь никто подражать не станетъ.

судья. Миръ былъ-бы очень жалокъ, мой сынъ, если-бы никто не рѣшался въ немъ на такія добродѣтели, которымъ трудно подражать.

мартынъ (*сходя*). Баринъ! Кушать готово.

судья. Ну, дѣти! Маршъ впередъ! Пойдемъ, Ягнуся!

(*Уходятъ*).

матвѣй. А я, такъ съ большой радости, пойду и, ей Богу, напьюсь пьянъ. (*Уходитъ*).

юлинька. Видишь, старый осель, какъ баринъ умно сдѣлалъ.

мартынъ. А что сдѣлалъ?

юлинька. Какъ что? развелся съ барынею и отдалъ ее заму́ж за этого хорошенькаго офицера. У тебя, вѣрно, не достанетъ ума на такой поступокъ.

мартынъ. Что-жь дѣлать, ты вѣдь сама увѣряешь, что я родился дуракомъ!

Съ польскаго Ф. П.

НАЧНЕМЪ СЫЗНОВА.

(Изъ Беранже).

Я счастливъ, веселъ и пою;
Но на пиру, въ чаду похмѣльи,
Я новыхъ праздниковъ веселья
Душою планы создаю...
Головку русую лаская,
Виномъ бокалы мы нальемъ,
Единодушно восклицая:
О, други, сызнова начнемъ!
Люблю вино, люблю Лизету, —
И возлѣ ложа созданъ мной
Благословенному Мозту
Алтарь достойный, хоть простой.
Лизета любитъ сокъ отрадной
И мы чуть-чуть лишь отдохнемъ:
— Что-жь, говоритъ, лобзая жадно, —
Скорѣ сызнова начнемъ!
Пируйте-жь, други: позабудемъ,
Что скоро надо перестать,
Что ничего не въ-силахъ будемъ
Мы больше сызнова начать.
Теперь-же, съ жизнію играя,
Мы пьемъ и весело поемъ!
Красотокъ нашихъ обнимая,
Мы скажемъ: «Сызнова начнемъ!»

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ЛЮБОВЬ И АФЕРЫ.

(Посвящено Г. А. Токареву.)

Февральское солнце ясно сіяло на блѣдно-голубомъ небѣ; лучи его начинали уже согрѣвать петербургскій воздухъ, тонкія таин гулявшихъ щеголихъ и души коломенскихъ поэтовъ. Снѣгъ медленно спускался съ крышъ на полдень стоящихъ домовъ и грозилъ внезапно обрушиться на головы проходящихъ, какъ грозить гнѣвъ начальника, давно ищущаго случая придратъ къ своему подчиненному. Сотни блестящихъ экипажей проѣзжали мимо богатаго дома графини Линской; въ дверяхъ зеркальнаго его подъѣзда видѣлся толстый швейцарь, вышедшій на тротуаръ, съ двумя или тремя ливрейными лакеями, полюбоваться красивымъ денькомъ.

Эта пестрая группа смѣялась надъ костюмомъ мимо проходившаго Француза: ихъ забавляла его козлиная бородка, пестрая indispensable, имѣющія двѣ клѣтки отъ пояса до пятокъ, и пальто-зефиръ, по русскому морозу. — Въ это время къ нимъ подошелъ молодой человекъ, опрятно, но не щегольски одѣтый, и взглянувши на номеръ дома, спросилъ швейцара:

- Графиня Линская здѣсь живетъ?
- Здѣсь, отвѣчалъ тотъ, выпрямившись.
- Когда она принимаетъ? Мнѣ-бы нужно было видѣть ее, сказалъ молодой человекъ.

— Графиня дома и теперь: какъ объ васъ прикажете доложить? сказалъ одинъ изъ лакеевъ.

— Графиня сегодня не принимаетъ, прервалъ его швейцаръ: а если вамъ угодно, пожалуйста завтра въ часъ.

— Хорошо, сказалъ молодой человѣкъ, готовый воротиться, когда швейцаръ остановилъ его вопросомъ:

— Какъ объ васъ прикажете доложить?

— Я скажу завтра, отвѣчалъ тотъ, и повернувши назадъ, пошелъ въ ближній кафе-ресторантъ.

— Кто-бъ это былъ такой? спросилъ у швейцара лакей.

— Да какой-нибудь проситель на курьихъ ножкахъ, съ стихами, пришелъ просить милостыни у графини—известное дѣло!

Когда лакей смѣялись остротѣ швейцара, къ крыльцу подъѣхали сани; изъ нихъ вышелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, довольно-богато, но безвкусно одѣтый; пуховый картузь не закрывалъ его краснаго носа; изъ-подъ поднятаго воротника снотовой шубы виднѣлись полусѣдые волосы. При появленіи его, лакей кинулись помогать ему выйти изъ саней. Швейцаръ съ почтеніемъ отворилъ двери, и на вопросъ: — Что, графиня? отвѣчалъ: — Дома-съ.

Въ передней фаланга лакеевъ почтительно встала при появленіи этого лица, и одинъ изъ нихъ отправился доложить горничной графини о пріѣздѣ ея на управляющаго.

Комната, въ которой сидѣла графиня, была ея будуаръ. Малпированные шелковые занавѣсы у оконъ и у дверей пропускали волшебнорозовый цвѣтъ. Толстый персидскій коверъ поглощалъ звукъ шаговъ; стѣны, обитыя одинаковымъ съ занавѣсами штофомъ, едва виднѣлись изъ-подъ множества картинъ, висѣвшихъ на нихъ, и цвѣтовъ, разставленныхъ во всѣхъ углахъ. Фантастическая мебель, идеалъ роскоши и прихоти, разставленная, по видимому, въ безпорядкѣ, обличала изящный вкусъ графини.

Множество драгоценныхъ бездѣлушекъ украшали столики, шифоньерки, этажерки, и каждая изъ нихъ была дорогá хозяйкѣ, по воспоминанію о мѣстѣ, откуда она была привезена ею, или лица, ее подарившаго.

Но лучшимъ украшеніемъ этого волшебнаго жилища была сама графиня. Она сидѣла въ углу, на мягкомъ диванѣ; ея бѣлыя и полныя ручки перебирали листки богатаго «кинсека», тогда, какъ задумчивые глаза, полные очарованія, были далеко отъ книги.... Черные волосы гладко лежали на нѣжныхъ, но блѣдныхъ, ще-

кахъ; черный бархатъ ея утренняго платья отбѣнялъ удивительную бѣлизну ея шеи.

Графиня была такъ хороша, что рука несчастія, казалось, не должна-бы коснуться ея; но въ природѣ ни одно благо не дается безъ примѣси зла, и графиня, осыпанная всѣми виѣшними знаками счастья, внутренно страдала, и страдала глубоко....

Двѣ крупныя слезы скатились изъ глазъ ея; грудь ея, неровно колехаясь, выражала внутреннее волненіе. Долго сидѣла графиня молча; казалось, она боялась возбудить словами сожалѣніе въ самой себѣ, — до того это чувство противно душѣ гордой... Наконецъ страданія превзошли силы ея, и она произнесла съ глубокимъ вздохомъ:

— Кого любила!

При этихъ словахъ послышался легкій шелестъ шаговъ изъ-за разовыхъ хрустальныхъ ширмъ; графиня оберла платкомъ глаза и стала пристально смотрѣть въ книгу. Вошла горничная.

— Ваше Сіятельство, сказала она: прѣхалъ управляющій и приказалъ вамъ доложить о себѣ.

— Зови, отвѣчала графиня.

Когда горничная вышла, графиня взглянула въ зеркало, потомъ на образъ, висѣвшій въ углу, и опять опустила взоръ въ книгу.

— Какъ здоровье вашего сіятельства? сказалъ, входя и низко кланяясь, управляющій.

— Благодарю васъ! отвѣчала графиня. Что вы узнали.

— Ваше Сіятельство! я рѣшительно теряюсь въ догадкахъ... что онъ хочетъ съ ними дѣлать?

— Какъ! Такъ вы еще ничего не знаете вѣрнаго.

— Сегодня я былъ у него три раза: камердинеръ говоритъ, что онъ скоро ѣдетъ и что это дѣло поручаетъ своему, — не то, что управляющему, а такъ — чиновнику, занимающемуся его дѣлами.

— Что-же мнѣ дѣлать?

— Вотъ изволите видѣть, ваше сіятельство.... Конечно, я ве смѣю доложить вамъ, но обстоятельства такого рода, что медлить нельзя... оно хотя и ничего, но такъ... все таки есть кое-что.

— Боже мой! да говорите яснѣе.

— Вотъ изволите видѣть, ваше сіятельство... Оно хотя ничего, но говорятъ, онъ очень обидѣлся вашимъ поступкомъ, де-

скать, кричалъ, и хотеть, то-есть, вамъ, изволите видѣть, не хотеть сдѣлать, что вамъ угодно.

— Видѣли-ли вы его самого?

— Нѣтъ-съ, онъ не хотѣлъ принять меня... — Но вотъ, изволите видѣть, камердинеръ говоритъ, что когда онъ получилъ отъ васъ пакетъ, то засмѣяся и сказалъ такъ что дескать ему, то-есть камердинеру, страшно стало: «А такъ вотъ что, въ отставку, не спросившись меня.. Такъ нѣтъ-же, я ее погублю!

— Какая низость!... И при человѣкѣ!

— Велѣлъ позвать этого чиновника, что-то говорилъ съ нимъ и потомъ приказалъ человѣку приготовиться къ дорогѣ. Въ разговорѣ-же часто упоминалъ имя графа Линскаго.

— Что онъ хотеть дѣлать?

— Совершенно неизвѣстно, ваше сіятельство! Должно полагать, что онъ хотеть передать графу...

— Не можетъ-быть! онъ не такъ низко...

— Однако слѣдуетъ узнать правду, не теряя времени, ваше сіятельство... Вотъ изволите видѣть: враги ваши не дремятъ, а напротивъ, ищутъ случая всячески вредить вамъ.

— Но какъ-же узнать правду?

— Вотъ изволите видѣть, черезъ этого самага чиновника.

— Нѣтъ, я этого не хочу!

— Но, ваше сіятельство, ежели это правда? Позвольте лучше прибѣгнуть къ благоразумію.

— Какимъ образомъ?

— Мы спросимъ чиновника и заставимъ сказать всю правду.

— Чѣмъ?

— Деньгами!

— Дѣлайте!

— Коли позволите, ваше сіятельство, такъ ужъ, вотъ изволите видѣть, не надо терять времени.

— Поѣзжайте.

Управляющій вышелъ; графиня, въ ужасѣ отъ всего слышаннаго ею, едва не лишилась чувствъ.

— Какъ я ошиблась, произнесла она, оставшись одна: какъ я ошиблась, и какъ ужасно наказана судьбою!

Графиня замолчала; но лицо ея выражало страданіе сильнѣе, чѣмъ могли выразить слова. Какъ она была прекрасна въ

скорби! Слезы придавали ей видъ не кающейся грѣшницы, но плачущаго ангела....

О чемъ-же плакала она? отъ-чего она страдала?

II.

Вечеромъ, наканунѣ дня, въ который начинается разсказъ мой, въ Коломнѣ, въ одной изъ улицъ, параллельно лежащихъ съ Фонтанкой, въ четвертомъ этажѣ огромнаго дома, построеннаго потерями и слезами ближнихъ, подъ хладнокровнымъ присмотромъ хозяина-ростовщика, на дворѣ, въ углу, въ слабо-освѣщенной, полу-холодной, полу-угарной комнатѣ, на диванѣ, обитомъ клеенкою и набитомъ сѣномъ, лежалъ молодой человѣкъ, довольно-красивой наружности. Его черныя, щегольски-обстриженныя кудри, свѣтлый шелковый халатъ и полуизношенныя бархатныя туфли, ярко противорѣчили съ бѣднымъ жилищемъ.

Небольшой гардеробъ и нѣсколько разныхъ мелкихъ вещей, по качеству своему, показывали еще недавнїй переходъ владѣльца ихъ, не только отъ довольства, но даже отъ богатства и роскоши къ нуждѣ и бѣдности.

Молодой человѣкъ, котораго назову Зоринымъ, не отъ лѣности и праздности лежалъ въ бездѣйствїи; нѣтъ, онъ не былъ лѣнвцемъ, и жестоко-бы ошибся тотъ, кто сталъ-бы подозрѣвать его въ этомъ; не былъ онъ и мечтателемъ, предоставивъ это занятіе людямъ, свыше-вдохновеннымъ, да влюбленнымъ студентамъ.

Что-же приковывало его къ дивану, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ?

Онъ учился жить! Да, какъ ни молодъ былъ этотъ человѣкъ, но онъ перенесъ уже многое, перенесъ, можетъ-быть, болѣе тридцатилѣтняго человѣка, проводящаго дни свои обыкновеннымъ порядкомъ. Онъ размышлялъ о перенесенномъ имъ, и о томъ, что ему еще осталось переносить. Изъ сравненїя прошедшаго съ настоящимъ, онъ составлялъ по-возможности приблизительную идею о будущемъ; изъ полученныхъ имъ отъ судьбы уроковъ, онъ старался извлечь правила, которыхъ слѣдовало ему впередъ держаться на дорогѣ жизни. Да, жизнь есть корыстолюбивый учитель. Она дорого заставляетъ платить себѣ за уроки! И мы

ихъ выучиваемъ только на старости, уже при концѣ жизни, когда око еще видитъ, но зубъ уже неймаеъ.

Зоринъ, рожденный въ домѣ богатомъ, посящемъ съ древнихъ времянъ дворянское достоинство, принадлежалъ, по уму, образованію и даже имѣнію, къ высшему кругу общества; кончивъ курсъ воспитанія, онъ, по молодости лѣтъ, а главное, отъ рано-полученной имъ полной свободы, увлекся обольщеніями разгульной жизни.

Вино, карты, женщины, друзья, все это такъ очаровываетъ воображеніе восемнадцати-лѣтняго юноши, что онъ только тогда опомнится отъ чаду мотовства и роскоши, когда изсякнетъ неточникъ всѣхъ наслажденій, когда прекратятся всѣ надежды, когда на слова «деньги» отзовется только эхо въ пустомъ карманѣ, когда вашъ другъ, встрѣчаясь съ вами, уже не узнаетъ васъ, когда любимая вами женщина говоритъ вамъ съ равнодушіемъ, что она все та-же, а между-тѣмъ глаза ея чаще обращаются на толстаго франта съ брильянтовой булавкою, нежели на васъ... Если тогда вамъ трудно сознаться въ истинѣ, то утѣшайте себя мыслию, что это дѣйствуетъ на разстроенное воображеніе ваше, оскорбленное обстоятельствомъ, ваша гордость, пока факты не подоспѣютъ вамъ на помощь и не убѣдятъ въ истинѣ.

Тяжело, очень-тяжело разочарованіе! Оно имѣетъ два слѣдствія: дѣши сильныя переносятъ его, создаютъ себѣ новую идею о жизни, слѣдуютъ ей съ стоическою твердостью, и переносятъ всѣ неудачи, какъ-бы покоряютъ самую судьбу своей власти; дѣши слабыя падаютъ подъ ударами несчастія, и отчаяніе, какъ быстрѣйшій потокъ, уноситъ ихъ въ пучину гибели...

Зоринъ принадлежалъ къ числу первыхъ. Лишившись всего имѣнія, поссорившись за любимую имъ женщину со всей родней евоей, оставленный наконецъ своимъ идеаломъ, своимъ божествомъ, онъ былъ такъ сильно-раненъ въ сердце, что, для излеченія отъ болѣзни, ему оставалось одно средство — удалиться отъ всего, что могло ему напомнить прошедшее. И потому онъ рѣшился на это средство, хотя ужасная боль часть-отъ-часу сильнѣе жгла его бѣдное сердце, и — кто знаетъ? — можетъ-быть, должна была окончиться съ жизнью...

Зоринъ пролежалъ-бы еще долго, если бы легкій стукъ въ дверь не вывелъ его изъ этого положенія. Онъ всталъ, поправилъ небрежно волосы и пошелъ отпереть дверь. Вошедшій былъ человекъ лѣтъ тридцати-пяти; фizioномія его принадлежала къ числу самыхъ обыкновенныхъ. Природа не дала ему ни одной

замѣчательной черты, которую можно было бы внести въ число особыхъ примѣтъ на паспортѣ; только маленькіе сѣрые глаза, бѣгавшіе безпрестанно во всѣхъ направленіяхъ, выказывали отличительную черту его характера — зависть; улыбка, казалось, жила на его тонкихъ и безцвѣтныхъ губахъ.

Широкій вицъ-мундиръ съ острокопечными фалдами безобразно висѣлъ на его сутуловатыхъ плечахъ; чернѣйшій шолковый жилетъ и такого же цвѣту суконныя брюки покрывали его тощее чрево и тонкія, какъ тростинки, ноги.

— Ахъ, это вы, Иванъ Алексѣевичъ! сказалъ Зоринъ, увидавъ вошедшаго.

— Извините меня, вы, вѣрно, отдыхали, а я вамъ помѣшалъ.

— Ничего, прошу садиться.

Чинovníкъ сѣлъ на стулъ, около своей шинели, и оглядывая комнату, съ язвительной и вмѣстѣ довольной улыбкой, произнесъ:

— Поздравляю васъ, Петръ Гавриловичъ, съ новосельемъ! Премилый уголокъ... только одно, что въ Коломенѣ, на дворѣ, да и высококонько, признаюсь. Что это вамъ вздумалось сюда поселиться, послѣ вашихъ покоевъ на Литейной!

Послѣднія слова были сказаны съ особымъ удареніемъ.

— Да такъ, прихоть, отвѣчалъ Зоринъ, горько улыбувшись.

— Вѣрно, пустились въ сочинителн... они, говорятъ, высокое любить, ха! ха! ха!

— Угадали! А скажите, какъ это вы зашли ко мнѣ? Это меня удивляетъ... Вѣдь вы любите все, что пониже.

Зоринъ не могъ удержаться отъ злости, но тотчасъ же раскаялся въ своемъ порывѣ, чувствуя, что люди, подобные его гостю, достойны только презрѣнія.

— Впрочемъ очень-радъ васъ видѣть, продолжалъ онъ.

— Я былъ не подалеку-съ, и не могъ не зайти засвидѣтельствовать вамъ моего почтенія.

— Очень-вамъ благодаренъ.

Послѣдовала минутная пауза, во-время которой хозяинъ, прищипывая, чѣмъ-бы занять гостя, поналъ глазами на довольно-толстый пакетъ, лежавшій въ карманѣ шинели Ивана Алексѣевича.

— Что это у васъ, Иванъ Алексѣевичъ, сказалъ Зоринъ улыбувшись: деньги?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ тотъ съ довольнымъ видомъ: а будутъ и деньги. — Неожиданный подарокъ получилъ я сегодня отъ его сіятельства, моего благодѣтеля, у котораго занимаюсь дѣлами, изволите знать?...

— Князь Куншевъ, кажется?

— Точно такъ-съ!

— Можно взглянуть?

— Петръ Гавриловичъ, секретъ-съ!

— А! въ такомъ случаѣ...

— Князь мнѣ нынче сказалъ-съ: На, братецъ, тебѣ это добро: продай кому знаешь, деньги дадутъ, а мнѣ оно болѣе не нужно. Я какъ увидаль-съ, такъ и говорю: «Ваше Сіятельство!» да позвольте только, а то я и 5000 тысячъ достану? — Пожалуй, братецъ, твои барыши. — Ха! ха! ха! Петръ Гавриловичъ! вотъ подарочекъ-то!

— Прекрасный, сказалъ Зоринъ разсѣянно: присутствие этого лица видимо тяготило его.

Опять пауза. Зоринъ опять началъ, какъ хозяинъ: — Нѣтъ-ли чего новенькаго?

Гость вынулъ табакерку, хлопнулъ пальцемъ по крышкѣ, и, нюхнувъ разъ пять березинскаго, отвѣчалъ: — Да говорятъ у насъ по присутствію, будто Кавказъ въ плѣнъ взяли-съ? не изволи-ли слышать-съ?

— Нѣтъ, еще не слыхалъ этого.

Только при этихъ словахъ Зоринъ обратилъ хорошо вниманіе на своего гостя, и замѣтилъ, что онъ былъ предъ тѣмъ на пирѣ у Бахуса. — Глаза его начинали уже тускнеть, и бѣгали съ меньшею живостію; улыбка становилась болѣе и болѣе бессмысленною; языкъ притуплялся.

Каково было положеніе Зорина, который за пять минутъ не хотѣлъ-бы встрѣтить въ жизни ни одного человѣка, а теперь сидѣлъ съ однимъ изъ людей самыхъ гадкихъ, самыхъ отвратительныхъ, не имѣя почти способа избавиться отъ его посѣщенія?

Молчаніе въ третій разъ было прервано самимъ гостемъ, увидѣвшимъ стоявшую на столѣ бутылку съ мадерой, которую Зоринъ употреблялъ для питья съ водой.

— Позвольте наниться, произнесъ Иванъ Алексѣевичъ: смертельная жажда!

Не дождавшись приглашенія, бросился онъ къ столу, налилъ большой стаканъ вина, и осушивъ его двумя глотками, возвратился къ стулу, немного пошатываясь.

Зоринъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на своего посѣтителя, который, будучи отуманенъ виномъ, не соблюлъ баланса, сядя на край стула, опрокинулъ его, и самъ очутился на полу, покры-

тый своей шинелью. Молчаніе Зорна примѣтно сконфузило Ивана Алексѣевича; онъ, какъ ни былъ пьянъ, повялъ презрѣніе, оказываемое ему хозяиномъ, и собравъ послѣднія силы, приподнялся, взявъ шляпу, глупо засмѣявшись, произнесъ еще глупѣе какія-то прощальныя слова, и вышелъ безъ сопровожденія хозяина.

Только по уходѣ его, Зорнѣ всталъ, подошелъ къ двери, и какъ-бы боясь его возвращенія, заперъ дверь и вынулъ ключъ; подходя къ столу, Зорнѣ задѣлъ за что-то ногою: онъ взглянулъ, — это былъ пакетъ чиновника, выпавшій при паденіи его самого на полъ и позабытый имъ.

Отъ прикосновенія ноги, обертка пакета развернулася, и сложенные на четверо листки писанной почтовой бумаги разлетѣлись по полу. Зорнѣ взявъ свѣчу и началъ подбирать бумаги.

Собравъ все, онъ положилъ ихъ на столъ и сталъ было складывать въ новый пакетъ, какъ вдругъ глаза его невольно остановились на почеркѣ писемъ: онъ судорожно схватилъ одно изъ нихъ, поднесъ къ свѣчѣ, и увидавъ знакомую ему руку, какъ-бы не довѣряя себѣ, бросился къ чемодану, вынулъ оттуда богатый альбомъ, раскрылъ его, сличилъ почеркъ писемъ съ почеркомъ словъ, написанныхъ на розовомъ атласномъ листкѣ альбома: «Espérez le moment du bonheur», и поблѣднѣлъ, какъ бумага, которую онъ держалъ въ рукахъ.

Не простое любопытство уже, а какая-то тайная сила заставила прочесть его все письмо. Глаза его, пожирая строки, блѣгли по нимъ съ необыкновенной быстротою; лицо, то блѣдное, то багровое, выражало сильное душевное волненіе; наконецъ, когда взоръ его остановился на подписи, онъ съ отчаяніемъ смаялъ письмо въ одной рукѣ, другою схватилъ себя за голову, и воскликнулъ: «Амалія! такъ, я не ошибся!»

Двѣ крупныя слезы упали на столъ сквозь пальцы, судорожно сжимавшіе голову.

Послѣ минутнаго молчанія, въ продолженіе котораго грудь его сильно волновалась, прерывистые звуки вырывались изъ устъ его.

— Амалія! возможно-ли? Амалія, ты, которая всегда казалась такой равнодушною, такой холодною... любишь!... и кого-же! Подлецъ!... Амалія!.. Нѣтъ это невозможно!..»

Онъ снова сличилъ письмо съ почеркомъ альбома; почеркъ былъ тотъ-же, подпись въ альбомѣ была: «Графиня Амалія Лисская»; на письмѣ стояло просто: «Амалія.» — Сомнѣнія не было, — рука одна и таже, имя тоже.

— Амаля, продолжалъ Зоринъ: зачѣмъ ты отвергла меня, и предпочла подлеца, который теперь предастъ имя твое на поруганіе! О, мщеніе! мщеніе!

Зоринъ опустилъ голову; слезы пришли на помощь къ нему; онѣ облегчили его страданія... Какъ-будто въ усыпленіи, онъ перебиралъ мысленно все возможные способы мщенія, не зная, на которомъ остановиться. Но онъ болѣе любилъ, чѣмъ ненавидѣлъ, и потому рѣшился возвратитъ письма графинѣ... Черезъ кого, однакожъ? Самому? Онъ и хотѣлъ, и боялся увидать графиню; къ тому-же, когда она знала его, когда онъ ѣздилъ къ ней, годъ тому назадъ, въ Москвѣ, онъ былъ богатъ, онъ былъ ровень ей, а теперь? ему не на-что даже нанять коляску, не на что купить перчатки! Послать — но съ кѣмъ? Онъ только что отпустилъ отъ себя послѣдняго человѣка, не имѣя возможности содержать его; да и можно-ли довѣритъ человѣку письма, которыя такъ счастливо попались ему въ руки, и отъ которыхъ зависѣла честь графини, — честь женщины, еще любимой имъ!

— Нѣтъ! я самъ доставлю ихъ, я увижу еще разъ ее, и скажу ей!.. Нѣтъ, ничего не скажу... молча, молча отдамъ ей... она пойметъ меня!...

— Но куда-же я отнесу ихъ? гдѣ она? здѣсь или въ Москвѣ?

При этихъ словахъ послышался снова стукъ въ дверь, и знакомый голосъ произнесъ:

— Откройте, Петръ Гавриловичъ: отворите поскорѣе, — пужно.

Зоринъ быстро собралъ письма въ кучу, положилъ ихъ въ альбомъ въ ящикъ письменнаго стола, заперъ его и ключъ спрятавъ въ карманъ. Потомъ, схвативъ висѣвшій на стѣнѣ пистолетъ, опустилъ его въ широкій карманъ своего шафрока, и пошелъ отпереть дверь.

— Поскорѣе, Петръ Гавриловичъ! произнесъ тотъ-же голосъ.

Зоринъ, молча, отперъ дверь, и впустилъ возвратившагося чиновника.

— Извините, что я васъ еще разъ беспокою, но я забылъ у васъ свои бумаги, сказалъ онъ уже протрезвившимся голосомъ.

— Я знаю это, прервалъ его Зоринъ, ставъ къ двери спиною. Но гдѣ, графиня? говори сей-часъ-же! И что ты хотѣлъ дѣлать съ ея письмами? продолжалъ онъ, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

— Какъ? такъ вы уже все знаете, Петръ Гавриловичъ? Честное дѣло читать чужія письма!

— Бездѣльникъ! ты смѣешь говорить о чести!

— Промилуйте, промилуйте, Петръ Гавриловичъ! Да знаете-ли вы, что по закону оскорбленіе чести наказывается штрафомъ?

— Говори, что тебя спрашиваютъ, — прямо отвѣчай на вопросы, и ни слова лжи; въ случаѣ-же упорства и выдумки, вотъ тебѣ какая будетъ награда! — Зоринъ вынулъ изъ кармана пистолеть и хладнокровно поднесъ дуло къ груди своего гостя.

Иванъ Алексѣевичъ, блѣдный, какъ плохая поэзія, затрясся, словно осинový листъ, на своихъ тростниковыхъ ножкахъ, и жалобно завонилъ:

— Промилуйте, Петръ Гавриловичъ! пощадите хоть себя. Конечно, погубить всякаго можно скоро.... Вѣдь въ солдаты пойдете. Къ тому-же я чиновникъ....

— Отвѣчай!

Чиновникъ затрясся еще сильнѣе и произнесъ едва слышнымъ голосомъ:

— Что прикажете?

— Гдѣ графиня?

— Ей-Богу не знаю-съ....

Зоринъ молча началъ цѣлиться.

— Петръ... Петръ Гавриловичъ.... здѣсь, ей Богу здѣсь, произнесъ чиновникъ, закрывшись руками.

— Гдѣ она живетъ?

— На Невскомъ проспектѣ-съ —

— Въ чемъ домъ?

— Въ домѣ генеральши С.....

— Хорошо. Теперь, зачѣмъ передалъ тебѣ князь эти письма?

— Чтобы я ихъ продалъ-съ.

— Кому?

— Кому придется-съ....

— Лжешь, у тебя есть покупатель на примѣтъ!.. называй его по имени, или.... Зоринъ повторилъ свою угрозу.

— Петръ Гавриловичъ, позвольте, не шутите такъ.... можетъ случиться несчастье.... это такое оружіе, что иногда и невольно....

— Какъ зовутъ покупателя? говорю я, сказалъ Зоринъ съ возрастающимъ жаромъ.

Чиновникъ, видя, что околичностями не отдѣлаешься, отвѣчалъ:

— Графъ Линскій, зять графини.

— Подлецы! съ отвращеніемъ произнесъ Зоринъ, отходя отъ двери: ступай къ своему князю и скажи ему, что онъ тоже вполне достоинъ этого названія. Письма останутся у меня, и я ихъ самъ доставлю графинѣ.

При этихъ словахъ чиновникъ приблизился къ двери, и видя, что уже съ его стороны все потеряно, надѣлъ поспѣшно шпатель, и съ досадою, пополамъ съ возвращающеюся дерзостью, закричалъ уже въ сѣняхъ:

— Пойдите, я скажу это князю! — Онъ убьетъ тебя за меня!

При послѣднихъ словахъ, онъ уже былъ на половинѣ лѣстницы четырехъ-этажнаго дома.

Зоринъ, проводя его снова, заперъ дверь и предался размышленію и глубокой горести.

III.

Легкій туманъ морознаго утра стлался по петербургскимъ улицамъ. Люди начинали просыпаться; нѣкоторые покинули уже постель свою, отправляясь со двора по столькимъ различнымъ надобностямъ, сколько различны характеры и чувства человѣческіе.

Если-бы вы вышли въ это время изъ дому и наблюдали за проходящими, вы увидали-бы и горничную, идущую за сухарями, и кухарку, бѣгущую изъ лавочки съ кофеемъ, элементомъ коломненской жизни, и Нѣмца сапожника, спѣшащаго застать дома своего должника, но находящаго, вмѣсто уплаты, нѣмой отвѣтъ — вѣчно запертую дверь, и наконецъ, чиновника, заботливо направляющаго стопы свои къ департаменту.

Однихъ не встрѣтите вы только, — щеголихъ и щеголей; они еще покоятъ свои нѣжныя кости на мягкихъ постеляхъ. Ихъ единственное занятіе — забота о нарядахъ и красотѣ — не требуетъ вставать рано.

Камердинеръ Князя Куншева слегка постучался въ дверь спальни его. Отвѣта не было. Камердинеръ повторилъ стукъ, и на этотъ разъ князь отозвался недовольнымъ голосомъ:

— Василій, это ты?

— Я, Ваше Сіятельство. Вы изволили приказать разбудить васъ въ девять часовъ....

— Развѣ ужъ время?

— Било девять-съ.

— Хорошо, готовъ одѣваться, сказалъ князь, потягиваясь и зѣвая.

Камердинеръ ушелъ, а князь лѣниво покинулъ постель, подошелъ къ двери, отперъ ее и, увидя въ кабинетѣ сидящаго Ивана Алексѣевича, спросилъ его съ недовольнымъ видомъ:

— А! ты ужъ здѣсь! что еще?

— Да пришелъ напомнить вашему сѣтельству, что вѣдь можетъ уйти куда, такъ не надобно времени терять.

— Помню, помню и безъ тебя, сказалъ князь, нахмурившись, и пошелъ въ будуаръ, гдѣ ожидалъ его камердинеръ.

Черезъ четверь часа князь воротился, совсѣмъ одѣтый, натягивая перчатки.

— Скорѣй карету! сказалъ онъ, надѣвая шляпу.

— Карета готова, доложилъ вошедшій лакей.

Князь вышелъ, сопровождаемый до передней чиновникомъ и камердинеромъ, закурилъ папирсъ и пошелъ садиться въ карету.

Блестящій экипажъ стоялъ у крыльца. Пара орловскихъ бѣгуновъ нетерпѣливо грызли стальные удила. Туго натянутыя возжи сильною рукою кучера едва удерживали коней въ повиновѣнн.

Карета быстро катилась, оставляя по себѣ слѣдъ на гладкомъ спѣгу, да удивленіе кредиторомъ, шедшихъ къ князю со скукою въ душѣ, и полагавшихъ навѣрное прождать цѣлый часъ до его пробужденія. Черезъ четверть часа князь былъ у Зорина.

Темная лѣстница, четвертый этажъ, квартира на дворѣ, и главное, самая комната, обитаемая Зоринымъ, подали о немъ князю очень-худое мнѣніе.

Князь не зналъ Зорина до сего времени и полагалъ найти въ немъ плута, напугавшаго Ивана Алексѣевича, для того только, что бы самому воспользоваться деньгами, продавъ письма самой графинѣ или ея врагамъ, смотря по тому, кто болѣе дастъ. Зоринъ ни мало не удивился, увидѣвъ князя. Онъ какъ-будто ужъ ожидалъ его.

— Здѣсь живетъ г. Зоринъ? спросилъ князь, входя.

— Съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? отвѣчалъ хозяинъ.

— Князь Кушневъ, сказалъ посѣтитель, скидая шапку.

— Что доставляетъ мнѣ случай видѣть васъ у себя?

— Я думаю вамъ, милостивый государь, извѣстно, кто я, и вы должны догадываться, за чѣмъ я прѣхалъ.

— Нѣтъ, сухо отвѣчалъ Зоринъ, не приглашая князя садиться.

— Какъ нѣтъ?— вы похитили чужія письма и хотите воспользоваться, не знаю съ какимъ намѣреніемъ, моимъ секретомъ?

— Если вамъ извѣстно, что писанныя къ вамъ письма у меня,

то вы должны также знать, съ какимъ намѣреніемъ я ихъ удержаль!....

— Я не вижу хорошаго намѣренія въ вашихъ поступкахъ, милостивый государь. Завладѣть чужимъ секретомъ насильственно — это ни дѣлаетъ никому чести. Позвольте ускорить наше объясненіе; я пріѣхаль сюда, чтобы получить мои письма обратно, и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ!

При послѣднихъ словахъ князя, на лицѣ Зорина выступила яркая краска, и онъ холодно, но твердо отвѣчалъ:

— Пишемъ, сударь, вы не получите; что же касается до чести, не вамъ судить о ней! Человѣкъ, который хотѣлъ погубить честь женщины, не можетъ быть честнымъ человѣкомъ.

— Милостивый государь! вскричалъ князь съ бѣшенствомъ; но вдругъ, какъ бы опомнившись, онъ хотѣлъ улыбнуться и что-то сказать; Зоринъ прервалъ его:

— Если вамъ, князь, не нравятся слова мои, вы можете требовать удовлетворенія, — я готовъ, когда вамъ угодно....

Князь увидѣлъ, что имѣеть дѣло не съ такимъ человѣкомъ, съ какимъ онъ ожидалъ, и, желая хоть дерзостію выместить злость свою, произнесъ съ гордой и насмѣшливой миной, не избличавшей въ немъ впрочемъ человѣка храбраго:

— Я, милостивый государь, могу драться только съ равными себѣ, но не со всѣми.

— Но я надѣюсь, произнесъ, блѣдный, какъ смерть, Зоринъ: вы не откажетесь защитить вашу честь!

Князь, озадаченный послѣдовавшимъ за тѣмъ объясненіемъ и кинулся вонъ изъ комнаты.

Провода его, Зоринъ, довольный въ душѣ, сталъ собираться къ графинѣ, готовясь на новыя испытанія.... Въ двѣнадцать часовъ онъ вышелъ изъ дому; мы знаемъ отвѣтъ, полученный имъ отъ швейцара графини.

Въ то самое время, Иванъ Алексѣевичъ сидѣлъ въ передней князя съ его камердинеромъ и нѣсколькими лакеями, ожидая возвращенія князя, и надѣясь на полный успѣхъ, заранѣе рассчитывалъ выгодную спекуляцію.—Къ крыльцу князя подъѣхали сани; Иванъ Алексѣевичъ, увидя сидящаго въ нихъ управляющаго графини, спрятался за дверь залы, прося камердинера, чтобы онъ объяснилъ управляющему придуманный имъ ходъ дѣла, и скрылъ-бы цѣль выѣзда князя....

Камердинеръ встрѣтилъ управляющаго словами: Князя дома нѣтъ-съ, Федоръ Прокофьевичъ!

— А куда-же онъ уѣхалъ такъ рано?

— Не могу доложить, они не говорили, а приказали только готовиться къ отъѣзду.

— Какъ, развѣ князь ѣдетъ куда?

— Кажись такъ, потому-что приказали собираться къ завтраму.

Тутъ управляющій взялъ камердинера за руку, и отвелъ его къ окну, что-то долго говорилъ съ нимъ, потомъ простился и поѣхалъ къ графинѣ.

По отъѣздѣ управителя, Иванъ Алексѣевичъ вышелъ изъ залы, и потребовалъ отъ камердинера отчета въ его разговорѣ, обѣщаясь въ награду раздѣлить барыши. Предложеніе было принято, Иванъ Алексѣевичъ торжествовалъ. Стукъ подкатившейся къ подъезду кареты прервалъ громкій смѣхъ, которому предавались лакеи, слушая площадныя остроты Ивана Алексѣевича.

Двери передней съ шумомъ растворились; князь быстро вбѣжалъ и кинулъ шубу на руки лакея. Иванъ Алексѣевичъ, приписывая такую поспѣшность удачѣ, бросился къ нему съ вопросомъ:

— Изволили получить, ваше сіятельство?

Сильный толчокъ, отъ котораго Иванъ Алексѣевичъ полетѣлъ на стулъ, стоявшій у стѣны, былъ отвѣтомъ князя.

Войдя въ кабинетъ, Куншевъ схватилъ лежавшую на столѣ почтовую бумагу, написалъ двѣ записки, и кликнувъ камердинера, приказалъ сейчасъ-же отослать ихъ по адресамъ.

Иванъ Алексѣевичъ не понималъ, какъ принять такую милость князя. Уничтоженный въ мнѣніи лакевъ, все еще сидѣлъ онъ на стулѣ, въ томъ положеніи, какъ попалъ на него, т. е. лицомъ къ стѣнѣ.

Тихій смѣхъ и шутки лакеевъ привели его наконецъ въ себя. Едва приподнявшись, онъ оглянулся назадъ, и вида, что князя уже не было, понялъ все. Камердинеръ, выйдя отъ князя, распорядился отсылкою писемъ, и увидавъ Ивана Алексѣевича, сказалъ ему на ухо: «Ну, батюшка Иванъ Алексѣевичъ, съ княземъ видно что-то недоброе случилось: блѣдень, какъ мертвецъ, и дрожить всѣмъ тѣломъ!»

— Ну, такъ прощайте, Василій Федоровичъ, мнѣ надо еще кое-куда. Да, пожалуйста, вечеромъ ко мнѣ, если князя дома не будетъ, чайку выпить. Не будетъ-ли у васъ управитель?.. такъ скажете мнѣ что-нибудь новенькое.

IV.

Возвратясь от графини, Зоринъ широкими шагами ходилъ по комнатѣ.

Сколько различныхъ мыслей толпились въ головѣ его! Сколько различныхъ чувствъ волновали его сердце! Онъ, который убѣжалъ отъ большаго свѣта, опять невольно, случаемъ, возвращень къ нему изъ своего бѣднаго жилища, хоть на день, хоть на часъ одинъ. Какъ ни коротко это время, его было довольно, чтобы поднять прошедшее, дремавшее въ его памяти, или, лучше сказать, усыпленное имъ. Онъ, который старался забыть любимую имъ женщину, отвергнувшую его съ такимъ безжалостнымъ равнодушиемъ, теперь дѣлался ея защитникомъ. Любовь снова загорѣлась въ его сердцѣ, потому-что онъ видѣлъ графиню несчастною, обманутою, потому-что случай открылъ ему, что подъ холодной маской кокетства скрывался огонь любви; — онъ простилъ ей все — ея несправедливость къ нему, ея ошибку въ выборѣ любимаго человѣка, даже самую ея любовь, что рѣдко прощаютъ. А этотъ человѣкъ, какъ гадокъ, какъ низокъ былъ онъ въ его глазахъ! — Зоринъ душевно радовался своему поступку. Ему мало было убить князя, нѣтъ, но заплатить за подлость безчестіемъ, которое и самый трусъ не въ состояніи перенести, вотъ чего онъ желалъ, что удалось ему! Жизнь, за день развертывавшаяся предъ нимъ пыльной, однообразной, длинной дорогой, казалась ему тягостна. Теперь, когда, быть-можетъ, она была коротка, съ ея опасностями, сердечными тревогами, безпокойствомъ, становилась ему дорога, и стихъ Пушкина —

«Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать!»

невольно приходилъ ему въ голову. —

Нетерпѣніе мучило его; онъ рѣшился идти къ графинѣ вечеромъ, и если только у ней нѣтъ гостей, во что бы то ни стало, добиться ея свиданія.

У дверей кто-то постучался. — Зоринъ отперъ, вошелъ гусарскій офицеръ. Зоринъ, понявъ, въ чемъ дѣло, учтиво просилъ его садиться, и тотъ, увидѣвъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ не только порядочнымъ, но по обращенію принадлежащимъ къ высшему кругу общества, остался, по-видимому, очень доволенъ, нуладилъ дѣло съ нѣсколькихъ словъ.

Провождая посѣтителя, Зоринъ одѣлся, взявъ свои визитныя карточки, опустил толстый пакетъ писемъ въ задній карманъ чернаго фрака, не забывая впрочемъ запастисъ, на всякій случай, терцероломъ, и отправился обѣдать въ ближній кафе-ресторанъ, а въ шесть часовъ, когда графиня, по его разсчету, должна была быть дома, пошелъ къ ней.

Управляющій графини, вышедъ изъ ея будуара, поѣхалъ въ домъ къ князю, узнать, гдѣ живетъ Иванъ Алексѣевичъ. Князь, оставшись дѣльный день дома, лишилъ камердинера возможности ѣхать въ гости, — и потому, когда управляющій, узнавъ отъ камердинера адресъ Ивана Алексѣевича, собрался къ нему, камердинеръ сказалъ недовольнымъ тономъ:

— Ну, ужъ нечего дѣлать, поѣзжайте одни!

Иванъ Алексѣевичъ жилъ на Пескахъ; три окошка его маленькаго домика выходили на улицу съ досчатыми троттуарами. Лѣтомъ, Иванъ Алексѣевичъ, сидя у окна спальни, часто забавлялся остроумной своей выдумкой, замѣнявшей ему театръ или другое благородное удовольствіе. — Сидя за огромной геранью, онъ со смѣхомъ говорилъ навѣщавшимъ его знакомымъ, при видѣ проходящей мимо щеголихи заневскаго края: «Посмотрите, посмотрите! Скорѣй! Сейчасъ остановится! Ха! ха! ха! попалась голубушка!» И дѣйствительно, дама, задѣтая чѣмъ-то, вдругъ останавливалась, оглядывалась и, увидя разорванное платье о вбитый крючкомъ гвоздь, посылала хозяину дома два, три неукосныя желанія. Иванъ Алексѣевичъ не могъ не радоваться на свою остроумную шутку и хохоталъ до упаду.

Зимой, въ самый страшный морозъ, онъ тихонько поливалъ ночью троттуаръ водою, и днемъ, во-время обѣда, созерцалъ паденіе, по-крайней-мѣрѣ, двухъ или трехъ жертвъ своей адской выдумки, — особенно радовался онъ, когда ему удавалось уронить толстуху купчиху; онъ всегда приговаривалъ: «Въ печи не досидѣла, такъ на плитѣ долежи!»

Внутри этого домика жили: Иванъ Алексѣевичъ, кухарка, старикъ дворникъ, да двѣ собаки. — Кошекъ Иванъ Алексѣевичъ не терпѣлъ; онъ ихъ обыкновенно, когда попадались, вѣшалъ на чердакъ за хвостъ, приговаривая: «Вотъ тебѣ, машенька, держи хвостикъ покороче!»

Комнаты, довольно-чистыя, походили на всѣ подобныя квартиры домиковъ въ три окна на улицу, т. е. двѣ комнаты и кухня, одна лѣстница и два чулана въ сѣняхъ.

Иванъ Алексѣевичъ сидѣлъ за чайнымъ столикомъ, когда къ нему вошелъ управляющій графини.

— Чѣмъ я заслужилъ ваше расположеніе, Ѳеодоръ Прокофьевичъ! вскричалъ Иванъ Алексѣевичъ, всакаявая изъ-за столика и схвативъ обѣими руками протянутую руку управляющаго.

— Давнымъ давно собирался посѣтить васъ, да признаюсь, все кое-какіе дѣлишки, словно по погамъ спутали, ни минуточки свободной!

— Истинно-радъ, душевно благодарю васъ!

— Помилуйте.... желаніе....

— Очень, очень..., говорилъ Иванъ Алексѣевичъ, кланаясь: Не прикажете-ли чайку чашечку?

— Премного благодаренъ!... съ морозу хорошо. —

Управляющій и Иванъ Алексѣевичъ, какъ тонкіе политики своего размѣра, начали разговоръ совершенно о постороннихъ вещахъ, стараясь не дать почувствовать одинъ другому, что ихъ интересуетъ одинъ и тотъ-же предметъ. Наконецъ, управляющій началъ первый.

— Давно изволили видѣть князя?

— Да сегодня былъ у него-съ! —

— Какъ онъ? Правда-ли, я слышалъ стороною, вотъ изволили видѣть, говорятъ, куда собирается?

— Да хочетъ ѣхать!

— Куда-же съ?

— А Богъ его вѣдаетъ.—Онъ со мной не говоритъ про это-съ, а просто сказалъ: — Ну, мой другъ, прощай, ѣду!

— А скоро-съ?

— Да, говорятъ, завтра-съ!

Послѣдовала пауза, послѣ которой управляющій рѣшился приступить къ дѣлу прямо.

— Иванъ Алексѣевичъ, вы извините меня....

— Ничего-съ, помилуйте.

— То-есть — вотъ изволили видѣть, князь вамъ поручилъ, я это знаю, передать письма-съ....

При словѣ письма, лицо чиновника невольно озарилось его вѣчной улыбкой.—Счастливая мысль! подумалъ онъ: кого-бы не надуть, — все равно!

— Графиня, какъ вамъ извѣстно,—будемъ говорить откровенно, ничего не имѣла особеннаго въ отношеніяхъ съ вашимъ княземъ, но только сердечная слабость.... т. е. вотъ изволили видѣть, еще при покойникѣ графѣ, словомъ сказать, они переписывались. Те-

перъ графиня за что-то поссорилась съ княземъ, возвратила ему его письма, а онъ, вотъ изволите видѣть, хочетъ ее, т. е. погубить! За что бѣдную женщину-съ? И это-съ онъ возложилъ на васъ: такъ графиня, вотъ изволите видѣть, и желаетъ прибѣгнуть къ вамъ, а она вамъ будетъ за это очень-благодарна!

— Да какъ же я могу это, Ѳедоръ Прокофьевичъ, сдѣлать? Конечно, мнѣ графиню жаль, но измѣнить своему благодѣтелю я и за 5000 не рѣшусь: вѣдь разсудите сами, — я отъ него хлѣбъ получаю!

— Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ изволите видѣть... вамъ извѣстно, что князь строптиваго характера: не нынче, завтра можете съ нимъ разойтись, а графиня вамъ предлагаетъ 1000 рублей ассигнаціями.

— Какъ 1,000 рублей! есть тутъ изъ чего себя марать! помилуйте, да хоть на крайность-то четыре тысячи!

— За что-же такъ дорого-съ? Вѣдь всего 20 писемъ, кажется?

— Кажись 19-съ!

— Нѣтъ 20, вѣрно знаю-съ.

— Ну, Ѳедоръ Прокофьевичъ! только для васъ, что ужъ умѣли уговорить, извольте беру тысячу серебромъ, единственно изъ жалости къ графинѣ... сердце раздирается, какъ подумаешь, — можетъ, еще самъ женатъ буду, такъ Богъ добромъ за добро отплатить — а меньше ужъ, хоть и не просите, не могу!

Управляющій, подумавъ немного, рѣшился заплатить требуемую сумму, и вынимая деньги изъ кармана, просилъ передать ему письма.

— Да они еще не у меня, они остались у князя; я за ними съѣзжу поозже вечеркомъ, сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, — а завтра утромъ вы ихъ получите.

— Слово, Иванъ Алексѣевичъ?

— Клянусь честью!

— Такъ я завтра часовъ въ восемь утра заѣду къ вамъ, сказалъ управляющій, собираясь положить деньги обратно въ карманъ; но Иванъ Алексѣевичъ предупредилъ его словами:

— А ужъ вы, Ѳедоръ Прокофьевичъ, потрудитесь рубликовъ триста оставить теперь; надо будетъ передать камердинеру князя, вѣдь онъ у него главное лицо; князь вѣдь безъ него ни шагу, да безъ того и писемъ не получимъ.

Управляющій, предвидя что-то худое, уговорилъ чиновника

взять сто рублей серебромъ въ задатокъ, и успокоенный клятвами и обещаніями, вышелъ, довольный успѣхомъ.

Проводя его, Иванъ Алексѣевичъ, отъ радости позабывъ и свои лѣта и хозяйское положеніе въ домѣ, припрыгнулъ раза три передъ кухаркой, приговаривая съ довольной улыбкой: «Хе! хе! хе! что Оеклуша? каковъ я сегодня? въ женихи гожусь?..»

V.

Швейцаръ графини съ недовольнымъ видомъ отперъ двери Зорину, произнося не совѣмъ учтиво:

— Я ужъ вамъ докладывалъ, сударь, что графиня сегодня не принимаетъ никого!

— Я имѣю нужду, любезный, видѣть графиню непременно сегодня, сказалъ Зоринъ, отдавая швейцару визитную карточку вмѣстѣ съ тонкимъ пакетомъ, на которомъ не было надписи:

— На, возьми это, и вели передать графинѣ, продолжалъ Зоринъ.

Швейцаръ дернулъ шолковый шнурокъ, висѣвшій у его кресель. — На звонъ, раздавшійся въ передней, ливрейный лакей спустился по мягкому ковру, разостланному по бѣлой мраморной лѣстницѣ.

— Вели это отдать графинѣ, сказалъ швейцаръ, подавая пакетъ и карточку лакею.

Черезъ минуту Зоринъ былъ введенъ въ будуаръ графини.

Дрожь пробѣгала по тѣлу Зорина, когда онъ проходилъ рядъ великолѣпныхъ комнатъ. Каждая пройденная дверь болѣе и болѣе сближала его съ графиней, сердце его билось, дыханіе замирало при одной мысли увидать графиню. Наконецъ, послѣдній занавѣсъ поднялся, и онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ любимой имъ женщиной. Графиня, отъ холодности и гордости которой бѣжалъ онъ, представлялась взорамъ его уже не такою...

Утреннее, черное бархатное платье доказывало, что она цѣлый день просидѣла, не думая о полуденномъ туалетѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія управляющаго. Необыкновенная блѣдность и довольно-сильная краснота вокругъ глазъ служили яснымъ признакомъ страданій и пролитыхъ слезъ. Глаза ея были устре-

млены на карточку и письмо, которыя она держала въ рукахъ.

Зоринъ прервалъ молчаніе дрожащимъ голосомъ:

— Случай, графиня, счастливый случай открылъ мнѣ тайну души вашей, и вмѣстѣ съ тѣмъ — помогъ спасти ваше самолюбіе.

Зоринъ не хотѣлъ употребить слово «честь», считая его слишкомъ щекотливымъ для графини.

Графиня слушала молча, не смѣя поднять глазъ на говорящаго. Только неровно-колебавшаяся грудь ея выражала сильное волненіе.

Зоринъ былъ встревоженъ не менѣе графини; онъ продолжалъ:

— Вспомните прошедшее, и вы увидите, кто болѣе....

Послѣднія слова невольно вырвались изъ устъ Зорина.

Но онъ спохватился. Онъ понялъ, что требовать любви, какъ уплаты за услугу, и невозможно, и низко. Холодная признательность была-бы для него болѣе неблагодарности.

Подавая письма графини, онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Могу увѣрить васъ, графиня, словомъ честнаго человѣка, что тайна ваша умретъ со мною.

— Но какимъ образомъ эти письма могли попасть къ вамъ? спросила графиня съ сомнѣніемъ.

Зоринъ разсказалъ ей ходъ всего дѣла, стараясь какъ можно болѣе щадить князя, дорожа еще несовершенно-остывшими къ нему чувствами графини. По окончаніи разсказа, графиня подняла глаза, полные слезъ, и во взорѣ ея, устремленномъ на Зорина, выразилась такая благодарность, которую невозможно высказать словами. Зоринъ готовъ былъ принять ее за любовь, по благоразумію восторжествовало... Онъ, молча, взявъ шляпу, и уже готовый удалиться, сказалъ:

— Графиня! прошу васъ объ одномъ, не составляйте себѣ слишкомъ-хорошаго понятія обо мнѣ, чтобы потомъ не ошибиться въ худую сторону!

Смертельная блѣдность покрыла лицо графини, жестокое страданіе выразилось во всѣхъ его чертахъ: простую скромность — она приняла за намекъ на ея положеніе въ глазахъ Зорина.

VI.

На другой день, въ 10-ть часовъ утра, Зоринъ лежалъ на своемъ диванѣ; остывшая кровь медленно струилась изъ груди. Подлѣ дивана на столѣ лежала нераспечатанная записка, адресъ которой былъ написанъ рукою графини. Князь, убившій Зорина на поединкѣ, былъ посаженъ подъ арестъ... Сосѣди, сбѣжавшіеся смотрѣть, какъ вынимали Зорина изъ кареты, слышали послѣднее его слово.... Это было — «Амалия»!

Н. СОЛ.....

ПЕРВЫЙ ДВУЮТЪ

ИЛИ

ЗРИТЕЛЬ ПО НЕВОЛѢ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Мишель Баронъ, придворный актеръ, драматическій
писатель . . . . . Г. Григорьевъ 1.
Латорильеръ, его товарищъ. . . . . Г. Каратыгинъ 2.
Николь, слуга Барона. . . . . Г. Марковецкій,
Катерина Бланконелли, дочь Доминика, бывшего арле-
кина итальянскаго театра. . . . . Г-жа Самойлова 1.
АКТЕРЫ И АКТРИСЫ.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ у Барона, около 1688-го года.

Комната со многими дверьми. На-право столъ, покрытый ковромъ, на немъ письменный приборъ. На-лѣво диванъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

БАРОНЪ (*въ халатъ, сидитъ и пишетъ*). Прекрасно! — Конецъ пятого и послѣдняго акта! Черезъ нѣсколько дней, я прочту пѣсу мою придворнымъ актерамъ Его Королевскаго Величества.—Какая слава! Къ имени Мишеля Барона, перваго французскаго актера, прибавить имя знаменитаго писателя. Съ-тѣхъ-поръ, какъ умеръ Мольеръ, я могу смѣло сказать, что я одинъ поддерживалъ театръ на той высокой степени, на которую поставилъ его мой предшественникъ.

№ 1.

Я лица создаю, и самъ ихъ представляю,
Я къ славѣ — и другихъ, и самъ себя веду,
Какъ авторъ и актеръ, пишу-я и играю,
Къ безсмертію двумя дорогами иду!
Къ искусству у меня въ душѣ любовь и вѣра!
Когда читаю я — всѣ хороши стихи!
Я новый блескъ даю твореніямъ Мольера,
И авторовъ плохихъ скрываю я грѣхи!

(Звонитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

БАРОНЪ, НИКОЛЬ.

НИКОЛЬ (*вбѣгая*). Вотъ и я!

БАРОНЪ. Никто меня не спрашивалъ по-утру?

НИКОЛЬ. Спрашивали! Во-первыхъ, дочь дядюшки Винцента, вашего костюмера, она принесла новыи костюмъ для вашей пьесы, и дожидается васъ.

БАРОНЪ. Хорошо! — А больше никто не былъ?

НИКОЛЬ. Была какая-то дама.

БАРОНЪ. Дама? Она сказала тебѣ свое имя?

НИКОЛЬ. Точно такъ! Только, позвольте, его не скоро выразишь; она называла себя Катериною Біанк...ко....

БАРОНЪ. Біанконелли?

НИКОЛЬ. Точно такъ.

БАРОНЪ. Дочь Доминика, бывшаго арлекина Итальянскаго-театра?

НИКОЛЬ. Именно!

БАРОНЪ. Я удивлюсь ея упрямству! Въ одну недѣлю она написала мнѣ пять писемъ, и сдѣлала четыре визита!

НИКОЛЬ. Это, можетъ-быть, потому, что вы не отвѣчаете ей, когда она къ вамъ пишетъ, и не хотите видѣть ее, когда она приходитъ.

БАРОНЪ. Развѣ я могу это сдѣлать? Если эта дѣвушка дебютировала не совсѣмъ дурно на какомъ-нибудь провинціальномъ театрѣ, то неужели она думаетъ, что этого достаточно, чтобъ быть принятой въ придворную труппу?

НИКОЛЬ. Она, видите-ли, говоритъ, что никто не дѣлался вдругъ великимъ актеромъ, что надобно быть снисходительнымъ къ дебютанткѣ, и что ея отецъ также нѣкогда покровительствовалъ г. Барону.

БАРОНЪ. Это правда. Оставшись сиротою 8-ми лѣтъ, я пошелъ въ Доминикѣ друга и покровителя. Я воспитывался вмѣстѣ съ его дочерью, онъ помѣстилъ меня въ труппу Дофинна. Я очень-хорошо помню это, и никогда не буду неблагодарнымъ! Если Катерина нуждается въ моей помощи, въ деньгахъ, я съ удовольствіемъ.... (*Слышенъ голосъ Латорильера*). А! я слышу

голосъ весельчака Латорильера, моего беззаботнаго собрата. (Николо). Оставь насъ, и если Бланконелли будетъ опять спрашивать, не забудь, что для нея меня никогда нѣтъ дома.

Николь (въ сторону, уходя). Бѣдная дѣвушка! Не смѣлъ сказать, что она дожидалась отвѣта въ передней, вмѣстѣ съ крестницею костюмера. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

БАРОНЪ, ЛАТОРИЛЬЕРЪ.

БАРОНЪ (кланяется ему съ колическою важностію). Поклонъ мой, Царю Царей, герою Агамемнону!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ (декламируя).

Твой Царь Агамемнонъ къ тебѣ, Баронъ, взываетъ:
Возстань, познай сей гласъ, что слухъ твой поражаетъ!

Только ты ужъ никакъ не можешь отвѣчать мнѣ:

Се ты, о государь! Тебя-ль такъ рано зрю,
Предупредившаго багряную зарю!

Потому-что уже давно 11 часовъ, а ты все еще въ халатѣ!
Не стыдно-ли?

БАРОНЪ. Я такъ поздно ложусь. А вчера, послѣ театра, ужиналъ съ двумя прелестными женщинами.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Только-то? А я ужиналъ съ дѣлою дюжиной!

БАРОНЪ. Неужели?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Съ дѣлымъ магазиномъ театральныхъ цвѣточницъ. Насъ было трое: Графъ Нарбонъ, Шевалье де-Граммонъ и я, Жакъ Францискъ Ленуаръ де-Латорильеръ, авторъ прекрасной трагедіи «Клеопатра», которая упала торжественно при первомъ представленіи.

БАРОНЪ. И вамъ не стыдно ухаживать за гризетками?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Мы этимъ гордимся!

БАРОНЪ. Право?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Разумѣется! Съ-тѣхъ-поръ, какъ побѣдить знатную даму рѣшительно ничего намъ не стоить...

БАРОНЪ (*насмѣшливо*). Да! конечно! можно-ли вамъ противиться!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Я говорю тебѣ не шутя! Развѣ ты не слыхалъ, что въ послѣднее представленіе *Ифигеніи въ Авлидѣ*, какая-то дама упала въ обморокъ, во-время знаменитой сцены четвертаго акта?

БАРОНЪ. Чтѣ-же тутъ удивительнаго?

Л^е 2.

У нашихъ дамъ ужъ изстари ведется, —

При публикѣ чувствительными быть;

Лишь случай будь, слезами вся залетаетъ,

И можно-ли о ближнемъ слезъ не лить?

О чемъ печаль? Навѣрно всякій спроситъ...

Къ тому-жъ въ слезахъ, онъ такъ хороша!

И нищему красавица приноситъ

Въ даръ рѣки слезъ, — а денегъ ни гроша!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Но эта, братецъ, упала въ обморокъ совсѣмъ по другой причинѣ.

БАРОНЪ. Полно! полно! Я ихъ всѣхъ знаю на-перечетъ. Такъ ты за этимъ только и пришелъ ко мнѣ, чтобъ разсказать этотъ сентиментальный анекдотъ?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Нѣтъ! Я пришелъ, кромѣ-того, предупредить тебя, что сегодня будетъ засѣданіе комитета господъ актеровъ, который долженъ рѣшить, кто заступитъ мѣсто маленькой Дюпаркъ, на первыя роли молодыхъ любовницъ и наивныхъ дѣвшекъ.

БАРОНЪ. Это мы еще увидимъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ-ЖЕ И НИКОЛЬ.

НИКОЛЬ (*съ письмомъ*). Къ вамъ письмо, сударь, — съ надписью: «Очень-важное».

БАРОНЪ. Вѣрно, любовное посланіе.

НИКОЛЬ. Посмотримъ!

БАРОНЪ (*читал*). «Милостивый государь! Такъ-какъ вы не хотите даже принять дочь вашего стараго друга, то я сама въ скоромъ времени хочу сыграть передъ вами нѣсколько ролей, чтобы доказать, что я могу быть актрисой. Отъ васъ самихъ потомъ будетъ зависѣть, принять меня, или нѣтъ въ вашу труппу! — Катерина Біанконелли.»

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Какъ! дочь арлекина, фигляра, дочь Доминика, Катерина Біанконелли, хочетъ дебютировать на королевскомъ театрѣ?

БАРОНЪ. Она, просто, сошла съума!... Я пойду смотрѣть, какъ она будетъ отличать на какомъ-нибудь кукольномъ театрѣ. Вообрази, что это чуть-ли не десятое письмо, которое я отъ нея получаю. Чтобы избавить ее отъ неприятности—получить словесный отказъ, я учтивымъ образомъ отказался принять ее.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. И ты очень-хорошо сдѣлалъ! Принимать дочерей какихъ-нибудь итальянскихъ скомороховъ...

БАРОНЪ. Она сама принуждаетъ меня высказать ей всю правду. Сейчасъ-же напишу, что рѣшительно отказываю ей въ позволеніи дебютировать.

НИКОЛЬ. Но помилуйте! Вы еще не видали ея?

БАРОНЪ. Дуракъ! Развѣ дочь арлекина можетъ быть хороша? Развѣ она можетъ играть на королевскомъ театрѣ?

НИКОЛЬ (*въ-сторону*). Бѣдняжка! и она все еще здѣсь, въ этой комнатѣ. (*Показывая на дверь*). И все слышитъ!.. Это ужасно!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. А я пойду собирать комитетъ моихъ собратьевъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

БАРОНЪ, НИКОЛЬ, ПОТОМЪ КАТЕРИНА.

БАРОНЪ (*сидя за столъ, пишетъ*). Милостивая государыня!... или нѣтъ, лучше... *Милая Катерина*, какъ я бывало прежде называлъ ее.

КАТЕРИНА (*входитъ въ костюмъ крестьянки въка Людовика XIV,*

съ большимъ узломъ). Ну, что-жь? Долго-ли заставятъ они меня дожидаться? У меня со скуки ноги подкосились.

баронъ. Кто тамъ?

николь. Это, сударь, крестница дѣдушки Винцента.... она принесла вамъ костюмъ.... Я ужъ говорилъ вамъ.

баронъ (*продолжая писать*). Знаю, пусть подождетъ.

николь. Слышишь, подожди! Да и зачѣмъ ты, голубушка, названная сюда пожаловала?

катерина (*ему тихо*). Это я! молчи! Я его слышала! Я надѣла ей платье! Это необходимо нужно для моего плана. Ступай отсюда.

николь. Какъ? такъ это вы?... (*Остнавливается по знаку Катерины*).

баронъ (*складывая письмо*). Что такое? Что ты тамъ говоришь?

николь. Ничего-съ! Это вамъ послышалось! Я молчалъ, какъ убитый!

баронъ. Вотъ это письмо ты отнесешь тотчасъ Катеринѣ Бианконелли.

николь (*взявъ его*). Недалеко ходить! (*Передаетъ его Катеринѣ*). Это вамъ, сударыня! (*Въ-сторону уходя*). Ахъ, какая женщина! Ну, изволь узнать ее въ этомъ нарядѣ. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

баронъ и катерина.

баронъ (*подходя къ ней въ-сторону*). А! она совсѣмъ педурна, эта крестница. (*Громко*). Подойди! подойди душенька, не бойся!

катерина. Чего бояться? вѣдь вы не кусаетесь!

баронъ. Ну, а какъ тебя зовутъ?

катерина. Меня? а вамъ на что?

баронъ. Станный вопросъ! Вѣдь надобно-же мнѣ какъ-нибудь называть тебя, разговаривая съ тобою.

катерина. Ну, я и скажу пожалуй! Меня зовутъ Марго, мой крестный папенька привезъ меня изъ Бретани.

№ 3.

Меня въ деревнѣ всѣ любили,
 Мнѣ страхъ какъ нравилась она,
 Мнѣ всѣ тамъ часто говорили,
 Что я собою недурна,
 Что я мила, ловка, лукава,
 Что мнѣ подобной не сыскать, —
 И я рѣшилась на славу
 Себя въ Парижъ показать.
 Здѣсь люди, видите, умнѣе,
 И я надѣюсь, что тутъ
 Мои достоинства скорѣе
 Да и вѣрнѣе въ ходъ пойдутъ!

БАРОНЪ. Конечно! Конечно! Я заранѣе могу тебя въ этомъ увѣрить.

КАТЕРИНА. Не правда-ли? Ну, и я тоже въ этомъ увѣрена, мнѣ не достаетъ только, какъ говорить мой крестный папенька, покровителя. Вотъ я и вздумала, знаете что? Будьте-ка вы моимъ покровителемъ.

БАРОНЪ. Съ охотою, душа моя! (*Въ-сторону*). Право, эта дѣвчонка очень интересуеъ меня.

КАТЕРИНА. Ну, я и въ этомъ была увѣрена! Крестный папенька сказалъ мнѣ: «Сходи-ка ты къ этому-то актеру, что все царей да героевъ играетъ, да попроси его, чтобъ онъ сдѣлалъ для тебя тамъ, что можетъ; онъ, говоритъ, для хорошенькихъ глазокъ никакъ тебѣ не откажетъ». — Я такъ и сдѣлала, надѣла мое праздничное платье, мой лучшій чепецъ, явилась къ вамъ, чтобъ вы что-нибудь для меня сдѣлали. — Ну, сдѣлайте-же, сдѣлайте поскорѣе. (*Толкаетъ его локтемъ*).

БАРОНЪ. Потихе, Марго! пожалуста потихе, — если ты хочешь, чтобъ я что-нибудь для тебя сдѣлалъ, то прежде всего должна отъучиться отъ этого деревенскаго обращенія. У тебя очень дурныя манеры.

КАТЕРИНА. Ну, вотъ еще, дурныя манеры! А какія есть, такія и есть, — какія мнѣ Богъ далъ! — Я ни у кого ихъ не перенимала и не умѣю нарочно манериться.

БАРОНЪ (*въ-сторону*). Ахъ, еслибъ всѣ наши актрисы могли сказать тоже самое.

КАТЕРИНА (*развязывая узелъ*). Ну-ка, примѣряйте-ка вашъ кафтанъ.... Чего-же вы ждете? Снимите этотъ балахонъ.

БАРОНЪ. Если ты позволишь. (*Снимаетъ халатъ и надѣваетъ кафтанъ*). Онъ немножко узокъ.

КАТЕРИНА. И, ничего! Постоите, я вамъ помогу. Ну, ну! надѣль. Ахъ, какъ идетъ къ вамъ это платье, чудо!

БАРОНЪ. Ты думаешь?

КАТЕРИНА. О! я всегда говорю, что думаю, не въ-примѣръ вашимъ дамамъ, которыя не всегда думаютъ о томъ, что говорятъ.

БАРОНЪ (*въ-сторону*). Да она очень-неглупа! и, какъ кажется, я ей понравился!.... Латорильеръ правъ; эти гризетки и крестьячки совсѣмъ недурны! (*Громко*). Послушай, Марго, ты мнѣ нравишься! И если я могу тебѣ быть полезнымъ.... Но скажи мнѣ, что ты умѣешь дѣлать?

КАТЕРИНА. Все-съ! рѣшительно все! Меня всему учили.

ДѢ 4.

Я умѣю масло бить,
Хлѣбъ печь, коровъ доить,
Рожь и жать и молотить,
И траву полоть, косить,
Въ кухнѣ стряпать и варить,
За скотиною ходить,
Ленъ трепать и холеть бѣлить,
Платье штопать и чинить,
Пѣсни пѣть и танцовать,
И всего не разказать!
Тра-ла-ла-ла!

(*Танцуетъ саботьеру*).

БАРОНЪ. Ну, со всѣмъ этимъ еще нельзя далеко уйти! Надѣюсь, что ты дѣвушка тихая и скромная.

КАТЕРИНА. Ну, да, конечно!

БАРОНЪ. И у тебя нѣтъ... этакъ, любезнаго дружка?

КАТЕРИНА. Дружка? Нѣтъ!... Ахъ, есть!

БАРОНЪ. Какъ есть?

КАТЕРИНА. Да, есть... маленькій и прехорошенькій барабанщикъ; онъ давно ужъ ухаживаетъ за мною, и признался мнѣ,

что любить меня. Разумѣется, онъ хочетъ на мнѣ жениться: безъ этого я-бы ему не позволила ухаживать за собою... Да и теперь, если онъ чуть немножко забудется, — я его разомъ (*Показываетъ рукою*). Ну, да до этого дѣло доходить рѣдко. Мой миленькій Тирлюшонъ такъ скроменъ.

баронъ. А! такъ его зовутъ Тирлюшонъ?

катерина. Не правда-ли, какое прекрасное имя! Да и какой онъ молодецъ! Ни кому не даетъ спуска. Онъ, какъ самъ говорилъ мнѣ, еще недавно вотъ какъ отпочивалъ трехъ франтовъ.

баронъ. Ого!

катерина. Да! перваго за то, что тотъ косо посмотрѣлъ на него; другаго за то, что тотъ прямо посмотрѣлъ на него; а третьяго за то, что тотъ совсѣмъ не смотрѣлъ на него.

баронъ. Это, просто, сумасшедшій! И если ты хочешь, чтобы я взялъ тебя подъ свое покровительство, то должна начать съ того, что позабудешь этого головорѣза, съ которымъ я не имѣю ни малѣйшаго желанія познакомиться.

катерина. Ну, ужъ хорошо! Такъ и быть. Я для васъ и это сдѣлаю.

баронъ. Такъ рѣшено! Съ-этихъ-поръ я твой покровитель, и въ доказательство этого.... (*Цѣлуетъ ее въ плечо*).

катерина. Хорошо доказательство!

голосъ латорильера. Баронъ! Гдѣ ты?....

баронъ (*въ-сторону*). Боже мой! это Латорильеръ! Онъ станетъ смѣяться, что засталъ меня съ крестьянкой. (*Громко*). Марго! мнѣ еще нужно будетъ поговорить съ тобою: подожди меня въ этой комнатѣ. Я сейчасъ къ тебѣ буду.

катерина. Хорошо-съ. Только вы не заставляйте меня такъ долго дожидаться по-давишнему. Да не забудьте, что я вамъ сказала:

Я умѣю масло бить,
Хлѣбъ пѣчь, коровъ доить.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

БАРОНЪ, ЛАТОРИЛЬЕРЪ.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Новость, новость, Баронъ! самая пріятная новость! Одыбайся, причесывайся! Мы сегодня ѣдемъ съ тобою вмѣстѣ.

БАРОНЪ. Куда это?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Какъ куда? Развѣ я не говорилъ тебѣ? Это приключеніе во-время представленія *Ифигеніи въ Авлидѣ*? Эта дама, упавшая въ обморокъ отъ полноты чувствъ....

БАРОНЪ. Ахъ, да! (*Въ-сторонѣ*). Эта Маргò заставила меня обо всемъ позабыть! (*Громко*). Ну, такъ что-жъ изъ этого?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Какъ что? Ты еще не понялъ, что я сдѣлалъ? Знаешь-ли ты, что я отправился собирать свѣдѣнія о прелестной незнакомкѣ?

БАРОНЪ. Что-жъ потомъ?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Я узналъ, во-первыхъ, что ее зовутъ Нина Фоленвиль. Каково имя-то? самое романическое! Во-вторыхъ, что она жена президента парижскаго парламента.

БАРОНЪ. Ай! Ай!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Въ третьихъ, я нарядилъ нашего театральнаго ламповщика въ костюмъ вѣстника и послалъ къ нашей дульцинеѣ, съ чѣмъ-бы ты думалъ?

БАРОНЪ. Съ письмомъ?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Да; но кромѣ-того, съ яблокомъ, — яблоко было такое прозрачное и свѣжее, письмо было такое нѣжное и душистое; въ письмѣ было написано: «Прекрасная президентша! кому вы назначите это яблоко?» Внизу: «Ахиллъ и Агамемнонъ!»

БАРОНЪ. Ты, мнѣ кажется, сошелъ съ-ума! Развѣ можно....

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Постой! не сбивай меня и не путай моихъ идей; это было написано въ письмѣ, на яблокѣ, разумѣется, ничего не было написано! Съ этимъ письмомъ и яблокомъ я отправилъ гонца къ президентшѣ.

БАРОНЪ. А она?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Прислала мнѣ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: (*Читаетъ*) «Ваши королевскія величества!» Замѣчаешь-ли ты, во

множественномъ—Ваши королевскіе величества! черезъ часъ будете въ аллеѣ Дианы, и тамъ я вручу яблоко избранному». Подписано: «Нина Фоленвилль». Каково?

БАРОНЪ. Я что-то сомнѣваюсь. Эта женщина должна быть помѣшана; — иначе быть не можетъ.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Помѣшана! Можетъ-быть, отъ любви къ тебѣ или ко мнѣ; это еще перѣшено. (*Въ комнату, куда ушла Катерина, слышенъ шумъ*). А, что это, у тебя есть кто-нибудь?

БАРОНЪ. Нѣтъ! Нѣтъ! Никого! Тебѣ послышалось. (*Въ сторону*). Вѣрно, Марго надоѣло меня дожидаться.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Что-жъ, мы идемъ на свиданіе?

БАРОНЪ. Да, какъ-же, непременно.... Я сейчасъ буду!... Ты ступай впередъ.... Нельзя-же намъ вмѣстѣ.... Я иду за тобой!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. А! но прежде сдѣлаемъ условіе: тотъ изъ насъ, кто будетъ отвергнутъ, долженъ безъ шума тотчасъ-же удалиться.

БАРОНЪ (*подавая руку*). Рѣшено! Ступай-же! Я только передѣнусь.

№ 5.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ.

Не замѣшайся, смотри-же!

Не попасть-бы намъ въ бѣду!

БАРОНЪ (*въ сторону*).

Нѣтъ я здѣсь гораздо-ближе

Тоже счастье найду.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ.

Не горжусь я тѣмъ нисколько,

Что писала мнѣ сама.

БАРОНЪ (въ-сторону).

Не могу рѣшить я только,
Кто изъ нихъ сошелъ съ-ума.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ.

Не забудь-же обѣщанье!
Да явись скорѣй, прошу!
А теперь я на свиданье,
Самъ въ надеждѣ поспѣшу.

БАРОНЪ.

Нѣтъ, я помню обѣщанье!
Но ступай скорѣй, прошу,
И тотчасъ-же на свиданье
За тобой я поспѣшу.

(Латорильеръ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БАРОНЪ (одинъ).

Наконецъ! Я думалъ, что онъ никогда не уйдетъ отсюда. Преглуная исторія, которая однако не заставила меня позабыть мою хорошенькую Маргó. (Отворяетъ дверь). Маргó! Она не отвѣчаетъ!... Что я вижу? Дверь на маленькую лѣбницу отперта; ей, вѣрно, наскучило меня дожидаться и она ушла! Какая досада! Проклятый Латорильеръ пришелъ съ своей президентшей! Я упустилъ такой прекрасный случай!

ЯВЛЕНІЕ IX.

БАРОНЪ, НИКОЛЬ.

НИКОЛЬ. Васъ, сударь, опять спрашиваетъ какая-то дама.

БАРОНЪ. Дама?

Т. I. — Отд. I.

НИКОЛЬ. Да, сударь, дама! Да еще какая сумасшедшая! настоящая сумасшедшая! И должно-быть, вы этому причина.

БАРОНЪ. Я?

НИКОЛЬ. Да-съ, вы! Потому-что она только объ васъ и бредитъ, и все ваше имя произносить.

БАРОНЪ. Да ее-то какъ зовутъ?

НИКОЛЬ. Она сказала мнѣ: «Дома-ли твой баринъ безцѣнный Баронъ? Нина Фоленвилъ хочетъ видѣть его.» — Только Богъ знаетъ, сударь, можетъ, въ сумасшествіи ее такъ зовутъ, а въ самомъ-то дѣлѣ, можетъ-быть...

БАРОНЪ. Нина Фоленвилъ! Это та самая президенша, которую Латорильеръ пошелъ отыскивать въ аллеѣ Дианы. Ха, ха, ха! Это прекрасно! — Проси!

НИКОЛЬ (*крича въ дверь*). Вы можете войти, госпожа сумасшедшая!

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ-ЖЕ И КАТЕРИНА. (*Катерина въ костюмъ того времени: платье распахнутое спереди, розовое атласное, юбка бѣлая атласная, голубой шарфъ, роза въ волосахъ*).

КАТЕРИНА (*входя*). Гдѣ онъ.... гдѣ онъ? Мой безцѣнный Баронъ! мой Ахиллесъ! мой герой!

БАРОНЪ. Что я слышу? Неужели я такъ счастливъ?

КАТЕРИНА. А! это вы, шевадье, здравствуйте! Здоровы-ли вы? а я слава Богу! Скажите, гдѣ Баронъ? Я вездѣ ищу его! Чтобы найти его, я превращалась въ бабочку, въ стрекозу, въ Сильфа, дѣлалась тѣнью, духомъ.... Я преслѣдую его съ того самаго дня, какъ его пожаловали въ Ахиллеса, помните, за то, что онъ любилъ такъ свою Ифигенію.

НИКОЛЬ. Ну, ну, не съ ума-ли она сошла? Что она за чепуху тутъ рассказываетъ!

БАРОНЪ. Молчи! — Бѣдная женщина! Если-бъ я могъ возвратить ей разсудокъ!

КАТЕРИНА. Ахъ, шевадье! Я очень-несчастлива! Вообразите! Я обожаю Барона до безумія, а мужъ мой не хочетъ отдать меня за него за-мужъ.

НИКОЛЬ (*смѣясь*). Ха, ха, ха!

КАТЕРИНА (*идя къ нему*). Чему ты смѣешься? Ты оскорбляешь меня и думаешь, что я не накажу тебя за это? — Стража, ко мнѣ! Схватите это дерзкаго! Закуйте въ цѣпи и посадите его на всю жизнь въ тюрьму!

(*Николь въ страхъ плтится назадъ*).

НИКОЛЬ. Фу ты! — какъ она меня перепугала! Я совсѣмъ позабылъ, что она сумасшедшая, и думалъ, что меня и въ-самомъ-дѣлѣ посадятъ въ тюрьму!

(*Катерина, сядя на диванъ, опускаетъ голову*).

БАРОНЪ. Молчи! не прерывай ея задумчивости!

КАТЕРИНА (*подзывая Барона*). Тсъ.... тсъ.... сюда!...

БАРОНЪ. Вы меня зовете? (*Хочетъ подойти*).

НИКОЛЬ (*удерживая его*). Чтó вы! чтó вы, сударь? Она васъ укуситъ!

БАРОНЪ. Дуракъ! хорошенькія женщины не кусаются!

(*Садится подлѣ нея*).

КАТЕРИНА. Сядь сюда, поближе! Ахъ, если-бъ ты зналъ, какъ я несчастна. Когда я хочу смотрѣть ему въ глаза, онъ закрываетъ ихъ; когда я беру его руку, — онъ отнимаетъ ее; когда я зову его, — онъ бѣжитъ отъ меня! (*Отирая слезу*). И я плачу! горько плачу! Не говори ему, что ты видѣлъ меня въ слезахъ. Онъ будетъ смѣяться надъ этимъ.

НИКОЛЬ. Она, просто, и меня заставляетъ плакать!

БАРОНЪ. Какъ она мила въ своемъ сумасшествіи!

КАТЕРИНУ. Сумасшествіи!... Какъ? и ты тоже... и ты говоришь, что я сумасшедшая. Какъ тебѣ не стыдно? Ну, чѣмъ я сумасшедшая?

ЛѢ 6.

Ахъ, за что меня зовутъ

Сумасшедшей люди злые?

— Пусть заглянутъ въ грудь, — найдутъ

Чувства чистыя, святыя!

Не за толь, что чувства эти

Лишь одни волнуютъ кровь?

Не ужель зовутъ на свѣтъ

Сумасшествіемъ любовь?

БАРОНЪ. О! прекрасная Нина! Повѣрьте, что тотъ, кого вы

полюбили, также тронуть вашей любовью. (*Бросаясь на колѣни*)
И у ногъ вашихъ клянется вѣчно любить васъ.

КАТЕРИНА (*вскакивая*). Что слышу я! Ахъ, какъ это смѣшно!
Ты стоишь передо мною на колѣняхъ.... а онъ — онъ летаетъ
вонъ тамъ, высоко... Смотрите! смотрите!

НИКОЛЬ. Кого она тамъ видитъ?

КАТЕРИНА. Видите-ли вы этого прекраснаго мотылька съ золо-
тыми крылышками? Это онъ!... Это тотъ, кого я люблю: онъ
теперь нарочно превратился въ мотылька, чтобъ улетѣть отъ меня;
да постоитъ, я его поймаю!

НИКОЛЬ. Ну, ну! придуть-же въ голову подобныя глупости!

БАРОНЪ. Она очаровала меня, не-смотря на свое сумасшествіе.

КАТЕРИНА (*бѣгая по комнатѣ за мотылькомъ*).

№ 7.

Золотой мотылекъ,

Дай себя поймать,

Опустись мой дружокъ

Перестань летать!

Цѣлый день

Я, какъ тѣнь,

За тобой слѣжу,

И любя,

На тебя

Цѣлый день гляжу!

Но опять ты далекъ...

Перестань порхать!

Мотылекъ, мой дружокъ,

Дай себя поймать!

А! вотъ онъ сѣлъ на этотъ пень. (*Подкрадывается къ Николу и
смахиваетъ у него съ лица воображаемаго мотылька*). Ага!
попался!

НИКОЛЬ (*потирая носъ*). Кого еще она поймала у меня на посу?

КАТЕРИНА. Какъ кого? Развѣ ты не видишь, это онъ? Это мой
любезный Баронъ!

БАРОНЪ. Ея безуміе приводитъ меня въ отчаяніе. Милая Нина,
я прошу васъ, взгляните сюда, вы у вашихъ ногъ найдете того,

кто любить васъ, кто хочетъ возвратить вамъ разсудокъ и счастье!

КАТЕРИНА (*вскрикивая*). Ахъ! чей это голосъ? Его! Его! Но гдѣ же я?... А! я въ театрѣ.... Но вотъ Ахиллъ! Это онъ! О, съ какимъ чувствомъ произносить онъ:

Не ты-ль до моего послѣдняго дыханья
Клялся судьбу ее съ моею соединить?

Ахъ, какъ какъ это было хорошо! Ахъ, какъ это было хорошо! (*падаетъ на диванъ*).

БАРОНЪ. Боже мой! ей сдѣлалось дурно! Она вспомнила эту сцену!.... Николь! Николь! Тамъ въ кабинетѣ флаконъ съ духами! (*поддерживаетъ ее*.) Или постой, — ты не найдешь, я сбѣгаю самъ... поддержи ее! (*Уходитъ*).

КАТЕРИНА (*вскакивая*).

Золотой мотылекъ,

Опуеться мой дружокъ!

(*Схватываетъ за носъ Никола и убѣгаетъ*).

НИКОЛЬ. Ай! эта сумашедшая укуситъ меня! Ай!

БАРОНЪ (*выбѣгаетъ съ флаконами*). Вотъ здѣсь.... здѣсь!.... Гдѣ же она?

НИКОЛЬ. Убѣжала, сударь, и такъ крѣпко схватила меня за носъ, что у меня даже слезы показались на глазахъ.

БАРОНЪ. Несчастная! Бѣги скорѣе за нею! Чтобы съ нею чего нибудь не случилось на дорогѣ.

НИКОЛЬ. Да, очень можетъ случиться, если она со всѣми станеть обращаться, какъ со мною. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

БАРОНЪ (*одинокъ*).

Непонятно! Какъ можно внушить такую сильную страсть... Сойти съ ума отъ любви! Я-бы не повѣрилъ, если-бъ не видѣлъ

самъ своими глазами... Вотъ странное приключеніе! Но всего занимательнѣе то, что бѣдный Латорильеръ воображалъ побѣдить меня!... Онъ теперь, я думаю, бѣгаетъ по аллеямъ, паркамъ. и отыскиваетъ свою президентшу, тогда какъ она... О! это пренебрежительно!

ЯВЛЕНІЕ XII.

БАРОНЪ, ЛАТОРИЛЬЕРЪ.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ (*съ-стороны*). Бѣдный Баронъ; онъ еще и не одѣвался! Не стану ему рассказывать о моемъ счастьи.

БАРОНЪ. А, вотъ и Латорильеръ! посмѣемся надъ нимъ немножко.

(*Оба смотрятъ нѣсколько времени другъ на друга и потомъ начинаютъ хохотать.*)

БАРОНЪ (*подавая ему руку*). Честь имѣю васъ поздравить!...

ЛАТОРИЛЬЕРЪ (*также*). И васъ также!

БАРОНЪ. Ну что, хорошо-ли прогулялись?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Хорошо-ли вы провели время безъ меня?

БАРОНЪ. Какую новую красавицу приковали вы къ вашей побѣдной колесницѣ?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Какая новая дульциней увеличила собою списокъ вашихъ жертвъ?

БАРОНЪ. Да, я въ твоѣ отсутствіе очень-неудурно провелъ время..

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. А я съ-тѣхъ-поръ, какъ оставилъ тебя, не видалъ, какъ время пролетѣло.

БАРОНЪ. И ты не усталъ?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Отъ-чего это?

БАРОНЪ. Да бѣгая посаду и отыскивая твою красавицу?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. А! такъ ты знаешь?

БАРОНЪ. Разумѣется!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Что дѣлать! Ты самъ виноватъ! Ты-бы, можеть-быть, былъ выбранъ, если-бъ пришелъ на свиданіе.

БАРОНЪ. И ты тоже, если-бъ остался.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Я увѣренъ, что она и сюда-бы пришла изъ любви ко мнѣ.

баронъ. Она это и сдѣлала, только совсѣмъ по другой причинѣ.

латорильеръ. Какъ! она была здѣсь?

баронъ. Да! и сейчасъ только ушла отсюда.

латорильеръ. А! это удивительно! когда я не оставлялъ ее ни минутой.

баронъ. А я все время былъ вмѣстѣ съ нею въ этой комнатѣ.

латорильеръ. А я гулялъ съ ней подъ ручку въ Тюльери.

баронъ. Вотъ забавно! Я тебѣ говорю, что она была здѣсь.

латорильеръ. Я тебѣ говорю, что она была тамъ!

баронъ. Нѣтъ! Это ужъ слишкомъ! Она съ ума сошла отъ любви ко мнѣ!

латорильеръ. Да она въ полномъ разсудкѣ и ужъ давно любить меня втайнѣ.

баронъ. Она не высока ростомъ, тонка, стройна.

латорильеръ. Что ты! Что ты! Она выше меня ростомъ, толста до того, что трудно обнять ее.

баронъ. Ей не больше двадцати-шести лѣтъ.

латорильеръ. Ей минуло, по-крайней-мѣрѣ, сороковая весна, не считая зимъ въ томъ числѣ.

баронъ. Послушай, такъ ты рѣшительно хочешь увѣрить меня, что президентша Нина Фоленвиль....

латорильеръ. Гуляла со мною по саду. Я несъ ея зонтикъ и моську. Она общала часто видѣться со мною.

баронъ. А я говорю тебѣ, что она была здѣсь со мною, что она съ ума сошла отъ любви ко мнѣ, и что ты выдумалъ все это, чтобъ я не смѣялся надъ тобою.

латорильеръ. А если я тебѣ скажу то-же самое.

баронъ. Что-же все это значить?

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТѢ ЖЕ, КАТЕРИНА (въ мундирѣ барабанищика.)

КАТЕРИНА (входя). Здорово, господа!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Это что еще за чертенокъ?

КАТЕРИНА (Латорильеру). Послушайте-ка, вы, г. толстякъ, не не васъ-ли зовутъ Барономъ?

БАРОНЪ. Это я! Что вамъ угодно?

КАТЕРИНА. А! очень-радъ! Извините, что я безъ зову являюсь въ вашу комедіантскую капуру; мнѣ пужно кое-что сказать вамъ. Во-первыхъ, меня зовутъ Тюрлюшонъ. Вотъ-что!

БАРОНЪ. Тюрлюшонъ?

КАТЕРИНА. Къ вашимъ услугамъ! Я тотъ самый молодой барабанщикъ, о которомъ мамзель Марго говорила вамъ сегодня по-утру. И такъ-какъ она-же рассказала мнѣ, что вы отсвѣтывали ей любить меня и что даже позволили себѣ въ обращеніи съ ней кой-какія вольности, то я и пришелъ попросить у васъ за это не множко удовольвенія, вотъ что!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Какъ? Ты обращаешься слишкомъ-вольно съ крестьянкой?

БАРОНЪ. Я, право, не понимаю, что хочетъ сказать этотъ маленькій разбойникъ!

КАТЕРИНА. Почтеніе къ моему званію, г. комедіантъ, — оно попочетнѣе вашего. А что я сказалъ правду — сошлюсь хоть на этого толстяка.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Толстякъ! толстякъ! гдѣ онъ нашелъ толстяка?

КАТЕРИНА. А что-же? Развѣ ты имѣешь претензію быть худощавымъ, съ твоимъ барабаномъ?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Вѣдь этакой дерзкій бѣсенокъ.

БАРОНЪ. Что-жъ, наконецъ, тебѣ отъ меня надобно, любезный?

КАТЕРИНА. Погоди, любезный! Дойдетъ и до тебя очередь; я вижу, что этотъ толстякъ что-то распѣтушился, и если онъ только недоволенъ моимъ обращеніемъ, я готовъ съ нимъ разсчитаться. — Вотъ что!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ (*отступая*). Нѣтъ! нѣтъ! пожалуста подалее! Я нисколько не считаю себя обиженнымъ, и не хочу имѣть съ вами никакого дѣла.

КАТЕРИНА. То-то же! (*Барону*). Ну, теперь, я и до тебя добрался, мой любезный комедіантъ. Я узналъ, что сегодня утромъ ты осмѣлился поцѣловать мою дульницу, и въ-слѣдствіе этого я пришелъ отправить тебя на тотъ свѣтъ, въ Елисейскія.

ЛѢ 4.

Я хоть добрый малый,
Хоть подъ часъ, пожалуй,

Погулять не прочь!
 Парень беззаботный,
 И готовъ охотно
 Всякому помочь...
 Чуть о чести дѣло,
 Разомъ закипѣло,
 Тутъ ужъ не стерплю!
 Вотъ какъ расхожуся;
 И тогда, божуся, —
 Шутокъ не люблю!
 Ту, кого люблю я,
 Какъ ты смѣлъ, дѣлуя,
 Дерзкій, оскорбить?
 За нее отмная,
 И, убивъ тебя, я
 Научу, какъ жить!

Понимаете-ли вы, чего я теперь хочу отъ васъ?

баронъ. Убирайся ты отъ меня съ своей красавицей, и оставь меня въ покоѣ.

латорильеръ. Такъ ты этой-то побѣдой сейчасъ гордишься? Хороша, нечего сказать!

катерина. А! ты еще и гордишься этимъ?

латорильеръ. Да! и увѣрилъ, что любезничалъ здѣсь съ знатной дамой, тогда, какъ онъ изволилъ забавляться съ какой-нибудь....

катерина. Какъ съ какой-нибудь?

латорильеръ. Ну, да! Съ какой-нибудь гризеткой.

катерина. Какъ гризеткой? Милліонъ бомбъ и дьяволовъ!

латорильеръ (*отступая*). Да ей-Богу, онъ выскочилъ прямо изъ ада, этотъ чертенокъ!

катерина. А! здѣсь презираютъ все законы человѣческіе! Здѣсь смѣются надъ всею священнымъ! Называютъ двусмысленнымъ именемъ гризетки мою красавицу! И вы думаете, что я позволю это? Защищайтесь! Или я изрублю васъ въ куски!

(*Выхватываетъ саблю*).

латорильеръ. Онъ и въ-самомъ-дѣлѣ можетъ это сдѣлать...

катерина. А! ты думаешь, что я шучу, толстякъ этакой! Становись въ позицію! Вынимай свою щедушную шпажонку. Хочешь держать пари, что я проколю тебя насквозь съ третьяго удара.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Покорно благодарю. Я не чувствую ни малѣйшей охоты ратоборствовать съ такимъ страшнымъ противникомъ.

БАРОНЪ. Ты, наконецъ, выводишь меня изъ терпѣнія. Если ты сейчасъ-же не уберешься отсюда, то я позову людей, и велю тебя выгнать!

КАТЕРИНА (*махая саблей*). Посмотримъ! Кто смѣетъ до меня дотронуться. Я проучу васъ, господа комедіанты! Я покажу вамъ, что значитъ барабанщикъ французской арміи! Тысяча дьяволовъ! (*Бьетъ саблей по столу, и по стульямъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТЪ-ЖЕ И НИКОЛЬ.

НИКОЛЬ (*вбѣгая*). Что за шумъ? Что такое? (*Увидя Катери-ну*). Ай! убійца! помогите!

КАТЕРИНА (*тихо Николу, проходя мимо его*). Не бойся! Это я!

НИКОЛЬ (*удивленный*). Какъ?... это... опять... Ха, ха, ха!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Перестанешь-ли ты смѣяться, дуралей!

БАРОНЪ. Николь! Выведи отсюда этого буяна!

НИКОЛЬ. Этого буяна?... Ха, ха, ха!

КАТЕРИНА (*вкладывая саблю въ ножны*). Успокойся! Я не хочу дѣлать исторіи въ твоёмъ домѣ... Но мы еще увидимся. Надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ въ удовлетвореніи. Я жду тебя черезъ часъ подъ арками Палеройяля.

(*Уходитъ. — Николь за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

БАРОНЪ, ЛАТОРИЛЬЕРЪ.

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Чортъ возьми! Онъ хорошо сдѣлалъ, что ушелъ! Я начиналъ выходить изъ себя! Я отыщу его начальника, за-

ставлю посадить его на хлѣбъ и на воду, запереть въ Бастилю, отправить къ чорту!

баронъ. Ты, кажется, все еще сердишься за то, что твоя президентша была у меня.

латорильеръ. Послушай, ты опять начинаешь! Я тебѣ говорю, что я гулялъ съ нею.

баронъ. Въ такомъ случаѣ, кто-нибудь изъ насъ двоихъ да былъ обманутъ. Забудемъ эту глупую исторію.

латорильеръ. Съ удовольствіемъ. *(Подаетъ ему руку)*. Вотъ, кажется, и нашъ комитетъ собирается. Займемся дѣломъ, и изъ соперниковъ сдѣлаемся по-прежнему придворными актерами—ты директоромъ труппы, а я твоимъ секретаремъ.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ТѢ-ЖЕ, АКТЕРЫ И АКТРИСЫ.

баронъ. Садитесь, почтенные мои собратья. Откроемте наше засѣданіе. Г. секретарь комитета, извольте изложить вопросы, которые должно сегодня-же разрѣшить наше собраніе.

(Всѣ садятся).

латорильеръ *(пересматривая бумаги)*. Во-первыхъ, господа, предлагается не позволять дебютировать на сценѣ Королевскаго театра ни одному актеру, игравшему прежде на какомъ-либо другомъ: согласны-ли вы на это?

всѣ. Согласны.

баронъ. Но если мы не будемъ принимать актеровъ въ наше общество, гдѣ возьмемъ мы сюжетовъ, въ случаѣ выхода изъ труппы кого-нибудь изъ насъ?

латорильеръ. Этотъ вопросъ отлагается до будущаго засѣданія. Главная цѣль наша достигнуть высочайшей степени славы и извѣстности, и для этого предлагаю отказать дѣвицѣ Катеринѣ Біанконелли, которая хочетъ дебютировать на нашемъ театрѣ въ роляхъ дѣвицы Дюпаркъ, оставившей сцену. Согласны-ли вы?

всѣ. Согласны.

баронъ. Однако, если и въ-самомъ-дѣлѣ есть у нея талантъ?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. У дочери арлекина, у актрисы Итальянскаго-театра? Развѣ это можно? Рѣшено — Катеринѣ Біанконелли отказать.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТЪ-ЖЕ, НИКОЛЬ, ПОТОМЪ КАТЕРИНА.

НИКОЛЬ. Господа!

БАРОНЪ. Что такое?

НИКОЛЬ. Какая-то дама хочетъ говорить съ господами придворными актерами.

БАРОНЪ. Сколько разъ я тебѣ говорилъ, Николь, чтобъ ты никого не принималъ, когда у насъ засѣданіе.

КАТЕРИНА (*въ своемъ обыкновенномъ платьѣ*). Извините, господа, если я прерываю ваше засѣданіе. Я имѣла честь посыпать нѣсколько писемъ къ г-ну директору, но такъ-какъ онъ не удостоивалъ отвѣчать мнѣ, то я рѣшилась обратиться съ просьбою ко всѣмъ вамъ.

БАРОНЪ. Ваше имя, сударыня?

КАТЕРИНА. Катерина Біанконелли.

ВСѢ. Біанконелли! (*Встаютъ*).

БАРОНЪ. Катерина! попался я!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Такъ-какъ ваша обязанность, г. директоръ, состоитъ также и въ томъ, чтобъ объявлять просителямъ рѣшенія комитета, то вы и въ теперешнемъ случаѣ можете передать дѣвицѣ Біанконелли отвѣтъ нашъ на ея просьбу, — мы оставляемъ васъ. (*Ему тихо*) Выпутьвайся самъ, какъ знаешь.

(*Уходитъ со всеми актерами и актрисами*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

КАТЕРИНА, БАРОНЪ.

БАРОНЪ (*въ сторону*). Когда я такъ избѣгалъ этого свиданія....

КАТЕРИНА. Наконецъ, я васъ вижу, г. Баронъ. Я давно уже

искала этой чести: простите-ли вы, что противъ вашей воли я наконецъ вижу васъ?

баронъ. О, помилуйте!... И очень радъ.... но вы знаете сами, у меня столько занятій.... должность директора труппы....

катерина. Я не прошу вашихъ оправданій, г. Баронъ, точно такъ, какъ не просила вашей милости: я хотѣла, чтобъ вы отдали справедливость небольшому дарованію, которымъ меня наградилъ Богъ. Вы не хотѣли сдѣлать и этого.

баронъ. Но, милая Катерина.... ты требовала невозможнаго, — занять первыя роли....

катерина. И вы отказали мнѣ съ такою холодностью, съ такимъ презрѣніемъ къ просьбамъ бѣдной дѣвушки....

баронъ. Но изъ чего ты могла это заключить?

катерина. Изъ вашего письма, г. Баронъ! *(Вынимаетъ его)*. Вотъ оно! О! оно очень-жестоко!

баронъ. Я виноватъ передъ тобою, — и вполне чувствую это! Я не долженъ былъ отвергать тебя! Я долженъ былъ сдѣлаться твоимъ руководителемъ, твоею опорою! Мы провели вмѣстѣ первые годы нашей молодости, мы такъ любили другъ друга!... Катерина, прости меня! Но я больше ничего не могу для тебя сдѣлать. Сейчасъ всѣ рѣшили отказать тебѣ, не позволять дебютировать. — Если-бъ я зналъ прежде, что у тебя есть талантъ...

катерина. Вы уже видѣли меня въ трехъ роляхъ.

баронъ. Въ трехъ роляхъ? Когда? Что это значитъ? Правда, ты писала мнѣ, что заставишь меня, противъ моей воли, смотрѣть на твою игру, но.... не ужели?...

катерина. Вы это сейчасъ узнаете.

(Поетъ на прежніе голоса).

№ 9.

Чтобы оцѣнить меня заставить,
Рѣшилася сначала я,
Крестьянку дѣвушку представить
И удалась мнѣ роль моя.

Я вамъ пѣла,
 Что умѣла,
 Масло бить,
 Коровъ донть,

И, какъ кажется, успѣла

Не на шутку васъ плѣнить.

* * *

Потомъ, подслушавъ васъ, являлась

Къ вамъ сумасшедшей дамой я.

И вамъ въ любви я изъяснялась

И удалась мнѣ роль моя.

Я вамъ пѣла,

Что хотѣла

Вами жить

Васъ вѣкъ любить,

И, какъ кажется, успѣла

Не на шутку васъ плѣнить!

* * *

Потомъ при саблѣ и въ мундирѣ,

Являлась я, какъ на парадѣ,

И никогда, надѣюсь, въ мирѣ

Такихъ не видѣли солдатъ.

Я вамъ пѣла,

Что хотѣла

Вамъ отмястить

И васъ убить,

И, какъ кажется, успѣла

Не на шутку васъ взбѣсить!

баронъ. Какъ? Что я слышу?... И я не узналъ тебя! Столько таланта! Милая Катерина! О! ты будешь принята! Сюда! Сюда! мой дружба!

ЯВЛЕНИЕ XIX.

ТЪ-ЖЕ, ЛАТОРИЛЬЕРЪ, НИКОЛЬ, АКТЕРЫ, АКТРИСЫ.

БАРОНЪ. Господа! вы отказали принять въ вашу труппу дочь Доминика?

всѣ. Это правда.

БАРОНЪ. Но вы, вѣрно, не откажетесь принять жену Барона, вашего собрата?

всѣ. Вашу жену?

БАРОНЪ. Которая будетъ дебютировать въ моей новой комедіи.

КАТЕРИНА. Что я слышу? Миѣ быть вашей женой?

БАРОНЪ. Я прошу тебя, милая Катерина! Я оскорбилъ тебя и хочу загладить мое оскорбленіе.

КАТЕРИНА. О! какое счастье! носить имя Барона!...

ЛАТОРИЛЬЕРЪ (*важно*). Но вы должны съ честью носить его.

КАТЕРИНА (*голосомъ барабанищика*). А вы забываете, мой толстякъ, что я назначилъ вамъ часъ и мѣсто за то, что вы оскорбляли французскаго барабанщика!

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. Какъ? такъ это?... Хорошъ я!

БАРОНЪ. Что ты скажешь на это любезный Латорильеръ?

ЛАТОРИЛЬЕРЪ. То, что, кажется, мы съ тобою сегодня вдвоицѣ остались въ дуракахъ! Каковъ первый дебютъ?

БАРОНЪ. При которомъ я былъ зрителемъ по неволѣ.

НИКОЛЬ. Какова у меня будетъ барыня-то? а?

№ 10.

КАТЕРИНА (*къ публикѣ*).

Я сегодня доказала,
Что актрисой родилась.

Но узнать-бы все желала
 Это также и отъ васъ.
 Выборъ ихъ вы одобрите,
 И на васъ я положусь,
 Если вы мнѣ подтвердите,
 Что въ актрисы я гожусь.

ЮМОРИСТИКА.

ПИСЬМА ПЕТЕРБУРГСКОЙ МЫШИ *).

С. Петербургъ..... 1846.

Какъ я была неожиданно-обрадована, моя милая, несравненная Мимі, получивъ отъ тебя вѣсточку издалѣка, съ моею милой родины, изъ шумнаго Парижа, гдѣ мы провели первое время нашей жизни въ такомъ раздольѣ, съ такою беззаботностію! Но какая ты однако-жъ вѣтренница! Какъ неосторожно пустила ты свои письма! Представь себѣ, до меня вѣдь они не дошли въ подлинникѣ: ихъ перехватили люди, въ одномъ потеряли конецъ, въ другомъ начало, и жадные до парижскихъ новостей, они стали печатать твои мышинья письма! И я-бы очень разсердилась на людей за то, что они отдають въ печать нашу невинную бол-

*) См. «Репертуаръ и Пантеонъ» 1844 года. Кн. 1-я и 3-я.

товню, если-бъ не была именно людямъ обязана за твои письма: не напечатай *любезный* издатель «Репертуара и Пантеона» отрывковъ изъ твоихъ писемъ, я, можетъ-быть, и по-сие-время не имѣла-бы о тебѣ никакого извѣстiя. Спасибо ему за это! И представь, какъ странно я наткнулась, можно сказать, на твои письма... Но прежде, чѣмъ расскажу тебѣ этотъ случай, я опишу въ короткихъ словахъ, какъ и что со мною было со дня нашей разлуки.

Ты помнишь послѣднiе дни нашей парижской жизни, помнишь мой восторгъ, при мысли, что я ѣду странствовать въ далекiе края, что я увижу другихъ людей, другiя земли, буду ѣсть другiя блюда, и пр. и пр. Умные твои и родныхъ твоихъ совѣты не могли удержать меня: мнѣ захотѣлось странствовать, во что-бы то ни стало. Помню я послѣднiя минуты прощанiя, когда мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ страшно, такъ тяжело, такъ грустно, что я готова была-бы навсегда отказаться отъ своего намѣренiя, если-бъ только стыдъ меня не удерживалъ! Когда вы оставили меня — это, помнишь — было ночью, наканунѣ отъѣзда — я осторожно забралась въ коробъ съ книгами, который отправляли въ Петербургъ, и тихонько прижалась въ уголку. Мнѣ было мягко, тепло, покойно; а къ тому-же я и не боялась умереть съ голоду: въ коробѣ этомъ было столько модныхъ романовъ, напечатанныхъ на мягкой бумагѣ, жирною типографскою краскою, что для дороги вкуснѣе и сытнѣе пищи придумать было невозможно. Правда, билось у меня сердце, чтобъ на другое утро, когда люди станутъ увязывать коробъ, не открыли-бы они моего намѣренiя, но къ-счастию все кончилось какъ нельзя лучше. Въ два часа коробъ отнесли въ дилижансъ — и мы отправились въ дорогу.

Путешествiе наше до Гавра было благополучно. Я сидѣла себѣ тихо въ моихъ владѣнiяхъ, и съ утра до вечера занималась однимъ дѣломъ — прогрызала въ коробѣ дырочку, черезъ которую я могла-бы выдти посмотрѣть на свѣтъ божiй, когда меня, вмѣстѣ съ коробомъ, перенесутъ на пароходъ. Такъ и случилось. На пароходѣ житье мнѣ было чудное: во-первыхъ, тепло, какъ нельзя больше: во-вторыхъ, шумъ морскихъ волнъ, о которыхъ я прежде не имѣла понятiя, сладко меня убаюкивалъ. Съѣстнаго было вдоволь: сахаръ, сыръ, конфекты, сухiе фрукты — ну, словомъ, чего хочешь, того просишь. И я была такъ счастлива, такъ счастлива, и настоящимъ, и мечтами о будущемъ, что — каюсъ

тебѣ, несравненная Мими—забыла и о родныхъ и даже о тебѣ. Что дѣлать? Такова наша слабая мышинная натура! Люди и сильнѣе насъ, и, если имъ вѣрить, гораздо-умнѣе, но въ счастіи такъ скоро забываютъ и родину, и друзей...

Въ веселіи духа, не замѣчала я, какъ летѣло время... И вотъ наконецъ мы пріѣхали въ Кронштадтъ благополучно. Меня съ моимъ коробомъ пересадили на другой пароходъ, и отправили въ Петербургъ. Тамъ коробъ перенесли въ какой-то домъ, не знаю, открыли его, и стали вынимать одна за другою всѣ книги. Тутъ я струсила-было не на-шутку, думая, что того и смотри до меня доберутся. Къ-счастію, я успѣла во-время и незамѣтно выпрыгнуть въ прогрызенную мною щелку, и ушла въ шкафъ. Смѣшно мнѣ было слышать, какъ одинъ изъ господъ, выкладываявшихъ изъ короба книги, сердился на то, что нѣкоторыя изъ нихъ были изгрызены.

— Вѣдь станутъ говорить, что это у насъ изгрызли, а между-тѣмъ сами привозятъ испорченныя мышами книги.

— Добро, подумала я: пусть скажутъ, что у *васъ* изгрызли. Ты что-то смотришь такимъ разбойникомъ, что, кажется, всѣхъ-бы хотѣлъ съѣсть. По-дѣломъ тебѣ!

Здѣсь я прожила съ недѣлю.

Когда книги уложили, я потихоньку пробралась черезъ мою щелочку въ тотъ-же коробъ, рѣшившись продолжать мое странствованіе до послѣдней возможности. Да притомъ-же остаться мнѣ въ этомъ первомъ домѣ, куда я попала, было крайне непріятно, потому-что рябая и сердитая рожа господина *книгогрыза* (настоящаго имени его я не узнала) ужасно мнѣ не нравилась.

Итакъ я отправилась. Послѣ непродолжительной ѣзды по триской мостовой, поѣхали мы какой-то особенной, гладкой, какъ-будто въ комнатѣ, по паркету. Въ-послѣдствіи я узнала, что эта мостовая называется *торцовою*. Скоро мы и пріѣхали. Коробъ съ книгами и со мною втащили въ комнаты. Я притаилась какъ можно тише и, ничего не видя, стала прислушиваться, что вокругъ меня дѣлается. Какой-то господинъ, отрывисто и скороговоркой, приказывалъ другому господину поскорѣе открыть ящикъ. Думать долго мнѣ было некогда: надобно узнать мѣстоположеніе, чтобы на случай можно было укрыться отъ бѣды. Я высунула голову изъ щелки, и разомъ все осмотрѣла. Чудесно! Какъ разъ противъ меня стоитъ шкафъ съ книгами безъ дверецъ, но съ за-

навѣсками. Опасности нѣтъ — за книгами спрятаться легко. Я улучила минуту, когда господинъ, говорившій глухо и отрывисто, вышелъ, и тотчасъ шастъ изъ моего короба въ шкафъ, и притаилась за книгами!. Ничего лучше придумать было невозможно: въ шкафу за книгами много было пустаго пространства, такъ, что я могла разгуливать на просторѣ, все слышать, украдкою все видѣть, и не бояться голодной смерти въ случаѣ, если бы и не нашла съѣтнаго запаса въ новомъ домѣ, куда судьба меня забросила.

Лишь только успѣла я спрятаться, два господина принялись разбирать книги. Тутъ я могла хорошо рассмотреть ихъ изъ-за занавѣски. Одинъ господинъ, который приказывалъ и пересматривалъ книги, съ перваго разу чрезвычайно мнѣ понравился: это былъ довольно-плотный, невысокаго роста старикъ съ толстымъ носомъ, толстыми губами, съдой головой, гладко обстриженной: и это-то больше всего располагало меня въ пользу его: глядя на его волосы, похожіе на шерсть съдой крысы, я невольно подумала, что въ немъ должно быть много крысѣяго свойства, стало быть, онъ ближе къ намъ по породѣ, чѣмъ другіе люди. И дѣйствительно, я не ошиблась: вскорѣ я узнала, что онъ не любитъ кошекъ, также, какъ и мы съ тобой.

Не стану тебѣ описывать всѣхъ дальнѣйшихъ подробностей моего перваго пребыванія въ Петербургѣ. Скажу только, что я, живя болѣе года въ моемъ новомъ обиталищѣ, довольна и счастлива, какъ нельзя больше. Правда, не всегда достается мнѣ на обѣдъ или на ужинъ лакомый кусочекъ, потому что буфетъ отъ той комнаты, гдѣ я поселилась, довольно-далеко, да и запертъ всегда крѣпко-на-крѣпко; но за то бываютъ дни, когда я, просто, объѣдаюсь, и не знаю, куда дѣвать мнѣ огромные запасы разныхъ сластей. Это случается обыкновенно передъ большими людскими праздниками, новымъ-годомъ, святой-недѣлей, и т. п. Вотъ хоть-бы и въ настоящее время: хозяину моему нанесли столько разныхъ разностей, пироговъ, куличей, конфетокъ, око-роковъ, и пр. и пр., — не говоря уже о томъ, что нами употребляется въ пищу въ случаѣ крайности, или даже и вовсе не употребляется, какъ-то разное платье, мужское, женское, дѣтское, сапоги, сигары и пр. — что онъ не успѣваетъ всего припрятать, и я въ отсутствіе его, ѣмъ за его здоровье, сколько душѣ угодно. — Да что-же это за человекъ твой хозяинъ? спросишь ты. — О, онъ важный человекъ, хоть и не судья, не

секретарь; онъ сочинитель. Ты хорошо знаешь мой характеръ: я-бы не способна была жить у такого хозяина, который беретъ взятки, и обижаетъ себя подобныхъ, хоть-бы у него всего было для меня вдоволь; шѣтъ, мой хозяинъ не таковъ, — онъ взятку ни съ кого не беретъ, никого не притѣсняетъ; напротивъ — всѣмъ готовъ дѣлать добро, ну, а когда дѣлаютъ добро, очень-естественно, что за это получаютъ и благодарность. Мой хозяинъ похвалитъ кондитера — кондитеръ несетъ ему въ знакъ благодарности пироги, конфекты, всякую всячину; похвалитъ портнаго — портной сошьетъ ему и дѣтямъ его новое платье на праздникъ, табачникъ за похвалы несетъ ему сигары, сапожникъ — сапоги и т. п., всякой отъ своего избытка. Одиго онъ не любитъ хвалить — хорошихъ книгъ, ну, да и что проку-то въ книгахъ! У него ихъ цѣлые шкафы стоятъ, и только я одна иногда съ голоду погрызу какую-нибудь, но и то выбираю больше французскія, — тѣ какъ-то повкуснѣе. Впрочемъ онъ хвалитъ и книги, даже иногда такія, про которыя самъ на словахъ говоритъ, что онѣ очень-дурныя по это онъ дѣлаетъ или изъ пріязни, или когда его усердно попросятъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ всегда прибавляетъ просителю: «Вѣдь ты знаешь, что я даромъ ничего не дѣлаю... надобно время... трудъ... у меня много работъ выгодныхъ»... Ну, безъ-сомнѣнія, проситель очень пойметъ. — если онъ только не дуракъ, — что вѣдь для того, чтобы расхвалить въ журналѣ книгу, надобно употребить время и трудъ, и, разумѣется, благодарить, какъ слѣдуетъ — ящикомъ сигаръ, кускомъ какой-нибудь матеріи и подобною дрянью, которая только въ глазахъ людей имѣетъ цѣну. Вообще, мой хозяинъ премилый и предобрый, даромъ что человекъ. Онъ такой забавникъ, шутникъ — шутитъ со всѣми, и съ пріятелями, и съ знакомыми, и съ незнакомыми и даже съ своимъ лакеемъ. Конечно, случаются иногда дни, что онъ бываетъ очень-сердитъ — когда, на-примѣръ, узнаетъ, что у другаго сочинителя больше подписчиковъ, чѣмъ у него, что хорошо идетъ книга, которую онъ разобралъ, что какой-нибудь его собрать по литературѣ выгодно продалъ свое сочинение, но и этотъ гнѣвъ скоро проходитъ: журналиста онъ *отшлѣпаетъ* (это его любимое слово) въ своемъ журналѣ, книгу обругаетъ еще разъ, а чтобы не отстать отъ своего собрата, вида его успѣхъ, онъ рѣшается написать книгу въ такомъ-же родѣ, или даже подъ тѣмъ-же заглавіемъ....

Но полно объ этомъ. Въ другомъ письмѣ больше поговорю съ

тобой о моемъ любезномъ хозяинѣ. А теперь разскажу тебѣ о томъ, какимъ образомъ дошли до меня письма твои, любезная Мими! Нѣсколько нѣдель тому назадъ, когда мой добрый хозяинъ долго не получалъ никакихъ *благодарностей*, кромѣ десятковъ билетовъ для входа въ концертъ, настали для меня дни голодухи. Какъ ни неприятно, но нѣчего дѣлать — нужда заставила меня приняться за книги. Французскія книги мнѣ попріѣлись, — захотѣлось отвѣдать чего нибудь русскаго. Я отправилась въ тотъ уголь, гдѣ въ кучѣ лежали современные русскіе журналы, толстые, рыхлые, мягкіе. .. Я никогда не принимаюсь феть прямо, особенно книги и журналы: всегда люблю пообнюхать, поосмотрѣть, даже прочесть страницу, другую... И въ этотъ разъ поступила точно также: смотрю, въ кучѣ разныхъ книгъ лежитъ одна, которая называется *Репертуаръ и Пинтеонъ*. По какому-то инстинкту, я обнюхала книжку, стала ее осматривать, — вижу вдругъ въ оглавленіи *Письма мышѣ*. Это возбудило мое любопытство, — я начала читать, и вообрази мое удивленіе, мою радость, когда я узнала, что это пишешь ты, моя милая, несравненная подруга юности, и пишешь ко мнѣ! Разумѣется, я забыла въ эту минуту голодъ, и съ жадностію стала перечитывать твою милую болтовню. Но какая ты злая, однакожь, душевѣрка моя, Мими! Что у тебя за языкъ! Что ты за болтушка! Ужъ и видно, что живешь въ театрѣ и набралась закулиснаго духу. Нѣтъ, въ этомъ случаѣ я могу похвастаться передъ тобою. Я живу у журналиста, и, еще, какъ говорятъ другіе, у злаго журналиста, но сколько мнѣ ни случалось слышать у него разговоровъ о здѣшнихъ петербургскихъ актерахъ, — такъ ими не нахвалится: все это люди съ дарованіями, иные съ огромными. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, я слышала, и охотно этому вѣрю. Вотъ литераторы здѣшніе другое дѣло: объ нихъ я много слышу предурнаго — отъ моего хозяина. Но изъ избы сора выносить не для чего, да и что намъ за дѣло до людей, если люди насъ не трогаютъ!

Спасибо тебѣ за разныя подробности о твоемъ житьѣ-бытьѣ, о вашихъ праздникахъ и пр. и пр. Нѣтъ, я веду жизнь скромную, больше уединенную. Съ русскими мышами я какъ-то мало сходилась, и то впрочемъ для того, чтобы выучиться ихъ языку, на которомъ говорю и пишу довольно-порядочно. Впрочемъ, если на откровенность пошло, и я тебѣ признаюсь, что я очень, очень-равнодушна къ одному молоденькому русскому мышонку, съ прехорошенькими усиками; но объ этомъ напишу

тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ, когда ты сама будешь со мной пооткровеннѣе.

Прощай, милая Мими! Цѣлую тебя въ твою хорошенькую мордочку.

По гробъ вѣрная тебѣ

Зизи.

(Перев. съ французскаго.)

О СЫ.

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА,

АЛЬФОНСА КАРРА И ДРУГИХЪ.

Намедни, собравшись отобѣдать въ ресторации, — рассказываетъ Альфонсъ Карръ, — я съ полчаса бродилъ по бульвару, въ надеждѣ отыскать себѣ товарища, и не успѣвъ въ этомъ, рѣшился для развлечения наблюдать, кто изъ обѣдавшихъ отдѣльными группами въ одной комнатѣ со мною, были амфитріоны и кто прихлебатели. — Вообразите, я не ошибся ни одного разу! Немножко сѣбѣ съ одной стороны, немножко угодливости съ другой,

тотчас показывали мнѣ, кто платилъ, кто не платилъ. — Не трудно было также угадать, гдѣ обѣдали пивникомъ, то - есть, всякой платилъ за себя. Два стола были заняты каждый тремя персонами, двумя мужчинами и одной женщиной, т. е. женой съ мужем и постороннимъ лицомъ; не дошло еще до половины обѣда, а я уже зналъ, что за однимъ изъ столовъ угощали мужъ и жена, а за другимъ угощали мужа и жену.

Но въ особенности поразили меня двое моихъ сосѣдей... Одинъ былъ человекъ лѣтъ тридцати-четырехъ; лицо его было обрамлено густыми черными бакенбардами; его амфитрионъ былъ человекъ пятидесяти-восьми лѣтъ. Привожу кое-что изъ ихъ разговора.

Амфитрионъ. Помните вы мою жену?

Гость. О, какъ-же!... Такая милая, любезная женщина!

Амфитрионъ. Э, полноте... Это была вѣдьма... Я прогналъ ее.

Гость. О, это меня несколько не удивляетъ! Въ ней было что-то такое, что чрезвычайно меня отъ нея отталкивало...

— А помните у меня маленькую горничную?

— Да, какъ-же!... Такая худая... грубая...

— Чудесная дѣвушка, хотите вы сказать... Она осталось со мною.

— Женщина худая — по моему чудесная... Я толстыхъ женщинъ терпѣть не могу... Какъ не помнить! Гмъ!... Что за ротикъ у нея!... А ножка-то, ножка!... А глаза!...

— Какъ вы находите эти макароны?

— Объяденье!

— А по моему, они не хороши... Мало пармезану.

— Да, правда, и я думалъ, что въ нихъ чего-то недостаетъ... И именно пармезану... Безъ пармезана макароны не могутъ быть хороши.

Въ это время въ комнату вошелъ одинъ господинъ, съ которымъ амфитрионъ обмѣнялся поклонами. Вѣроятно, онъ хотѣлъ казаться богатымъ и важнымъ въ глазахъ этого господина, потому-что обратился съ громкимъ вопросомъ къ своему собесѣднику: — А что, шампанскаго выпьемъ?

Но собесѣдникъ тотчасъ замѣтилъ, что амфитрионъ готовъ предложить выпить шампанскаго, а не платить за него. А притомъ господинъ, для котораго приготовлена была эта выходка, ушелъ искать себѣ мѣста въ другую комнату. По этому прихлебатель отвѣчалъ: «Нейте, если угодно... я не пью шампанскаго... я всегда бываю отъ него боленъ»...

Амфитрионъ. Вы знаете подъѣздъ съ передней стороны моего дома? Я велѣлъ обсадить его тополями.

Гость. Прекрасно сдѣлали! Я чрезвычайно люблю тополи.

— Но въ нынѣшнемъ году я тополи вырѣлъ, и велѣлъ посадить каштановыя деревья.

— А, это гораздо, лучше... Тополи не цвѣтутъ... Скажите, пожалуйста,

как поживаетъ этотъ милый молодой человекъ, пріятель вашъ?... Какъ бышь его зовуть?...

— Вы говорите объ Антуанѣ?

— Да, да, да!... Антуанъ!... Я всегда вспоминаю объ немъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

— О, это мерзавецъ!... Мы больше не видимся другъ съ другомъ.

— И хорошо дѣлаете: конечно, онъ былъ любезный молодой человекъ... то-есть... для него домъ вашъ былъ находка... потому-что гдѣ-же сыскать ему другой такой домъ... но мнѣ всегда казалось, что онъ не совсѣмъ прямодушень...

— О, это былъ ужаснѣйшій лицемеръ.

— Да, и я говорю тоже: онъ никогда не внушалъ мнѣ довѣрія... И если-бъ даже онъ кончилъ карьеръ свой какъ-нибудь такъ, я, право, не сталъ-бы тому удивляться.

Въ это время господинъ, который раскланивался съ амфитріономъ, опять вошелъ въ комнату, не найдя въ другой удобнаго для себя мѣста. Не далеко отъ двухъ собесѣдниковъ было пустое мѣсто, онъ расположился здѣсь.

— Тогда

Амфитріонъ. Выпьемъ-же шампанскаго! — Эй, человекъ, подай шампанскаго!

Гость. Ну, нечего дѣлать!... Знаю, что буду нездоровъ, но ужъ такъ и быть.

Онъ видѣлъ, что въ этотъ разъ дѣйствительно будетъ шампанское. Когда привесли счетъ, несчастному прихлебателю надлежало еще выдержать страшную пытку; — амфитріонъ прочелъ этотъ счетъ со вниманіемъ и въ нѣсколько пріемовъ; онъ потребовалъ человека для объясненій.

— Послушай, человекъ, вѣдь мы выпили только полбутылки шампанскаго

— Точно такъ, но приказали подать бутылку.

— Обыкновенно спрашиваютъ бутылку, а коли выпили половину, такъ за половину только и платять.

— Обыкновеннаго вина, а не шампанскаго: ужъ это вино никуда не годится, если его откупорили.

— Оно уйдетъ у васъ на соусы.

Поворчавъ немного, онъ сравнилъ цѣну вина съ цѣнами кушаньевъ, — потомъ повѣрилъ итогъ, — и сказалъ въ полголоса: — Чортъ возьми? двадцать-пять су за одну грушу!... Потомъ заплатилъ, медленно вынимая одну за другою четыре монеты во сто су, и когда ихъ достаточно видѣлъ, завернулъ въ поданный счетъ.

Во все это время собесѣдникъ его сидѣлъ какъ на иголкахъ, — смотрѣлъ на потолокъ, — расковыривалъ себѣ до крови десна зубочисткой, спиналъ и надѣвалъ перчатки.

Уходя, онъ снялъ съ крючка шляпу своего амфитріона, и подалъ ему.

— Можно однакожь по-обѣдать за шесть су! — сказалъ я самъ-себѣ.

Есть люди, эгоистическіе до такой степени, что готовы считать себя средоточіемъ, цѣлю, причиною всего, что есть, что случается.

— Это только сомной можетъ случиться такая штука, говорилъ на-дняхъ одинъ господинъ, въ ужасной досадѣ.

— Что такое? спрашиваютъ его.

— Да развѣ вы не видите, какой идетъ дождь?!

Жандармъ поймалъ на мѣстѣ преступленія вора, старика лѣтъ семидесяти слишкомъ.

— Несчастный, говорилъ ему жандармъ: какъ тебѣ не стыдно! дожилъ ты до такихъ лѣтъ, и что-же теперь? долженъ будешь остальную жизнь провести въ тюрьмѣ!

— То-то и есть, что я не такъ несчастливъ, какъ ты думаешь, отвѣчалъ воръ: вотъ ужъ я ворую болѣе шестидесяти лѣтъ, а попался всего только въ первый разъ!...

Нѣтъ, я не похожъ на васъ, говорилъ одинъ департаментскій чиновникъ своимъ товарищамъ: я не дамъ спуска своему директору, даромъ что онъ такой горячій и сердитый.

— Быть не можетъ, возразили ему товарищи: помилуй, онъ, чего добраго, какъ разъ оставитъ мѣста.

— Какъ-бы не такъ! Да вотъ вчера еще, онъ при мнѣ вдругъ говоритъ: Ахъ, какими терпеніями усыпана жизнь наша! — Извините, ваше превосходительство, сказалъ я: не все тернія, — бываютъ иногда и розы! — Да, такъ таки и сказалъ, — не побоялся!...

Куда какъ изобрѣтательна спекуляція! Домъ, въ которомъ родился Вальтеръ Скоттъ, въ Эдинбургѣ, превращенъ нынѣ въ гостиницу для прибѣгающихъ. Благодаря имени знаменитаго романиста, *красующеся на вытоскъ*, поѣстители стекаются въ эту гостиницу во множествѣ.

Хотите-ли знать, какъ иное извѣстіе путешествуетъ по газетамъ, и какіе виды принимаетъ оно, переходя пзъ одного листа въ другой? Вотъ послушайте.

Journal des Débats напечаталъ: Въ Гаврѣ поймали неведомъ рыбу, съ двумя лапами, похожими на человѣчьи руки.

Voleur передалъ это такъ: Въ Гаврѣ показываютъ теперь рѣдкость, а именно: рыбу съ двумя хорошо образовавшимися руками.

Frankfurter Ober-Postants-Zeitung: Весь Гавръ въ волненіи. Одинъ рыбакъ поймалъ рыбу съ человѣческимъ лицомъ, руками и ногами. Эту рѣдкость намѣрены отправить въ Парижъ.

Preussische Allgemeine Zeitung: Въ мудрое царствованіе Лудовика Филиппа поймана недавно въ Гаврѣ рыба, имѣющая совершенно-человѣчскій образъ и — о чудо! — украшенная національными цвѣтами нашего благословеннаго отечества, а именно: чешуя на ней бѣлая и черная.

Vossische Zeitung: Гавръ. Какіе-то (?) рыбаки поймали, какъ говоритъ здѣшняя газета, какую-то совершенно-незвѣстную рыбу. Передняя часть этого животнаго (ага!) походить на человѣческое тѣло, съ двумя руками и хорошо-означившеюся грудью, а задняя (!) часть совершенно рыбья. Длинна эта рыба $4\frac{1}{2}$ фута, и обыкновенно держитъ верхнюю часть тѣла поверхъ воды. Во всякомъ случаѣ радуемся этому новому явленію, доказывающему большіе успѣхи между рыбаками.

Mannheimer Abendzeitung: Въ Гаврѣ, говорятъ, поймана неведомъ рыба, образованная какъ человѣкъ.

Friersche Zeitung: Въ Гаврѣ поймано какое-то существо, про которое не знаютъ что сказать, человѣкъ оно или рыба. Когда его вытащили на берегъ и стали разсматривать, то оно вскричало: *O, ей!*

Rheinischer Beobachter: Говорятъ, въ Гаврѣ поймали рыбу, образованную совершенно какъ человѣкъ. Вѣрно, опять нелѣпость, выдуманная оппозиционными газетами.

Münchener-Politische-Zeitung: Гаврскія газеты отъ 7-го сего мѣсяца рассказываютъ, что въ округѣ его святѣйшества епископа Алтѣрскаго, бѣдный благочестивый рыбакъ поймалъ невиданную до-сихъ-поръ рыбу съ четырьмя руками и маленькою головою. Рыбакъ получилъ позволеніе показывать рыбу за деньги и такимъ-образомъ, небо, никогда непокидающее добрыхъ и благочестивыхъ, вспомнило и объ немъ.

Oesterreichischer Beobachter: Въ Гаврѣ, во Франціи, поймана рыба съ четырьмя руками и маленькою головою. Въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, это самое важнѣйшее происшествіе.

Sächsische Vaterlands-Blätter: Въ Гаврѣ пойманъ**ской финансовый чиновникъ.

Kölnische Zeitung. Гаврѣ (*изъ гаспаго письма*). Многіе здѣшніе журналы сообщаютъ ложное извѣстіе о пойманной будто-бы рыбѣ, похожей на человѣка; извѣстіе это выдумано одною здѣшнею оппозиціонною газетою, и есть сатира на вновь-выбраннаго министерскаго депутата, у котораго какая-то рыба фамилія (Poisson), и рыбій характеръ.

Отъ *гаспаго* сдѣлайте заключеніе къ *изустному* — и по-сему разубивайте о прочемъ.

Одинъ богатый банкиръ, лишившись жены, которая столько-же была дурна лицомъ, сколько прекрасна душою, женился вскорѣ на другой женѣ, — горничной покойницы, и столько-же хорошенькой лицомъ, сколько вѣтренной и легкомысленной характеромъ. У этой молодой супруги г-на банкира скоро завелась цѣлая толпа обожателей, и въ числѣ прочихъ одинъ молодой баронъ, отличившійся при этомъ случаѣ петнино рыцарскимъ поступкомъ, а именно: разъ на свиданіи съ супругою банкира, въ публичномъ саду, онъ забылъ на скамейкѣ, на которой они бесѣдовали, свой бумажникъ.

Въ бумажникѣ этомъ было вѣсколько писемъ банкирши, и 10,000 гульденовъ денегъ. Бумажникъ нашелъ честный смотритель за садомъ и представилъ его въ полицію. Полиція вызвала барона и предложила ему получить обратно свою потерю. Но что же? Баронъ отказался отъ бумажника, увѣряя, что онъ не только не терять ничего подобнаго, но что даже и небылъ уже Богъ знаетъ сколько времени въ публичномъ саду. Деньги были отданы полицією въ кассу бѣдныхъ. Такое пожертвованіе заслуживаетъ страницы въ исторіи любовныхъ похожденій.

Бѣднякъ, умравшій съ голоду, укралъ хлѣбъ; его поймали на дѣлѣ и представили въ судъ. Президентъ, толстый здоровякъ, грозно обратился къ нему съ вопросомъ: Что побудило тебя къ воровству?

— Ахъ г-въ президентъ, отвѣчалъ бѣднякъ: я былъ такъ голодень...

Президентъ съ гнѣвомъ прервалъ его: Голодень! Голодень! Это не оправданіе. Я всякой день бываю голодень, однакожъ не ворую.

Вильгельмъ Будеусъ, знаменитый рекетмейстеръ французскаго короля Франциска I-го, подъ старость такъ страстно предавался наукамъ, что предоставилъ всѣ домашнія и другія дѣла въ полное завѣдываніе и распоряженіе жены своей, и до такой степени сдѣлался ко всему этому не вниматель, что когда разъ къ нему въ кабинетъ вбѣжалъ слуга и сказалъ, что у нихъ въ домѣ пожаръ, то Будеусъ сердито закричалъ на него: Что ты, дуракъ, лѣзешь ко мнѣ? Вѣдь ты знаешь, что всѣмъ домою завѣдуетъ жена, а не я!...

На одномъ изъ такъ-называемыхъ базаровъ, на которыхъ парижскія дамы играютъ для пользы ближняго роль торговокъ, сидѣла въ числѣ прочихъ, за прилавкомъ, одна изъ первыхъ красавицъ парижской аристократіи. Многіе изъ посѣтителей базара спѣшили по призыву прекрасной торговки развязывать свои кошельки и платить въ угоду ей въ три-дорога за самыя пустыя вещицы. Только одинъ молодой человекъ, прекрасно-одѣтый, любовался красавицею и не покупалъ ничего.

— А вы, государь мой, сказала ему дама: развѣ ничего не купите у меня?

— Я, сударыня?

— Да, что вы хотите взять?

— Что-бы я хотѣлъ, то, къ-несчастью, непродажно, сказалъ левъ нѣжнымъ голосомъ.

— Однакожъ, быть-можетъ...

— Право, я не смѣю и сказать объ этомъ.

— Говорите, говорите.

— Если вы приказываете, сударыня... Я желалъ-бы купить одинъ локонъ вашихъ волосъ.

Дама, ничего не отвѣчая, взяла ножницы, отрѣзала локонъ своихъ волосъ и подала его удивленному франту, говоря:

— Это стоить 500 фр., милостивый государь.

Разумѣется, торговаться или отказываться отъ покупки было невозможно, и левъ, скрѣпя сердце, принужденъ былъ заплатить 500 фр. въ пользу бѣдныхъ.

НѢЧТО О СТРАЖАХЪ ЧИСТОТЫ И ПРАВИЛЬНОСТИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

..... Разстояніе между Петербургомъ и Москвою невелико, а между-тѣмъ, сколько есть старинныхъ русскихъ словъ, которыя на каждомъ шагу вы услышите въ Москвѣ, и никогда не услышите въ Петербургѣ! Намъ случилось недавно слышать отъ чело-вѣка, никогда невыѣзжавшаго изъ Петербурга, вопросъ, что такое значить слово *магарычъ*, вычитанное имъ въ какой-то газетѣ? И къ удивленію нашему, мы узнали, что многіе изъ Петербуржцевъ не знаютъ этого слова. *Магарычъ* (происхожденія татарскаго), значить то-же, что въ Петербургѣ *литки* (этого слова, на-оборотъ, въ Москвѣ не знаютъ); говорятъ: *литки пить*, т. е. взаимно угощать другъ-друга, по-случаю какого-нибудь выгоднаго для обѣихъ сторонъ дѣла, дѣла, которое *слилось*, такъ сказать. *Магарычъ* — тоже самое, хотя принимается и въ другихъ значеніяхъ:— *А будетъ-ли магарычъ* (подарокъ, награда)? спрашиваетъ васъ какой-нибудь ходокъ по-дѣламъ, которому вы поручаете хлопоты о чемъ-нибудь.— *Пожалуй-же на магарычъ* (на-водку) говоритъ вамъ, почесываясь, ямщикъ, привезшій васъ на станцію.... Вообще у насъ чрезвычайно-мало сдѣлано по части сравнительнаго словаря на-

рѣчій русскаго языка, а это предметъ великой важности для филологій. Недавно въ Саратовскихъ, Олонецкихъ и нѣкоторыхъ другихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», были напечатаны опыты подобнаго рода словарей, объясняющихъ мѣстныя слова, употребляемыя въ губерніи; это трудъ, за который многіе скажутъ спасибо г-мъ редакторамъ: дай Богъ, чтобы они не остановились на первомъ началѣ, и чтобы другіе послѣдовали ихъ благому примѣру! Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ читать простодушныя замѣчанія иныхъ знатоковъ русскаго языка, стоящихъ, по ихъ собственному увѣренію, на стражѣ чистоты и правильности отечественнаго слова: они съ важностію провозглашаютъ о какихъ-нибудь новыхъ, *сдѣланныхъ или*, открытіяхъ въ русскомъ языкѣ, а эти важныя открытія извѣстны послѣднему мужику Московской-губерніи. Такъ одинъ изъ *стражей русскаго языка* нѣсколько разъ съ важностію разглагольствовалъ о многозначительности русскаго выраженія *бойкое мѣсто*, въ первый разъ встрѣтившагося ему въ какомъ-то объявленіи въ «Полицейской газетѣ» (а это объявленіе, вѣроятно, писано самымъ простымъ человѣкомъ, лавочникомъ, дворникомъ и т. п.); между-тѣмъ какъ всякому русскому человѣку выраженіе это извѣстно съ малыхъ лѣтъ, когда его называли *бойкимъ мальчикомъ*, когда онъ ѣзжалъ на *бойкихъ коняхъ*, по *бойкой дорогѣ*, и живалъ на *бойкомъ мѣстѣ*! Тотъ-же самый *стражъ русскаго языка* уличалъ знаменитаго баснописца русскаго въ неправомерности, будто бы, употребленнаго имъ выраженія: «*Расторговался въ пухъ*», увѣряя, что можно сказать только «*разориться въ пухъ*», а нельзя *расторговаться въ пухъ*; между-тѣмъ опять такъ каждому русскому человѣку извѣстны съ малыхъ лѣтъ выраженія: *разрядиться въ пухъ*, *расторговаться въ пухъ*, *разбить въ пухъ*, *разбранить въ пухъ*, и т. п. И всѣ эти выраженія даже правильнѣе, по-крайней мѣрѣ, *логичнѣе*, нежели слова *разориться въ пухъ*. Почему, спросите? — Подумайте сами, — вѣдь вы русскій человѣкъ; напомнимъ вамъ только, что отъ слова *пухъ* происходитъ слово *пышный*.

Вотъ если рѣчь пойдетъ о нѣмецкомъ языкѣ, тутъ дѣло другое: въ Петербургѣ нѣмецкій языкъ знаютъ лучше, нежели въ Москвѣ. Но и то мы, выросшіе и воспитанные въ Москвѣ, на-слово каждому Петербуржцу не повѣримъ. Намъ говорятъ, на-примѣръ: «Редакторъ ежедневной газеты въ XIX столѣтіи не знаетъ, что значить *stehende Artikeln*. Это совершенно то-же, если-бъ литераторъ не зналъ, что такое *книга*, *вошь* не зналъ, что такое *ружье* и т. п.» — Совершенно такъ, отвѣчаемъ мы, и тѣмъ

стыднѣе, если этотъ редакторъ ежедневной газеты въ XIX столѣтїи редактируетъ газету болѣе двадцати лѣтъ, и прошелъ всю Европу, отъ Торнео до Лиссабона: это все то-же, что двадцать лѣтъ не сходить съ боеваго коня, и ни разу не понюхать пороху! Въ доказательство того, что мы знаемъ, что такое значить выраженїе *stehende Artikeln*, имѣемъ честь слова объяснить, что выраженїе это означаетъ *капитальныя статьи*, т. е. такія, которыя, во всѣхъ благоустроенныхъ редакціяхъ европейскихъ газетъ, *стоятъ въ запасъ* (*articles du fond*, по-французски) на случай, если будетъ недостатокъ въ *летучихъ* статьяхъ, т. е., въ ежедневныхъ извѣстіяхъ (*fliegende Artikeln*, *articles du jour*); интересъ *капитальныхъ статей*, *stehende Artikeln*, не зависить отъ времени и случая: недѣлей раньше, недѣлей позже, — онѣ своей занимательности не теряютъ; *статьи летучія* или *fliegende Artikeln*, на-противъ, теряютъ весь интересъ отъ одного дня, и интересныя нынче, завтра становятся нкуда негодными; на-примѣръ, въ одной газетѣ напечатано, положимъ, въ прошлый четвергъ, 28-го марта, что Нева вскрылась въ 22-хъ *верстахъ* отъ Петербурга: извѣстіе своевременное, ксати, интересное; другія перепечатали это въ пятницу, когда ужъ Нева вскрылась въ 13-ти *верстахъ* отъ Петербурга: извѣстіе потеряло всю свою занимательность, и вышла, по русской пословицѣ — *посль ужина горчица!* Угодно вамъ повѣрить справедливость нашихъ словъ, спросите у образованнаго Нѣмца, — который былъ издателемъ, редакторомъ газеты, или по-крайней-мѣрѣ печаталъ газету въ своей типографїи, — что значить *stehende Artikel*, и онъ вамъ скажетъ то-же самое, что говорили мы; а такъ на-слово, извините, мы вамъ не повѣримъ, какъ не повѣримъ и тому, кто станетъ утверждать, что Гоголь дурной писатель, что его сочиненія въ переводѣ были дурно приняты въ Парижѣ и вообще за-границей: въ этомъ случаѣ мы вѣримъ во-первыхъ, *собственными глазами*, тому, что мы читали о Гоголѣ въ «*Journal des Débats*,» въ «*Revue des deux mondes*,» въ «*Illustration*» и другихъ изданїяхъ, а во-вторыхъ вѣримъ *критиками*, пользующимся *европейскою славою*, каковъ, на-примѣръ, *Сенъ-Бѣвъ*, который на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова, никогда не жилъ.... *Sapienti sat!*

СМЪ СЪ.

РОЖОКЪ ТАБАКУ.

(Разказъ Альтарюша).

У меня дядюшка-очень любезный старичокъ 63-хъ лѣтъ, а тѣтушка также очень-добрая старушка 60-ти лѣтъ. Можно сказать смѣло, что въ нихъ нѣтъ никакихъ недостатковъ; но за-то въ обоихъ есть своего рода странность. Дядюшка мой не можетъ взять щепотки табаку,—который впрочемъ онъ употребляетъ очень-часто,—чтобы не вздохнуть отъ удовольствія и не взглянуть из-коса на портретъ молодой женщины, которымъ украшена его табакерка. У тѣтушки другая странность: она тщательно подбираетъ всѣ бумажки, гдѣ-бы онѣ не валялись, и сожигаетъ ихъ до тла, несмотря ни на какое время года, хотя-бы для этого должно было нарочно нѣсколько разъ зажигать свѣчу.

Если вы спросите у тѣтушки, для чего это она дѣлаетъ? Вотъ ей отвѣтъ:—Какъ знать, что въ этихъ лоскуткахъ бумажекъ, брошенныхъ, по разбѣянію или небреженію, на полъ или куда-нибудь, гдѣ имъ быть не мѣсто, не заключается важная тайна, которую желали уничтожить, но, по неосторожности, обронили; мало-ли что можетъ заключать въ себѣ весьма незначущій листокъ, и ка-

кія могутъ произойти отъ него послѣдствія, если онъ попадетъ въ руки охотникамъ до сплетней? Сколько мы видимъ примѣровъ, что отъ нѣсколькихъ пустыхъ словъ разрушается домашнее спокойствіе, семейное счастье; изъ самаго незначущаго поздравленія съ повѣымъ годомъ, злые языки, повѣрьте мнѣ, съумѣютъ извлечь много дурнаго. Я говорю это по опыту; я сама также попалась одинъ разъ, но благодаря Бога, моя неосторожность послужила мнѣ къ счастью; а вѣдь могло-бы случиться и иначе. Вѣрьте мнѣ, слушайте моего совѣта, жгите всѣ ваши бумажки, самыя ничтожныя, даже счета должниковъ. Вы отъ этого ничего не потеряете, а домашняя чистота много выигрываетъ, да и на сердцѣ спокойнѣе.

Вотъ слова моей тѣтушки; если-же, отойдя отъ нея, вы сдѣлаете подобный вопросъ дядюшкѣ, о чемъ онъ вздыхаетъ, то онъ вамъ скажетъ: «Ахъ! табакъ! табакъ! онъ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи моей жизни; онъ рѣшилъ мою участь и я каждый разъ, какъ его нюхаю, съ душевнымъ умпленіемъ и самодовольствіемъ вспоминаю объ этомъ приключеніи.» Ужъ вы тутъ никакъ не отдѣляетесь отъ моего дядюшки — который, въ скобкахъ сказать, поговорить такъ-любить, — не выслушавъ разсказа его объ этомъ приключеніи; добрый старикъ разсказываетъ объ немъ съ такимъ-же удовольствіемъ, съ какимъ нюхаетъ табакъ. Ужъ онъ непремѣнно хотъ одинъ разъ въ день разскажетъ свою исторію, не измѣняя въ ней ни одного слова, сначала до конца. Разсказъ обыкновенно пачинается откашливаніемъ; тѣтушка, привычная къ этому призыву, является, садится подлѣ дядюшки, и дядюшка пачинаетъ слѣдующимъ образомъ.

Въ двадцать лѣтъ я былъ молодецъ хотъ куда; доказательствомъ тому можетъ служить вотъ этотъ портретъ, что виситъ между окнами; природа щедро наградила меня своими дарами, но за то Фортуна жестоко обидѣла. Я въ молодости остался сиротою. Отецъ мой, старый морякъ, умирая, завѣщалъ, чтобы я послѣдовалъ его примѣру, вступилъ также въ морскую службу; исполняя свято волю его, я явился къ Виллеро Жоайезу, другу нашего семейства; онъ назначилъ меня своимъ секретаремъ, и съ нимъ я долженъ былъ пуститься въ море, при первой компаніи, которой надо было ожидать очень въ скоромъ времени.

Въ это время жилъ въ Парижѣ г. Рубиръ, старый другъ и товарищ моего отца; онъ всегда говорилъ мнѣ, что многимъ обязанъ моему батюшкѣ, что безъ помощи его никогда не приобрѣлъ-бы такого состоянія. Онъ уже давно оставилъ всѣ торговыя дѣла, поселился въ Парижѣ съ женою и 17-ти лѣтнею дочерью Элизою; я, въ ожиданіи своего отъѣзда, проводилъ всѣ свободные часы въ этомъ миломъ семействѣ, въ которомъ я былъ принятъ какъ родной. Надо вамъ сказать, что я воспитывался вмѣстѣ съ Элизою и любилъ ее, какъ родную сестру. Элиза была прелестная дѣвушка: короче сказать, я не видывалъ подо-

бной красавицы. Я былъ привязанъ къ ней всей душою; никогда не стараясь дать себѣ отчетъ въ этой привязанности, я видѣлъ ее всегда съ большимъ удовольствіемъ и если служба моя заставляла меня долѣе обыкновеннаго пробывать розно съ нею, я чувствовалъ, что мнѣ чего-то не доставало, но я приписывалъ все это дружбѣ, чувству очень-простому между молодыми людьми, выросшими и воспитанными вмѣстѣ. Я никакъ не догадывался, что любилъ ее не братской любовью, и слава Богу, потому-что это открытіе было-бы для меня ужасно. Элиза была слишкомъ-богата для меня, я не смѣлъ надѣяться жениться на ней; а я былъ слишкомъ честенъ, и не рѣшился-бы обольстить дочь моего благодѣтеля, котораго считалъ своимъ вторымъ отцомъ.

Къ-счастію я не подозрѣвалъ въ себѣ никакого особеннаго чувства и жилъ-бы въ совершенномъ спокойствіи, если-бъ не волновала меня мысль о скоромъ отъѣздѣ, который, казалось, былъ неизбѣженъ.

Вилляре Жойезъ ожидалъ въ Брестѣ только приказаній о конвенціи, и уже слухъ пошелъ, что нашъ флотъ долженъ пуститься въ море, для защиты эскадры, подвозящей хлѣбъ изъ Соединенныхъ-Штатовъ, по случаю тогдашняго голода. А такъ какъ Вилляре предупредилъ меня, что я отправлюсь въ первое дѣло, то я каждую минуту ожидалъ приказанія послѣдовать за нимъ.

Въ одинъ вечеръ, когда я долженъ былъ провожать г-жу Буваръ съ дочерью въ театръ, Элиза во-время своихъ сборовъ успѣла отпустить мнѣ нѣсколько колкостей, принявъ маленькую бонбоньерку, которую я держалъ въ рукахъ, за табакерку: я забылъ вамъ сказать, что Элиза чувствовала ужасное отвращеніе къ табаку, и никогда не пропускала случая, чтобы не сказать какой-нибудь остроты въѣмъ своимъ знакомымъ, нюхавшимъ табакъ; но такъ какъ ея шутки всегда были остроумны, то никто за это на нее не сердился, а смѣялись вмѣстѣ съ нею; она такъ хорошо проповѣдовала, что заставила своего отца отказаться отъ табаку, и многіе изъ ея угодниковъ, которыми она была всегда окружена, пришли ей въ жертву свои табакерки, но, разумѣется, нюхали тайкомъ.

Чтобы жить въ ладу съ Элизою, я никогда не бралъ въ руки табаку; да впрочемъ, я этимъ не приносилъ большой жертвы моей капризной подругѣ: я самъ чувствовалъ къ нему отвращеніе.

Въ этотъ вечеръ пока Элиза ораторствовала, надѣвая свою мантію, я нарисовалъ карандашомъ, въ коррикатурѣ, голову, нюхающую табакъ, и поднесъ ей.

— Это очень любезно, сказала г-жа Буваръ. Ну, Элиза, отплати и ты тѣмъ-же Морису отдай ему портретъ, что ты нарисовала въ своемъ альбомѣ.»

Мнѣ показалось, что Элиза покраснѣла.— Теперь нѣкогда, маманъ, сказала она: да къ тому-же мой альбомъ такъ дуренъ, что я

не хочу его никому показывать; я вчера и третьягодня рисовала въ немъ разныя глупости.

— Что-жь за бѣда, отвѣчала я, улыбувшись: покажите пожалуйста.

— Полю, Элиза! неужели ты вздумала церемониться съ Морисомъ? А! понимаю, она не смѣетъ его показать вамъ, потому что нарисовала вашъ портретъ.

— Мой портретъ?... Нѣтъ, ужь теперь я не отстану.

Элиза никакъ не могла отговариваться долѣе, потому что мы были именно въ ея комнатѣ: ей стоило только открыть бюро и вынуть альбомъ. Наконецъ, она рѣшилась на это, но съ замѣтнымъ безпокойствомъ. Меня это удивило и я не спускалъ глазъ съ моей юной подруги. Я замѣтилъ, что, взглянувъ въ альбомъ, она вырвала изъ него нѣсколько страницъ, и бросила на полки своего письменнаго стола; но несчастію, листки соскользнули съ полокъ и упали на полъ. Я бросился поднимать ихъ, признаюсь откровенно, больше изъ любопытства, чѣмъ изъ вѣжливости. Я сдѣлалъ такое быстрое движеніе, что Элиза не успѣла меня предупредить и, оттолкнувъ листки ногою, сказала мнѣ съ примѣтнымъ смущеніемъ:

— Не безпокойтесь, — эти листки мнѣ неужны, — горничная сожжетъ ихъ, убирая комнату.

— Слушаю, сударыня, отвѣчала Марія. Элиза такъ торопилась схватить, что я едва могъ рассмотреть свой портретъ, который точно имѣлъ разительное сходство. Я положилъ альбомъ въ карманъ, поблагодарилъ Элизу, и мы отправились въ театръ.

Во-время спектакля, она была разбѣяна, на всѣ мои вопросы отвѣчала съ замѣшательствомъ; все это меня такъ тревожило, что я не зналъ, чему приписать это безпокойство.

Я чувствовалъ, что это не одно простое любопытство; оно не могло быть такъ мучительно. Если-бъ я подозревалъ въ себѣ любовь, то, конечно, счелъ-бы его за ревность.

Я очень обрадовался, что г-нъ Рубиръ пріѣхалъ въ театръ, и тотчасъ откланялся своимъ дамамъ, извиняясь сильною головою болью. Я прямо отправился къ дому Элизы. Эти листки не давали мнѣ покоя; я имѣлъ надежду выспросить ихъ у горничной, или другимъ какимъ-либо средствомъ, но непременно достать ихъ. Теперь я сознаюсь, что это любопытство начинало походить на ревность. Я началъ составлять планы атаки на горничную, какъ улышалъ ея голосъ въ табачной лавочкѣ, подлѣ ихъ дома; она принесла кучу журналовъ и прочихъ бумагъ, которыя продавала на вѣсъ табачницѣ. По заключеніи торга, служанка вышла съ горстью денегъ, а табачница начала дѣлать рожки изъ своей новой покупки.

Меня вдругъ поразила мысль: что, если горничная, вопреки приказанію своей барышни, вмѣстѣ того, чтобы сжечь эти мучительные листки, присоединила ихъ къ прочимъ бумагамъ и про-

дала съ вѣса табачницѣ? Я въ ту-же минуту явился въ лавку подъ предлогомъ купить табаку, и велѣлъ себѣ подать четверку. Пока его отвѣшивали и завертывали, я, съ сильнымъ биеніемъ сердца, устремилъ глаза на кучу бумагъ... и чтоже? вдругъ узнаю въ нихъ завѣтные листки, писанныя рукою Элизы. Я потихоньку вытаскихъ три листка, понавѣсія мнѣ на глаза и ежалъ ихъ судорожно въ своей рукѣ. Табачница, разумѣется, ничего не замѣтила, и я вышелъ торжественно съ моею добычею. Пришедши домой, я спѣшилъ развернуть бумажки, съ чувствомъ, котораго до-тѣхъ-поръ еще не испытывалъ... Ахъ! какъ это чувство походило на ревность!

То, что я прочиталъ въ этихъ листкахъ, я знаю наизусть, и въ-продолженіе сорока лѣтъ оно не вышло изъ моей памяти.

22... 10 часовъ.

«Тайна моя тяготитъ меня; но онъ никогда ее не узнаеть; я могу по-вѣрить ее только бумагѣ; можетъ-быть, это облегчитъ меня».

Я никакъ не думала, что люблю его такъ сильно; восьми-дневная разлука съ нимъ доказала мнѣ, что я не могу жить безъ него; мнѣ-бы хотѣлось посвятить ему всю жизнь мою.

22... Полдень.

«Прошелъ отрядъ мимо дома... Дождь идетъ... Какія грустные мысли терзаютъ меня... Что если я съ нимъ разстанусь!... Я чувствую, что эта любовь убьетъ меня».

23... Полдень.

«Вчера я была на балу; и тамъ безпрестанно думала объ немъ; ни танцы, ни комплементы не могли развлечь меня; онъ не выходилъ изъ моей памяти. Что, если-бъ онъ меня любилъ... меня одну... ахъ! итъ, я была-бы слишкомъ-счастлива... Не призваться-ли мнѣ ему въ моей любви?... при одной этой мысли голова моя кружится... Итъ, никогда!»

23... 10 часовъ вечера.

Я дала себѣ слово не писать больше, да не въ силахъ сдержатъ его... я такъ люблю разговаривать сама съ собою, перебирать въ моемъ сердцѣ всѣ радости и горести.— Не понимаю, что со мною дѣлается... а иногда безъ всякой причины я чрезвычайно-весела, потомъ мнѣ станеть вдругъ скучно, не знаю, что дѣлать... куда дѣваться... Бѣдная моя голова, какъ ты труднисься... а бѣдное мое сердце какъ страдаетъ!... Итъ, пора мнѣ взяться за умъ... Я знаю, что эта любовь есть просто сумасшествіе... Буду стараться отыскать въ немъ разные недостатки... Не буду любить его... Я сама не понимаю, что говорю... ахъ! какое ужасное положеніе!... Я не

хочу больше любить его... Да что-жь за жизнь моя... что за будущность безъ него?

Любить-ли онъ меня?... На свѣтѣ такъ много молоденькихъ, хорошенькихъ женщинъ, которыя могутъ ему нравиться больше меня!

Какъ мучать меня эти мысли... Я теперь не живу, а страдаю. Сама не знаю, чему смѣюсь, на что сержусь, чему радуюсь, о чемъ плачу... право, кажется, я скоро совсѣмъ помѣшаюсь... Не буду больше о немъ думать... Постараюсь поскорѣй заснуть... а передъ сномъ послѣдняя мысль все только объ немъ.

24... 9 часовъ утра.

«Какъ я дурно спала, безпрестанно думала о немъ; только забудусь на минуту, вижу его во-снѣ... чувствую, что на губахъ вертится одно слово.. а это слово... имя моего....»

Тысяча проклятій! словомъ *моего* кончилась послѣдняя строчка третьяго листка... Имя, которое тотчасъ-же могло пояснить эту задачу... Этимъ именемъ начинался четвертый листокъ, котораго у меня не было и котораго, можетъ-быть, давно уже нѣтъ въ лавкѣ табачницы; и я не могъ, не компрометируя себя, идти туда его отыскивать.

Голова моя горѣла, и потъ каплями падалъ на щеки. О! въ эту минуту, точно, я ревновалъ ее. Да, я любилъ ее, испытывалъ это чувство со всѣми его мученіями.... До-сихъ-поръ эта любовь была убаюкана тихою дружбою: нуженъ былъ сильный переворотъ, чтобы пробудить ее.

Кого-жь это она такъ страстно любитъ? вѣрно, какого-нибудь бальнаго франта, который, пользуясь ея неопытностью, напѣлъ ей разныя заученыя фразы и вскружилъ голову; и она, отдавши ему сердце, вздумала задавать себѣ вопросы:

«Любить-ли онъ меня?»

Ахъ! если-бъ я могъ его узнать!... Я-бы нашелъ причину, чтобы съ нимъ поссориться и убилъ-бы его. А ее — я-не хочу больше видѣть; но, благодаря Бога, разсудокъ пришелъ мнѣ на помощь, и я убѣдился, что не имѣлъ никакого права сердиться за то только, что она меня не любитъ. — Я самъ никогда не говорилъ ей о любви своей. Она была совершенно-свободна; да и по какому праву я вздумалъ быть судьей ея чувствъ? Обязанность друга — охранять ее, подать совѣтъ, если она сдѣлаетъ дурной выборъ, и сожалѣть ее, если она погибнетъ. А чѣмъ-же она виновата, если я несчастенъ?

На другой день меня терзали разныя чувства: униженное самолюбіе, презрѣнная любовь и самъ не знаю, что еще.... только жестоко страдалъ. Мнѣ хотѣлось какими-нибудь средствами

отметить Элизѣ за мои мученія, какъ вдругъ мнѣ попалась четвертка табаку, купленная мною наканунѣ.

Хорошо-же подумалъ я: вотъ мое мщеніе. Не могу-же я безъ всякой причины начать ссору съ Элизою, не имѣю на это права, да и приличіе запрещаетъ; но кто-же мнѣ мѣшаетъ нюхать табакъ при ней, сколько я хочу: она столько разъ проклинала при мнѣ табакъ, такъ ужъ, вѣрно, не вытерпитъ, чтобы не сказать какую-нибудь колкость на-счетъ дурной привычки нюхать табакъ; я стану дѣлать ей на зло: тогда она, вѣрно, догадается, что это съ намѣреніемъ и, конечно, обидится... Кто знаетъ, можетъ быть за этимъ послѣдуетъ объясненіе, и я узнаю, кто... Впрочемъ, во всякомъ случаѣ это ей докажетъ, что я очень-мало дорожу ея мнѣніемъ.

Довольный вполнѣ своими ребяческими планами для начатія войны, я собирался уже идти, какъ мнѣ подали письмо отъ Виллери Жойеза, въ которомъ онъ объявлялъ мнѣ, что нашъ флотъ долженъ въ скоромъ времени пуститься въ море, и приказывалъ мнѣ не поздняе, какъ черезъ три дни, отправиться на «Метителъ», который также долженъ быть въ экспедиціи. Во всякое другое время приказъ, о такомъ внезапномъ отбѣздѣ огорчилъ-бы меня; но въ эту минуту я уже обрадовался такому извѣстію.

Тѣмъ лучше, думалъ я: очень-радъ, что такъ скоро разстанусь съ нею, и ужъ теперь, навѣрно, безъ малѣйшаго сожалѣнія. Съ этими мыслями я отправился къ Элизѣ, и встрѣтилъ ее одну.

— Вашего батюшки и матушки нѣтъ дома? спросилъ я ее чрезвычайно-холодно.

— Батюшка вышелъ, по какому-то важному дѣлу, а матушка, я думаю, дома.

— Я пришелъ съ вами... съ ними проститься.

— Вы уѣзжаете? — При этихъ словахъ она сдѣлала движеніе.

— Завтра, или послѣ завтра, отвѣчалъ я, понохавъ табаку; но Элиза была такъ озабочена, что этого не замѣтила.

— Вы ѣдете... въ море?

— Да, сударыня, мы отправляемся въ дѣло... Тутъ я захватилъ еще шепотку табаку, и просыпалъ половинку на маиншку; этотъ разъ я былъ увѣренъ, что она замѣтитъ; но, кажется, мой почтительный тонъ поразилъ ее больше, чѣмъ табакъ.

— Сударыня? — Что это значитъ? Отъ-чего не зовете вы меня Элизою? Развѣ я не называю васъ, просто, Морисомъ?

— Теперь я не могу больше себѣ позволить этой вольности... есть причины....

Я не зналъ, что говорить, и чтобы скрыть замѣшательство, началъ безпрестанно нюхать табакъ. Я чувствовалъ, что мои ноздри горятъ, и вдругъ такъ чихнулъ, что Элиза не могла не замѣтить.

— Вы нюхаете табакъ! Фи! какая гадость! Но скажите, по-

жалуйста, мой милый Морисъ, что съ вами сбѣлось? Я не узнаю васъ сегодня.

— Вашъ милый Морисъ (я чихнулъ)... Поберегите для другаго... (еще чихнулъ) эти пѣжности; ужъ конечно, не я вамъ милъ. Тутъ я до того зачихался, что не могъ перевести духъ.

— Я васъ не понимаю, сказала Элиза, немного сконфузясь: объяснитесь, ради Бога.

Тутъ я разсказалъ, по какому случаю листки изъ ея альбома попались въ мои руки. Она покрасѣла и опустила глаза. Въ это время мнѣ ужасно хотѣлось чихнуть.

— Берегитесь, сказалъ я ей: такая любовь опасна... Мнѣ васъ жаль, Элиза.

Она взглянула на меня съ необыкновеннымъ выраженіемъ, въ ея взглядѣ отразилась смятеніе, досада и грусть. Она не смѣла говорить, но, казалось, дѣлала вопросы своими взглядами; я продолжалъ:

— Участіе, которое я принимаю въ васъ... которое принимаю... хотѣлъ я сказать...

И снова принялся нюхать. Элиза нахмурила брови, и сказала мнѣ тономъ, въ которомъ замѣтно было, что досада побѣдила все прочія чувства:

— Милостивый государь, ваше поведеніе для меня непоятно. Благодарю васъ за добрый совѣтъ, и поздравляю съ новою милою привычкою, которая придастъ вамъ много любезности.

Сказавъ это, она быстро вышла, оставивъ меня одного чихать на свободѣ. Я былъ очень доволенъ твердостью своего характера, и простясь съ доброю г-жою Рубиръ, которая пригласила меня придти на-вечерь, отправился домой.

Вечеромъ я пошелъ мать и дочь, играющихъ въ пикетъ. Элиза приняла меня очень-холодно, почти съ презрѣніемъ. Я вмѣшался въ игру, и видя, что Элиза дуется на меня, вздумалъ ее разсердить исвѣтнымъ средствомъ; но къ-несчастью, у меня не было больше табаку.... Я попросилъ горничную купить мнѣ восьмушку.

— Табаку?... вскричала г-жа Рубиръ: такъ вы хотите поссориться съ Элизою?

— Я нюхаю по приказанію доктора. У меня ужасный насморкъ.

Она пожала плечами и продолжала играть.

Въ это время вошелъ г. Рубиръ, и потирая руки отъ удовольствія, сказалъ:

— Слава Богу! торгъ заключенъ, и съ нынѣшняго вечера я хозяинъ. Мнѣ кажется, это славное дѣло.

Потомъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— Скажи пожалуйста, ты очень любишь морскую службу, мой милый Морисъ?... Нелучше-ли тебѣ остаться съ нами въ Парижъ?

Прежде отвѣта я взглянулъ на Элизу... Въ эту минуту вошла служанка съ табакомъ.

— Вотъ вамъ табакъ, сударь.

При словѣ «табакъ», улыбка презрѣнія показалаея на губахъ Элизы, которая заставила меня рѣшиться, и я отвѣчалъ съ твердостью:

— Моя участь рѣшена... Я завтра уѣзжаю...

— Очень-досадно... мнѣ теперь, въ очень-важномъ дѣлѣ, нуженъ помощникъ, человекъ, къ которому бы я могъ имѣть полную довѣренность; я рассчитывалъ на тебя, Морисъ; я надѣялся, что никогда съ тобою не разстанусь. (Тутъ я не могъ удержатъ вздоха). Но нечего дѣлать, — не будемъ говорить объ этомъ... Никогда не должно противиться влеченію...

Я развернулъ свой табакъ... Что-жъ представилось глазамъ моимъ?... Почеркъ Элизы!... Что если?... Такъ точно!... Четвертый листокъ!... Я съ трепетомъ взглянулъ на первую строчку, и прочелъ: «Морисъ»... Такъ это имя... имя Мориса... Такъ она любитъ меня!... Я чувствовалъ, что мнѣ дѣлается дурно...

Элиза, слѣдя за всѣми моими движеніями, невольно вздрогнула, узнавъ свой листокъ. Я, указывая пальцемъ на роковое слово, устремилъ на нее взглядъ, которымъ хотѣлъ сказать:

— Ты видишь, Элиза, причину моей грусти и суровости. Прости меня, что я не угадалъ твоихъ чувствъ, бранилъ тебя, хотѣлъ обидѣть... Умоляю, — прости меня!

И прибавилъ громко:

— Я остаюсь, г-нъ Рубиръ, остаюсь въ Парижѣ! —

— Тѣмъ лучше, сказалъ добрый старикъ: завтра я самъ напишу къ Вилляре о нашихъ новыхъ предпріятіяхъ, и съ-этихъ-поръ ты навсегда останешься съ нами, въ нашемъ домѣ; я самъ тебѣ растолкую твои новыя обязанности... Стало-быть, все кончено?

Я былъ въ восторгѣ и улыбка удовольствія просіяла на лицѣ Элизы. Я былъ такъ счастливъ, что не могъ больше владѣть собою; я вскочилъ, какъ сумасшедшій, началъ цѣловать Элизу, г-на Рубира, жену его; кажется, даже горничную. Эта театральная выходка повела за собой полное признаніе нашей любви.

Чтобъ сократить объясненіе я разказалъ все, и даже показалъ листы альбома. Почтенный старикъ много этому смѣялся, и сказалъ намъ:

— Тутъ нѣтъ ничего дурнаго, дѣти мои. Морисъ, ты женишься на Элизѣ. Это было мое всегдашнее желаніе... Я только ожидалъ, чтобы ты немножко подвинулся въ своей карьерѣ... но случай рѣшилъ иначе... Не все-ли равно — немного раньше или немного позже?

Я не уѣхалъ на «Мститель», а женился на Элизѣ.

Чтобы получить разрѣшеніе нюхать табакъ, я долженъ былъ

вдѣлать ей портретъ въ свою табакерку, и только изъ нея мнѣ позволено нюхать.

Благодаря Бога, мы наслаждаемся счастьемъ уже сорокъ лѣтъ.

Конецъ исторіи моего дядюшки.

Какъ только дядюшка кончаетъ свое повѣствованіе, тетушка въ свою очередь начинаетъ рѣчь:

— Видите-ли, чему мы подвергаемся, бросая наши бумажки? Если-бъ эти листки, которые я должна была вырвать, по вове непередвидѣнному случаю, попали въ руки какого-нибудь франта или простаго знакомаго, я-бы непременно подверглась, если не сраму, такъ насмѣшкамъ. И если-бы Морисъ не былъ такимъ честнымъ человѣкомъ, и если-бы находился въ другомъ положеніи, онъ могъ-бы употребить во зло мою тайну, и погубить меня. Во всякомъ случаѣ, въ этихъ листкахъ могло заключаться несчастье всей жизни бѣдной женщины.

— Теперь вы понимаете, прибавляя съ своей стороны дядюшка: мою пламенную любовь къ табуку. Если-бъ не безумная мысль, — начать нюхать его, чтобы разсердить Элизу, я-бы никогда не узнала тайны ея. Я-бы уѣхала съ отчаяніемъ въ сердцѣ, и вѣрно-бы давно потонулъ вмѣстѣ съ «Мстителемъ» во-время Преріальской битвы. А спокойная счастливая жизнь, ужъ конечно, гораздо-лучше всякой славной кончины....

Въ это время обыкновенно дядюшка цѣлуетъ тетушку, и остается въ нетерпѣливомъ ожиданіи слѣдующаго дня, чтобы опять разсказать кому-нибудь свою исторію.

ПЛЯСКИ ВИЛЛИСЬ.

(Венгерская легенда).

Надменный баронъ Левенштейнъ, сидя на балконѣ своего замка, устремляя мрачные взоры на дорогу между горъ, которая, пересекая узкую долину, ведущую въ Тренкинъ, разстилалась по теченію Ваги, до богатой деревни.

Молодой человѣкъ, прекрасной наружности, на легкомъ конѣ,

выбъжалъ изъ воротъ замка; во всѣхъ его движеніяхъ замѣтно было какое-то самодовольствіе; въ эту минуту горькая улыбка пробѣжала по лицу барона, — онъ кликнулъ слугу:

— Позови дочь мою.

Черезъ нѣсколько минутъ молодая дѣвушка вошла въ комнату своего отца; онъ ввелъ ее на мраморный балконъ, и спросилъ:

— Ты видишь человѣка, скачущаго во весь опоръ? узнаешь ты его?

Бѣдная дѣвушка, побѣдивъ душевное волненіе, отвѣчала: «Узнаю, батюшка: это вашъ пажъ Жюла».

— Ты его никогда больше не увидишь, сказалъ очень-хладнокровно отецъ.

При этихъ словахъ она лишилась чувствъ, и, вѣрно-бы, упала на полъ, если-бъ могучая рука отца не поддержала ее; онъ, поручивъ дочь попеченію служанокъ, немедленно вышелъ.

Между-тѣмъ Жюла продолжалъ путь свой, не подозрѣвая ужасныхъ замысловъ барона: ему было поручено отвезти письмо въ Постены, къ настоятелю монастыря Рыцарей Храма; баронъ приказалъ хранить втайнѣ это порученіе; стараясь всегда, какъ только могъ, заслужить милости своего господина, онъ былъ очень-обрадованъ такою довѣренностью, — и сколько очаровательныхъ надеждъ толпилось въ головѣ нашего любовника! вѣроятно читатели уже сами догадались, что Жюла былъ влюбленъ въ Энгельку, а она въ него.

Передъ вечеромъ, онъ остановился въ лѣсу, въ небольшомъ разстояніи отъ монастыря, опасаясь пріѣхать туда прежде сумерокъ. Ему хотѣлось явиться къ настоятелю не раньше, какъ съ наступленіемъ ночи. Все это происходило въ самый лучшій майскій день; представьте себѣ: закатъ солнца на безоблачной лазури, пѣніе соловьевъ, тихой шелестъ листьевъ, аромат цвѣтовъ... Не удивительно, что нашъ молодой любовникъ предался вполнѣ своимъ сладкимъ мечтамъ, и только звонъ монастырскаго колокола, раздавшійся посреди тишины лѣса, вывелъ изъ задумчивости Жюлу, и напомнилъ, что пора въ путь; онъ вскочилъ на коня, и отправился по теченію Ваги.

Подѣхавъ къ монастырю, онъ сказалъ условную фразу, по приказанію барона; служитель отворилъ желѣзную дверь, безъ малѣйшаго шума, и спросилъ:

... За приказаніемъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Жюла: отъ барона Левештейна къ настоятелю.

— Хорошо, идите за мною.

Они пришли по извиистой крутой лѣстницѣ въ узкую галерею. Тишина была прерываема только ихъ шагами. Служитель, остановясь у первыхъ дверей, постучался три раза.

— Я одинъ, отвѣтилъ ему кто-то суровымъ, но тихимъ голосомъ.

Служитель указаль пальцемъ на дверь, и исчезъ въ темныхъ сводахъ корридора. Жіула отперъ дверь.

При свѣтѣ лампы, онъ увидѣль настоятеля, сидящаго недвижимо въ старинныхъ креслахъ. Когда молодой человѣкъ подошелъ къ нему такъ близко, что старикъ могъ разсмотрѣть черты лица его, онъ поднесъ руку ко лбу, какъ будто стараея что-то припомнить. Пажъ подавъ ему письмо барона, тотъ распечаталь, и началъ читать: лицо его замѣтно омрачилось, глаза неподвижно устремились на письмо. Въ комнатѣ царствовала такая тишина, что Жіула могъ считать бѣшенія своего сердца. Наконецъ настоятель спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Жіула Фергеджи.

— Кто твои родители?

— Гейза Фергеджи и Сусанна Лорпуди; ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Чье кольцо у тебя на пальцѣ.

— Подарокъ моей матери, на смертномъ одрѣ.

Легкій румянецъ пробѣжалъ по блѣднымъ щекамъ настоятеля; онъ сдѣлалъ знакъ Жіулу, чтобы тотъ сѣлъ, и сказалъ ему:

— Это письмо писано къ моему предшественнику, который какъ будто нарочно уѣхалъ такъ внезапно отсюда, чтобы не исполнить приказанія барона; вотъ что онъ пишетъ:

«Смерть подателю сего письма. Смерть за то, что онъ осмѣлился, будучи незнатнаго происхожденія, влюбиться въ дочь мою. Онъ долженъ погибнуть, но тайно. Чтобы я больше не видалъ его!»

— Да развѣ любовь знатныхъ людей разбираетъ званія? вскричалъ пажъ.

— Молчи! сказалъ настоятель: я имѣю приказаніе отъ моего начальника исполнять всѣ требованія барона.

Жіула вскочилъ въ безпамятствѣ.

— Я не хочу и не могу сдѣлать тебѣ никакого зла. Только дай мнѣ клятву, что никто никогда не узнаетъ нашего разговора.

Жіула поклялся, и устремилъ глаза, полныя слезъ, на своего благодѣтеля, растроганнаго также до глубины души. Наконецъ настоятель сказалъ:

— Нынѣшнюю-же ночь ты долженъ уѣхать отсюда; вотъ письмо къ нашему начальнику въ Кроатин; оно было назначено другому,— я отдаю тебѣ. Прочти его и не забудь своего имени; главнокомандующій опредѣлитъ тебя въ нашу въ армію. Только веди себя хорошо, а остальное предоставь Привидѣнію, и помни, что-бы съ тобой не случилось, ты всегда найдешь во мнѣ друга.

— Чѣмъ я заслужилъ такой участіе, вскричалъ Жіула съ чувствомъ.

— Ты напомнилъ мнѣ уже давно-прошедшее время; мое сердце размячилось, и я не могу больше скрывать отъ тебя тайны, которая до-сихъ-поръ была погребена въ душѣ моей.

Узнай же, что ты два раза обязанъ жизнію своей матери. Я любилъ ее со всею пылкостью твоей молодости, и люблю еще до-сихъ-поръ, какъ моего ангела хранителя. Я познакомился съ нею въ замкѣ ея отца, когда она была еще очень-молода; но, къ несчастію, твой отецъ также узналъ ее и влюбился, какъ и я; да можно-ли было не любить ее? Не стану тебѣ описывать всѣхъ мученій неувѣстности—любимъ-ли я былъ взаимно, или нѣтъ; скажу только, что наконецъ я рѣшился узнать свою участь. Въ одинъ день, подъѣзжая къ ихъ замку, чтобы просить у отца руки ея, вижу, оруженосецъ идетъ ко мнѣ на встрѣчу. Вы пріѣхали очень кстати, сказалъ онъ мнѣ: у насъ въ замкѣ радость, — помолвка Сусанны. Не отвѣчая ни слова, я снялъ съ руки кольцо, которое ты носишь, и вручивъ его оруженосцу, просилъ передать твоей матери; а самъ въ ту же минуту отправился прямо въ монастырь Темплеровъ. Она вышла за-мужъ, а я принялъ монашескій обѣтъ. Спустя нѣсколько времени, къ намъ въ монастырь пріѣхалъ какой-то кавалеръ; онъ рассказывалъ мнѣ разныя новости, которыя я слушалъ безъ всякаго вниманія, какъ вдругъ разговоръ коснулся твоей матери; сердце мое сильно забилося. Описавъ подробно свадебное торжество, онъ мнѣ сказалъ, что невѣста была очень-грустна, что слухи носились, будто она любитъ другаго, и выходитъ за-мужъ по принужденію отца. Каждое слово его терзало мое сердце. Съ-тѣхъ-поръ я ничего не слыхалъ объ ней и не старался разузнавать. Спустя нѣсколько времени я былъ посланъ на Востокъ, — искалъ тамъ смерти, но не нашелъ. Я возвратился оттуда нѣсколько недѣль тому назадъ; и теперь не жалю, что не погибъ подъ ударами Саррациновъ, потому-что могу спасти тебѣ жизнь. Однако уже поздно, — тебѣ пора ѣхать... Прощай... Когда ты почувствуешь изнеможеніе отъ горести, вспомни о моихъ страданіяхъ, и укрѣпись духомъ.

Онѣмѣвъ отъ душевнаго волненія, молодой человекъ почти безъ чувствъ бросился въ объятія старика. Настоятель позволилъ, — вошелъ слуга, — Жюла послѣдовалъ за нимъ, не понимая самъ, что дѣлаетъ. Онъ бросилъ послѣдній взглядъ на замокъ Левенштейнской, и съ невыразимой горестію повернулъ своего коня въ противную сторону отъ знакомой и милой ему дороги.

Въ замкѣ Левенштейнъ царствовала ничѣмъ ненарушаемая тишина; Энгелька не успѣла придти въ себя, какъ уже получено было извѣстіе изъ Постени, отъ настоятеля монастыря, что молодой пажъ, переѣзжая Вагу, утонулъ въ ней.

Энгелька захворала очень-опасно. Энгелька была единственная дочь барона. Не взирая на всю суровость характера, онъ ужасно страдалъ во время болѣзни дочери. Какой-то монахъ, извѣстный искусствомъ своимъ въ леченіи, былъ призванъ въ замокъ и спасъ Энгельку отъ смерти, но не могъ излечить ея болѣзни. Она при-мѣтно изнывала. Такъ прошли лѣто, осень и, наконецъ, наста-

ла зима. Баронъ былъ безпрестанно въ лѣсу, на охотѣ, и, казалось, у него шли какіе-то важныя переговоры съ владѣтелемъ, замка Теметвени. Ангелька же каждый вечеръ призывала къ себѣ свою кормилицу Гунду, и, при свѣтѣ мелькающаго очага, лежа на подушкахъ, заставляла ее рассказывать себѣ старыя легенды—пзвѣстную исторію любви кавалера Аргита, первыя путешествія Венгерцовъ, чудеса миссіонеровъ, и т. п. Она описывала ей счастье, которымъ всегда бываетъ увѣчана постоянная любовь, и неизбежное наказаніе клятвопреступникамъ; иногда толковала ей о душахъ, выходящихъ изъ могилъ для мщенія за измѣну; увѣряла ее также, что любовники несчастные въ этомъ мірѣ, непременно соединятся въ будущемъ. Но Ангелька больше всего любила слушать исторію о Виллисѣ. Эта исторія начиналась всегда слѣдующимъ образомъ.

«Виллиса, милое дитя мое, была молоденькая дѣвушка, которая умерла, будучи невѣстою. Виллисы не знаютъ покоя и на томъ свѣтѣ; онѣ пляшутъ въ лѣсу на всѣхъ перекресткахъ; если онѣ встрѣтятъ какого-нибудь мужчину, то заставляютъ его плясать до-тѣхъ-поръ, пока онъ умретъ. Тогда онъ дѣлается женихомъ послѣдней Виллисы, и душа ея черезъ это успокоивается. Бѣдная моя сестра была Виллиса; я видѣла ее нѣсколько разъ послѣ смерти, при свѣтѣ луны». Потомъ разговоръ продолжался о любви, о страданіяхъ несчастной покойницы. Вотъ какими разказами бѣдная Ангелька усыпляла свои горести.

Наконецъ приблизилась весна. Въ одинъ день баронъ, возвращаясь изъ замка Теметвени, объявилъ своей дочери, что она невѣста владѣтеля этого замка. Ангелька, зная непоколебимую волю родителя, не сказала ему на это ни слова. Баронъ съ удовольствіемъ устремилъ глаза на Вагу. Теперь, думалъ онъ, все, что у меня передъ глазами, будетъ въ полномъ распоряженіи моемъ и зятя моего.

Ангелька, предавшись вполне своему отчаянію, умоляла Господа спасти ее, и Господь услышалъ ея моленія; день-о-дня она становилась блѣднѣе, губы ея побѣлѣли, огонь въ глазахъ потухъ; ея черныя волосы густыми локонами обвилась вокругъ плечъ и шеи, и смерть покрыла ее своею пеленою.... она скончалась.... но, умирая, сказала: «Батюшка, я тебѣ прощаю смерть Жюлы». Это были ея послѣднія слова.

Невольный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ барона.... Когда закрыли гробъ его дочери, онъ велѣлъ зарыть его въ лѣсу, въ пещерѣ, и сдѣлался самъ пустыннымъ этой пещеры. Онъ съ-тѣхъ-поръ не говорилъ ни съ кѣмъ ни одного слова. Слухъ о несчастіи, постигшемъ семейство Левенштейновъ, очень-скоро черезъ купцовъ долетѣлъ до Кроатіи. Жюла, узнавъ о немъ, распродалъ все, что имѣлъ и пустился въ дорогу на свою родину. «Жизнь моя», думалъ онъ: «подобна едва-распустившемуся цвѣтку, котораго тотчасъ-же побилъ буря. Пускай-же, по-крайней-мѣрѣ,

листки этого цвѣтка лягутъ въ той землѣ, гдѣ погребено ихъ счастье. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что баронъ не позволитъ мнѣ жить вмѣстѣ съ нимъ, на ея могилѣ: онъ убьетъ меня, и ужъ тогда никто насъ не разлучитъ съ Энгелькою».

Было около полночи, когда усталый Жиула добрался до Левенштейна. Непонятное чувство овладѣло имъ въ лѣсу; ему послышался какой-то странный осенній шелестъ листьевъ, какой-то унылый стонъ, похожий на жалобное пѣніе соловьевъ, и вдругъ, блѣдный свѣтъ, показался сквозь деревья. Въ эту минуту взошла полная луна, на башнѣ пробило полночь, и онъ увидѣлъ вокругъ себя множество Виллисъ. Послышались слабые голоса мелодическаго пѣнія, въ которомъ выражались любовь и грусть; и привидѣнія съ невѣроятною быстротою начали плясать около него. Вѣнки изъ миртъ, обручальныя кольца блестѣли на нихъ, и длинные волосы развѣвались, какъ дымъ.

Одна изъ Виллисъ подошла и взяла его за руку.. Жиула взглянула на нее, и вскричалъ: «Энгелька!» Она прижала его къ своей груди, и въ ту-же минуту сердце его перестало биться: когда она его поцѣловала, онъ уже былъ мертвъ.

На другое утро баронъ нашелъ въ долинѣ подъ розовымъ кустомъ трупъ, и узналъ въ немъ своего пажу. Онъ поднялъ взоръ свой къ небу, въ которомъ выражались слова: «Отецъ милосердый, прости мнѣ мой великія прегрѣшенія». Послѣ этой краткой молитвы, онъ положилъ тѣло Жиулы на свои плеча, и орошая слезами, похоронилъ подлѣ своей дочери. Энгелька и пажъ часто ему снились, блестяшіе, какъ звѣзды, и въ ихъ взглядахъ всегда выражались утѣшеніе и прошеніе....

СПЕКТАКЛИ НА ВОСТОКѢ.

Хотя на Востокѣ и нѣтъ театральныхъ зрѣлищъ, подобныхъ европейскимъ, хотя тамъ вовсе театра и не существуетъ, однако-же нѣтъ недостатка въ народныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ, а въ новѣйшее время у Турокъ мало-по-мало водворя-

ются и театральные спектакли, въ-особенности съ-тѣхъ-поръ, какъ благочестивые мусульмане начали ближе знакомиться съ правами, обычаями и языкомъ чужеземцевъ. Театръ въ Перу, хотя первоначально основанный для однихъ Франковъ, поселилъ и поселяетъ и въ Туркахъ склонность къ подобнымъ зрѣлищамъ. Въ прошедшемъ году не только посѣщало его постоянно значительное число турецкой публики, но по пятницамъ давались спектакли даже исключительно для этой публики. Самъ султанъ захотѣлъ имѣть понятіе о театрѣ, и въ-слѣдствіе этого желанія былъ построенъ на-скоро, недалеко отъ дворца, маленькой театръ для двора и на немъ дано было нѣсколько спектаклей итальянскою оперною труппою предметъся Перу. Послѣ театръ этотъ былъ опять разобранъ и неизвѣстно, будутъ-ли опять когда-нибудь повторены спектакли.

Старинныя турецкія зрѣлища дѣлятся на два разряда: на зимнія и лѣтнія. Къ первымъ османскіе историки относятъ преимущественно тѣ, которыя давались въ сералѣ и на которые иногда приглашались всѣ знатные сановники государства. Въ настоящее время подобныхъ зрѣлищъ уже не бываетъ, но онѣ живутъ еще въ воспоминаніи: а именно это были халва-собранія (Medschlisi-Halwa). Халвою называется родъ конфектъ, изъ сахара и меду, приготовляемыхъ въ сералѣ и оттуда зимою разсылаемыхъ къ разнымъ визирямъ и любимцамъ султана. Эти собранія сначала были въ модѣ только въ одномъ сералѣ, но потомъ нашли подражателей и во всѣхъ классахъ народа. Что при этихъ собраніяхъ не бываетъ женщинъ, разумѣется, и говорить о томъ нечего. Женщины составляли подобныя собранія въ своихъ гаремахъ, и приглашали на нихъ подругъ и знакомыхъ, не разбирая ни званія, ни религіи. Въ сералѣ давался великолѣпный ужинъ, на маленькихъ кругленькихъ столикахъ, а послѣ ужина забавляли гостей музыкою, танцами, пѣніемъ и извѣстными китайскими тѣнями. Эти тѣни, представляемыя Турками посредствомъ фигуръ, помѣщенныхъ за занавѣсомъ, извѣстны у нихъ очень давно и называются Hesar и Karagös. Представляющій ихъ рассказываетъ за занавѣсомъ коротенькія исторіи, напримеръ, объ Haggi-Aliwat и т. п. и заставляетъ маленькія фигурки дѣлать соотвѣтственныя разсказу движенія. Въ это время другой сказочникъ (Metach) старается забавлять гостей разными шутками. Китайскія тѣни въ-особенности любимы были въ сералѣ. При Селимѣ III сдѣлана была честь нѣкоторымъ лицамъ чужеземныхъ посольствъ, дозволеніемъ играть въ сералѣ предъ лицомъ самаго султана, и этого рода спектакль не только понравился Туркамъ, но даже заставилъ существенно улучшить ихъ забаву китайскими тѣнями. Зимнія халва-собранія начинались обыкновенно днемъ, а къ вечеру всѣ гости расходились. Подобныя собранія появились у Грековъ и у Армянъ, но, разумѣется, потомъ приняли другія формы.

Лѣтнія вечернія зрѣлища состояли главное изъ разнородныхъ фейерверковъ. Ихъ въ-особенности бывало много при свадьбахъ прищесъ султанакаго дома. Фейерверки, даваемые при Селимѣ III и фейерверкъ по случаю удаленія Французовъ изъ Египта, превосходили великолѣпиемъ всѣ подобнаго рода зрѣлища. Ихъ устраивалъ завѣдывающій пороховымъ заводомъ султана, г. Денези, и дѣйствительно возбудилъ всеобщее удивленіе своимъ искусствомъ. Подобные праздники продолжались по восьми дней, и каждый день было что-нибудь новое. Для чужеземныхъ посланниковъ разбивались близъ зимняго дворца палатки, въ которыхъ ихъ отлично угощали, а къ концу праздника султанъ дарилъ имъ драгоценныя парчевыя матеріи и шали. Для фейерверка на водѣ нѣтъ лучше мѣста какъ въ Константинополѣ. Босфоръ, освѣщенный бенгальскимъ огнемъ, представляетъ чудное зрѣлище. Подобный фейерверкъ сожженъ былъ недавно, по случаю пребыванія въ Константинополѣ принца Монпансѣ; онъ былъ устроенъ на турецкомъ пароходѣ передъ французскимъ дворцомъ въ Тарашіи. Эти фейерверки сжигались на плотяхъ, въ разномъ одинъ отъ другаго разстояніи, на-примѣръ, одинъ передъ сералемъ, другой передъ тофалою. Турки очень-способны къ протехникѣ и въ послѣднее время сдѣлали въ ней большіе успѣхи. 44 года назадъ, при одномъ торжествѣ, представлена была на поверхности моря, между Константинополемъ и Галатою, горящая крѣпость; около нея плавало множество маленькихъ военныхъ кораблей, и потомъ она взята была штурмомъ. Вблизи отъ этой крѣпости, на другомъ плоту, нѣсколько фигуръ прыгали и плясали; потомъ спущено было множество большихъ и маленькихъ освѣщенныхъ шаровъ воздушныхъ.

Другое, конечно теперь уже забытое, но при Селимѣ III бывшее въ большемъ ходу, лѣтнее или осеннее зрѣлище, была иллюминація серальскихъ садовъ, какъ въ городѣ, такъ и по ту сторону залива. Иллюминація эта устраивалась ночью, на тюльпанныхъ грядахъ, въ то самое время, когда эти великолѣпные цвѣты бывали въ полной красѣ своей. Этотъ ночной цвѣточный праздникъ назывался «Meschlisi-Lale». Султанъ, а въ-особенности серальскія затворницы, чрезвычайно любили этотъ праздникъ, потому-что онъ доставлялъ имъ случай видѣть въ сералѣ женъ другихъ визирей и государственныхъ сановниковъ. Извѣстно, что серальскіе сады и при Селимѣ III, какъ и теперь, находились въ завѣдываніи нѣмецкихъ садовниковъ. Одинъ изъ такихъ садовниковъ, Брасъ, завелъ тамъ обширныя гряды тюльпановъ, занявъ подъ нихъ въ лѣтнемъ саду огромное пространство по близости моря. Эти-то тюльпанные луга и освѣщались по заходу солнца разноцвѣтными фонарями, и блескъ этихъ разноцвѣтныхъ огней, отражаясь и переливаясь на великолѣпныхъ, въ полномъ цвѣту находящихся безчисленныхъ тысячахъ тюльпановъ, представлялъ дѣйствительно очаровательное зрѣлище. При

чемъ въ разныхъ мѣстахъ раздавалось пріятное пѣніе и музыка. Этому-же празднику обязанъ своимъ названіемъ новый великолѣпный дворецъ, въ новѣйшемъ вкусѣ, выстроенный на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ были эти тюльпанныя гряды. Дворецъ этотъ называется Джироганъ-Серагъ отъ Dscherag — лампа. Онъ выстроенъ дѣйствительно въ огромномъ размѣрѣ и признанъ многими путешественниками за замѣчательное произведение архитектуры.

ПОЕДИНОКЪ ИМПРОВИЗАТОРОВЪ.

Нѣсколько времени назадъ тому, покинулъ Парижъ молодой человѣкъ, литераторъ и поэтъ по ремеслу, гонимый судьбою, *fato profugus*, — покинулъ его съ большимъ запасомъ желаній и надеждъ, и съ весьма-малымъ — денегъ, платья и другихъ тому подобныхъ пустяковъ, которыя однакожь столько-же необходимы поэту, какъ талантъ и призваніе. Молодой человѣкъ этотъ называется Драгъ (*Drague*). Онъ прибылъ въ Орлеанъ. По пріѣздѣ туда, первымъ и главнымъ дѣломъ его было отыскать себѣ убѣжище на ночь; конечно, въ гостиницахъ и въ отеляхъ недостатка въ Орлеанѣ не было, да былъ недостатокъ кое-въ-чемъ другомъ у самого нашего поэта, и средства для поправленія этого недостатка онъ думалъ найти въ городской коллегіи; но коллегія была закрыта, по причинѣ какой-то заразной болѣзни, распространившейся между учениками.

Услышавъ объ этомъ отъ привратника, поэтъ и самъ почувствовалъ лихорадку. Онъ отправился бродить по городу, постоялъ на знаменитомъ мосту, посмотрѣлъ на голубыя волны Луары, катившіяся подъ его ногами, полюбовался издали башнями стараго собора и пошелъ отыскивать на отдаленной площади статую Орлеанской дѣвы. — Обзоръ достопримѣчательностей городскихъ часто стѣнитъ большихъ расходовъ, но никогда не приноситъ дохода. Г. Драгъ обратился къ содержателю одного пансіона, *maitre de pension* или *marchand de soupe*, какъ говорятъ Французы. Г-ну Драгу предложили 25 фр., пригласили сколько

можно больше народу, и по окончаніи вечера дали поэту вмѣсто 25-ти — 30 фр. На другой день ему дана была даромъ зала побольше первой; сборъ былъ около 100 фр. Г-нъ Драгъ былъ на нѣсколько времени обезпеченъ — но это не главное. Главное было то, что передъ нимъ открылось новое поприще; что онъ понялъ и увидалъ свое призваніе, что онъ съ самоувѣренностію могъ сказать: *Apch'io sono improvisatore* (И я импровизаторъ!). Изъ Орлеана г. Драгъ отправился далѣе, объѣхалъ большую часть Франціи, былъ почти вездѣ очень-хорошо принятъ и поправилъ свои обстоятельства. Такимъ-образомъ, талантъ его укрѣпился, вмѣстѣ съ развитіемъ силъ развивалась смѣлость и самоувѣренность, и вотъ г. Драгъ, пріѣхавши въ Лионъ, сталъ вызывать на импровизаторскій бой извѣстнаго Еженя де-Праделя, вступить въ борьбу съ которымъ до-тѣхъ-поръ осмѣлился только одинъ какой-то Итальянецъ.

Прадель избѣгнулъ. Отказаться отъ вызова онъ не могъ, потому-что Драгъ угрожалъ въ такомъ случаѣ публично назвать его трусомъ. Де-Прадель прибѣгнувъ къ хитрости и предложилъ слѣдующія условія боя: во-первыхъ, чтобы двѣ трети сбора были въ его пользу, во-вторыхъ, чтобы во-время репетированія Драгъ не пилъ воды съ сахаромъ и т. д. Драгъ на все согласился и день боя былъ назначенъ. Вотъ программа этого боя: *Deſi d'improvisation de M. M. E. de-Pradel et Drague. Première partie: Bouts rimés et échelles poétiques. 2. Couplets, Sexains, huitains et dixains. 3. Echos. Deuxième partie: Grande scène dramatique improvisée.*

Для боя, какъ для настоящаго рыцарскаго турнира, были постановлены твердыя условія. Всѣ одновременныя имена и предметы были исключены; это у французской публики полезное и никогда неизмѣняемое правило. Сюжеты могли быть заимствованы изъ исторіи всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Далѣе, для избѣжанія монотоніи, было постановлено, чтобы оба импровизатора не импровизировали на одинъ и тотъ-же предметъ; этимъ очевидно хотѣли отклонить слишкомъ прямое столкновеніе обоихъ талантовъ. Какъ скоро было объявлено, который изъ бойцевъ долженъ первый импровизировать драматическую сцену, другого отвели въ отдаленную комнату и приставили къ дверямъ ея караулъ. Обоимъ импровизаторамъ предоставлена была полная свобода выбирать изъ заданныхъ предметовъ. Право увѣнчать побѣдителя было предоставлено особой комиссіи.

Вотъ что говоритъ объ этомъ особеннаго рода поединкѣ одна лионская газета: «Блестательный турниръ происходилъ въ прелестной залѣ *Cercle musicale*, передъ самымъ блестящимъ лионскимъ обществомъ. Оба импровизатора при появленіи своемъ были встрѣчены продолжительными рукоплесканіями; одинъ какъ старая и уже испытанная слава, другой, какъ юный талантъ, заинтересовавшій всѣхъ своею смѣлою рѣшимостью на подобную борьбу. Г. Драгъ — юноша довольно недурной па-

ружности, съ живыми глазами, съ длинными распущенными по плечамъ волосами, съ звучнымъ голосомъ. Бой былъ открытъ г. де-Праделемъ, съ тою непринужденностью, съ тою граціею, и въ особености съ тою тонкою, простодушною веселостію, которыя придаютъ ему, человѣку довольно-пожилому, прелесть юности. Вслѣдъ за тѣмъ выступилъ на сцену г. Драгъ. Въ двѣнадцати словахъ, между когорыми было нѣсколько довольно странныхъ, какъ напримѣръ: *cosaque, canelle, eteignoir*, создалъ онъ побѣдную пѣснь на геройскую смерть нашихъ солдатъ при Сиди-Брагимъ. Свойство таланта его ясно выказалось при первомъ этомъ дебютѣ: — это настоящій огонь. Встрѣтитесь ли трудность въ среднихъ стиха, не ложится-ли нужное слово — онъ нѣсколько не терлется, — препятствія какъ-будто только подстрекають его. Въ-самомъ-дѣлѣ, это чудный, изумительный талантъ!

Вотъ нѣсколько образцовъ его дѣйствительно необыкновенной легкости и находчивости: на слова *naufnage, étalage, vertu, turlututu*, онъ въ одно мгновение импровизировалъ слѣдующее четверостишіе:

Chaque jour maintenant est fécond en naufrage,
Et lorsque nous voyons quelqu'un de sa vertu,
Nous faire aux yeux de tous un brillant étalage,
Nous pouvons à bon droit chanter turlututu!...

Одинъ изъ слушателей потребовалъ отъ молодаго поэта complimentъ прекрасной дамѣ на слѣдующія рифмы — *cruche, bûche, dindon, cornichon*, импровизаторъ отвѣчалъ:

Malgré ces rieurs là je serais un dindon,
Si j'allais près de vous rester comme un cruche.
Vos regards enchanteurs charmeraient une bûche;
Qui ne vous aime pas, est un vrai cornichon.

Сюжетомъ для драматической сцены г. Драгъ избралъ смерть Аннибала, а г. де-Прадель-Монтаня, посѣщающаго Тасса въ темницѣ. Драгъ выбралъ для этой сцены форму монолога, которая неоспоримо легче, чѣмъ форма діалога, избранная де-Праделемъ, и потому Драгъ имѣлъ передъ нимъ преимущество.

Стихи Драга плавны, и, мѣстами, отличаются такимъ чувствомъ и такою строгою отдылкою, что трудно-бы повѣрить, что это импровизация, если-бы не убѣждали въ томъ нѣкоторыя мѣста слабыя и натянутыя.

Приведемъ, для сравненія, по нѣскольку стиховъ обоихъ импровизаторовъ.

Annibal, tu te plains! qui donc dans l'univers
 N'est pas trahi des siens à son premier revers?
 Ah! si dans l'avenir il apparait un homme
 Assez-grand pour trôner sur les débris de Rome,
 Qu'au sein de son triomphe il se donne la mort!
 Il ne faut pas deux fois vouloir tenter le sort;
 La foule des jaloux, qui jamais ne pardonne,
 Vous encense vainqueurs, vaincus vous abandonne!

Эти прекрасныя строфы г. Драга были награждены громкими и продолжительными рукоплесканіями.

У г. де-Праделя Тассъ говоритъ:

Je sens que cette chair se meurtrit et succombe;
 Encore quelques jours, — j'appartiens à la tombe!
 Mais le génie est tout.... après l'adversité
 Tout entier j'appartiens à la postérité.
 Que m'importe la mort? une belle auréole
 Me montre les lauriers, qu'on dresse au capitolé;
 Mais de ma vie, hélas! a pâli le flambeau,
 J'entrevois le laurier et descends au tombeau.

Побѣдный вѣнокъ раздѣленъ былъ между обоими импровизаторами.

Г. Драгъ скоро долженъ дебютировать въ Парижѣ. Онъ пишетъ теперь трагедію, которая, какъ говорятъ, уже заранѣе принята на Théâtre-Français.

ЗАМѢТКИ О НѢКОТОРЫХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ АКТЕРАХЪ.

Г-жа Штольцъ. Дюпре сынъ ремесленника, — г-жа Штольцъ происходитъ изъ класса еще низшаго. Мать ея, la mère Noël,

была привратницею въ одномъ частномъ домѣ на Boulevard mont Parnasse; d-lle Noël родилась въ 1809 или 1810-мъ году и воспитывалась въ парижской Консерваторіи, была будто бы за-мужемъ за господиномъ Leseuger, а почему теперь называется г-жою Штольцъ—неизвѣстно. Въ первый разъ начала она блистать въ Брюсселѣ; теперь она prima-donna assoluta въ Большой-Оперѣ и полная владычица надъ г-мъ директоромъ. Впрочемъ, она превосходная пѣвица, и съ прекраснымъ органомъ, въ особенности несравненнымъ въ низкихъ нотахъ, соединяетъ трагическую силу и увлекательную энергію. Жаль, что она не позволяетъ прозябать возлѣ себя никакому другому таланту и что г-нъ директоръ Оперы не принимаетъ ни одной новой партитуры, въ которой г-жа Штольцъ не можетъ занимать первой и самой блестящей роли. Въ особенности Дюпрѣ служитъ предметомъ этой ненасытной зависти г-жи Штольцъ, въ-слѣдствіе чего и былъ уже у Дюпрѣ процессъ съ г-мъ директоромъ по случаю оперы Галлеви «Карлъ VI».

Левассёръ. Лѣтъ сорокъ назадъ, въ окрестностяхъ Бове (Beauvais) крестьянскій мальчикъ, печальной наружности, съ холоднымъ, равнодушнымъ взглядомъ, пасъ обыкновенно стадо коровъ на лугу по близости проселочной дороги. Каждый день съ утра до вечера проводить съ этимъ стадомъ въ полѣ, завтракать и обѣдать кускомъ чернаго хлѣба, а вечеромъ, вмѣсто ужина, встрѣчать брань и ворчанье въ бѣдной хижинѣ отца своего — такой образъ жизни, разумѣется, не могъ излечить бѣднаго мальчика отъ его природнаго расположенія къ печали. Въ немъ не было даже ни малѣйшей охоты когда-нибудь поиграть съ товарищами, и единственное удовольствіе его состояло въ томъ, чтобы какъ можно подалеже уходить отъ дома и распѣвать своимъ и тогда уже сильнымъ и звучнымъ голосомъ, разныя пѣсенки, подслушанныя имъ у бродячихъ музыкантовъ.

Разъ подслушалъ пѣніе этого мальчика проѣзжающій дилеттантъ, богачъ и отличный знатокъ музыки. Онъ пѣвнлся голосомъ молодаго пѣвца, взявъ его съ собою, воспиталъ и обучилъ искусству пѣнія. Мальчикъ этотъ былъ Левассёръ. Въ 1826-мъ году онъ дебютировалъ въ Большой-парижской-оперѣ—и былъ освиетанъ. Послѣ того онъ обратился къ Итальянскому-театру и имѣлъ успѣхъ. Не умѣя порядочно держать себя на сценѣ, не зная почти двухъ словъ по-итальянски, онъ однако блисталъ во многихъ роляхъ, и въ особенности въ «Севильскомъ цирюльникѣ.» Но настоящее мѣсто его все-таки было въ Большой-оперѣ, гдѣ онъ скоро опять явился и остался. Левассёръ превосходный пѣвецъ и могъ бы быть также превосходнымъ актеромъ, если-бы только въ состояніи былъ побѣдить свою вро-

жденную робость. Онъ составилъ себѣ значительное состояніе, и пользуется во всѣхъ отношеніяхъ всеобщимъ уваженіемъ.

Буффѣ сынъ парижскаго торговца картинными рамами. Первые дебюты его были вовсе незамѣтны; онъ дебютировалъ на частныхъ театрахъ. Когда, въ 1821-мъ году, открыта была прекрасная зала театра *Rapogama dramatique*, Буффѣ явился на ряду съ Серре, Францискомъ, г-жою Гобертъ—артистами, съ честію проходившими свое поприще, и тутъ-то въ первый разъ былъ замѣченъ оригинальный талантъ его. Въ театрѣ *de la Gaité* замѣнилъ онъ превосходнаго Банажа (*Basnage*) въ «Робинзонѣ Крузе» и въ «*Les mauvaises langues de village*»; потомъ перешелъ онъ на театръ, гдѣ очень-удачно создалъ роли танцмейстера (*Жана*) и въ особенности «Калеба». Но со вступленія своего въ театръ *Gymnase* Буффѣ пользуется уже славою европейскою. *Rauve Jacques* и *Gamin de Paris* выдержали сотни представленій, да и теперь, когда въ нихъ играетъ Буффѣ, театръ всегда полонъ, и былъ-бы полонъ, если-бы былъ даже и вдвое обширнѣе. Въ настоящее время Буффѣ находится при театрѣ *Variétés*. Игра Буффѣ истинна, акуратна, совѣстлива, безъ малѣйшаго произвола; у него все комбинировано, разсчитано, выучено, выглажено, все до малѣйшей подробности, и вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно ни малѣйшаго усилія или натяжки. Только не надобно смотрѣть Буффѣ два раза кряду въ одной и той-же роли, потому-что въ такомъ случаѣ сильно бросается въ глаза однообразіе въ малѣйшихъ мелочныхъ подробностяхъ игры его.

НОВАГО РОДА ТЕАТРАЛЬНАЯ КРИТИКА.

Извѣстно, что Гогманнъ и Л. Девриентъ были самые искренніе друзья; однако-жъ никогда эта дружба не выражалась какими-нибудь наружными знаками, хотя-бы на-примѣръ, дружескимъ пожатіемъ руки, поцѣлуемъ, или чѣмъ-нибудь тому подобнымъ; на-противъ того, они очень-часто ссорились другъ съ дру-

гомъ, и не-смотря на то, высоко уважали одинъ другаго и сознавали это уваженіе. Одного взгляда, одного «гмъ!» достаточно имъ было, чтобы понять другъ-друга, и Гофманъ былъ единственный человѣкъ, сужденія и приговоры котораго имѣли вѣсъ въ глазахъ Девріента. — Когда, бывало, Девріентъ послѣ спектакля зайдетъ въ погребокъ Люттера и Вегенера, то Гофманъ обыкновенно сидитъ уже тамъ; у стола, съ углу на-лѣво, въ извѣстномъ долгополомъ коричневомъ кафтанѣ, въ коротенькихъ желтыхъ панковыхъ брюкахъ и въ полинявшей жилеткѣ, въ которую вѣзли-бы два Гофмана; на длинной шеѣ узенькой бѣлый галстукъ; сидитъ, по привычкѣ своей, на повернутомъ задомъ напередъ стулѣ, облокотившись на его спинку, и кусаетъ кости, или, опершись на подборокъ, бросаетъ во все стороны свои демонски-саркастическіе взгляды. — Тогда Девріентъ молча подходилъ къ нему, и Гофманъ также молча щипалъ его за ногу — и это была его критика: чѣмъ силнѣе онъ, бывало, ущипнетъ, тѣмъ значить лучше Девріентъ сыгралъ свою роль, и тѣмъ счастливѣе былъ и тотъ послѣдній и — тѣмъ пьянѣе оба напивались. Разъ Девріентъ, сыгравши съ необыкновеннымъ успѣхомъ роль Фальстафа въ первой части «Генриха IV», спѣшилъ въ классическій погребокъ, въ полной увѣренности получить самый чувствительный шипокъ, но что-же? — Гофманъ идетъ, не пошевеливается и только знай-себѣ кусаетъ ногти. — Девріентъ съ удивленіемъ поглядываетъ на него, подходитъ ближе, — тщетно! Девріентъ съ безпокойствомъ прохаживается нѣсколько минутъ по комнатѣ, подходитъ еще ближе къ Гофману, подставляетъ ногу къ самому стулу — тщетно! — Девріентъ выходитъ изъ себя, а начать разговоръ не хочетъ, а Гофманъ, знай себѣ, сидитъ спокойно, да грызетъ ногти. Какъ тигръ, запертой въ клетку, принимается опять взбѣшенный Девріентъ бѣгать по комнатѣ; наконецъ не вытерпѣвъ, подходитъ къ Гофману, толкаетъ его, какъ-будто не значай, локтемъ въ бокъ, и произноситъ свое глубоко-значительное «Гмъ!» Гофманъ спокойно повертывается и холодно говоритъ: «Ты сыгралъ, какъ свинья.» Словно тигръ бросается на него Девріентъ, хватается его за грудь, вскричавъ: «Дьяволъ — я растерзаю тебя!» — Однако-жъ сатана ловко увертывается изъ рукъ взбѣшеннаго артиста и твердымъ голосомъ говоритъ ему: «Садись!» Какъ-будто очарованный взоромъ Гофмана, Девріентъ садится, и Гофманъ, заложивъ ногу на ногу, покачиваясь изъ стороны въ сторону, начинаетъ: «Ты сыгралъ первую часть, какъ геній, а сыгравши точно также и вторую, ты сыгралъ ее какъ свинья.» — Сказавши это, Гофманъ замолчалъ, какъ-будто любясь своею жертвою, потому что Девріентъ дѣйствительно сидѣлъ передъ нимъ, словно жертва; на лицѣ его выступали крупныя капли пота, и онъ напоминалъ собою птицу; очарованную смертельно-магическимъ взоромъ змѣи. Помолчавъ нѣсколько минутъ, Гофманъ продолжалъ. «Не могъ ты, лошадь, сообразить, что въ

первой части всё дурачатъ Фальстафа, а во второй онъ самъ всёхъ дурачить, и, стало быть, долженъ быть уже со-всѣмъ другимъ человѣкомъ, а ты не выказалъ этого, стало-быть, сыгралъ какъ свинья». Выслушавъ это, Девриентъ вскоцилъ, схватилъ Гофмана за волосы и вскричалъ: Дьяволъ — ты правъ.» — По настоятельному требованію, Девриентъ въ скоромъ времени сыгралъ опять роль Фальстафа, и на этотъ разъ получилъ такой славный щипокъ, что съ недѣлю, улыбаясь, потиралъ свою ногу.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Въ Берлинѣ скоро будетъ открыта театральная школа подъ управленіемъ профессора Ретшера и покровительствомъ Тика и Гумбольдта. Хотя отъ сухой теоріи и нельзя ожидать благотворнаго вліянія на весьма-плохое состояніе драматическаго искусства, но, по-крайней-мѣрѣ, можно надѣяться, что съ открытіемъ этого заведенія, исчезнутъ теперешнія такъ-называемыя театральныя школы, чисто-спекулянтныя предпріятія, не только безпольныя, но даже вредныя для искусства. Единственный талантъ, потребный для того, чтобы быть приняту въ подобную школу, заключается въ возможности исправно платить каждый мѣсяцъ впередъ 8 талеровъ, за что директоръ заведенія обѣщаетъ вступающему, по совершенномъ образованіи (?), доставить выгодный ангажементъ при какомъ-нибудь значительномъ театрѣ Германіи. Школы эти наполнены театральными статистами, трактирными слугами, парикмахирами, гризетками и другими лицами, изъ самыхъ низшихъ классовъ народа, людьми безъ призванія, даже безъ малѣйшихъ предварительныхъ познаній; въ нихъ охотно принимаютъ всёхъ и каждого, у кого только есть средство платить восемь талеровъ въ мѣсяцъ. Въ-слѣдствіе того, школы эти систематически губятъ, и губятъ въ строгомъ смыслѣ слова, безчисленное множество молодыхъ людей, которые, увлекаясь золотыми мечтами о славѣ и счастіи на театральныхъ подмосткахъ, теряютъ охоту къ дѣятельности на томъ поприщѣ, на которомъ

они поставлены судьбою, лишаются покровительства родныхъ, пристають наконецъ къ какой-нибудь бродячей труппѣ комедіантовъ, и ведутъ самую жалкую жизнь, проклиная, но уже поздно, обольстителя, совратившаго ихъ съ истинной дороги и повергнувшаго въ эту пропасть нищеты нравственной и физической.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

У знаменитаго нѣмецкаго писателя Тика такъ огромна бібліотека, состоящая болѣею частью изъ сочиненій театральныхъ, или до театра касающихся, что хозяинъ дома, въ которомъ онъ живетъ, отказывается ему въ квартирѣ, опасаясь, чтобы домъ отъ тяжести книгъ не развалился! «Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode», сообщая это извѣстіе, замѣчаетъ, что въ Берлинѣ, въ послѣднее время, дома строятся такъ легко, небрежно, на-скорую-руку, что ихъ можно сравнить съ карточными домами!

— Гёте самъ рассказываетъ, что, когда онъ, вмѣстѣ съ Вольфомъ, посѣщалъ тогдашній Гельмштедтскій университетъ, или лучше находившагося въ немъ славнаго шарлатана, профессора Бейера, то при данномъ ему съ Вольфомъ торжественномъ обѣдѣ, ихъ приняли съ большимъ различіемъ; и Г., тоже профессоръ этого университета, рассказываетъ объ этомъ приемѣ слѣдующимъ образомъ: Къ назначенному времени собрался въ гостиницу всѣ профессоры, съ ихъ женами. Явился Гёте съ Вольфомъ. Протекторъ Поттъ встрѣтилъ гостей и представилъ имъ собравшееся общество. Завязался разговоръ, но шелъ довольно-вяло. Гёте, въ которомъ довольно-ясно выказывалось его высокопревосходительство — онъ былъ тогда уже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ — занимался только съ дамами. Во время стола Гёте сидѣлъ по-правую руку протектора, а Вольфъ напротивъ него; одна изъ прелестнѣйшихъ дѣвицъ Гельмштедта, дочь доктора В., тихонько приблизилась къ Гёте и наклонила ему на голову лавровый вѣнокъ. Гёте проворно обернулся, охватилъ руками талию красавицы и поцѣловалъ ее прямо въ губы, сказавши: «Этотъ вѣнокъ достался мнѣ отъ

премелстой ручки.» — Въ то-же время, не менѣе прекрасная дочь профессора Б., равнымъ образомъ подошла къ Вольфу, и тоже хотѣла надѣть на него вѣнокъ, но по-несчастію, вѣнокъ оказался слишкомъ великъ по Вольфовой головѣ, и потому свалился ему до самаго носа. Вольфъ взбѣсплся, сдернулъ вѣнокъ, и, подозвавши лакея, отдалъ его ему. Красавица, разумѣется, чрезвычайно сконфузилась, а Гёте съ неудовольствіемъ сказалъ своему неучтивому другу: «Ахъ, Вольфъ, Вольфъ, какъ ты постарѣлъ!»

— Одна молоденькая дѣвушка была въ первый разъ въ театрѣ; когда герой пьесы хотѣлъ лишить себя жизни, полагая, что любезной его уже нѣтъ въ живыхъ, она обратилась къ матери, и наивно сказала ей: Мама, скажите ему, вѣдь невѣста его еще жива.

— Сынъ одного театральнаго парикмахера, красивый, статный семнадцати-лѣтній малой, любилъ являться въ числѣ статистовъ на сцену, и страстно желалъ поопытать себя въ какой-нибудь настоящей роли, потому-что полагалъ въ себѣ призваніе къ театру. Долго приставалъ онъ къ режиссёру, выпрашивая себѣ какую-нибудь рольку, хоть-бы вѣстника, пока тотъ, наконецъ, не сжалился, и не далъ ему роль оруженосца въ одной рыцарской драмѣ. Оруженосецъ этотъ долженъ былъ выдти на сцену и сказать своему рыцарю: «Господинъ! тамъ съ подзорной башни видны толпы приближающихся непріятелей». А рыцарь, выслушавъ эти слова, обращается къ своимъ сотоварищамъ, и говоритъ: «Итакъ, друзья, поспѣшимте отмстить за притѣсненную невинность, и упонть мечи наши кровью злодѣевъ». Послѣ чего всѣ рыцари, выхватывая мечи уходятъ со сцены. — Молодой дебютантъ день и ночь твердилъ свою *длинную* роль, и отлично проговорилъ ее на репетиціи. Но вотъ насталъ день представленія. Юный артистъ, внѣ себя отъ восторга, стоитъ у кулисы и ждетъ своей реплики а чтобы какъ-нибудь не ошибиться и не выдти не въ-пору, онъ попросилъ одного пріятеля постоять возлѣ себя съ экземпляромъ пьесы въ рукахъ, и слѣдить за тѣмъ, что дѣлаютъ и говорятъ имъ сценѣ. — Въ это самое время, у отца молодого дебютанта завязался за кулисами споръ съ театральнымъ костюмеромъ. Отъ спора дошло до брани, и молодой артистъ, зная, что любезный родитель его никогда не кончаетъ иначе споровъ, какъ дракою, нѣсколько разъ порывался броситься ему на помощь; но пріятель все удерживалъ его, говоря, что ему сейчасъ выходить. Наконецъ, послышалась желанная реплика, и въ то-же самое время раздался звукъ пощечины. Юный дебютантъ хотѣлъ было уже броситься туда, гдѣ раздалась пощечина, но пріятель вытолкнулъ его на сцену. — Господинъ! господинъ! началъ, запинаясь, артистъ: тамъ — ахъ, Господи, тамъ.... — Ну, что-же? прервалъ его рыцарь: что такое тамъ? — Тамъ, разразился наконецъ дебютантъ: костюмеръ далъ оплеуху батюшкѣ. — И, съ этимъ словомъ, онъ со всѣхъ ногъ бросился со сцены. Рыцарь, нисколько не смутившись отъ такой выходки, доигралъ какъ слѣдуетъ свою роль, и вынувъ мечъ, вскричалъ:

Итакъ, друзья, поспѣшимъ отмстить за притѣсенную невинность, и упомянемъ наши мечи кровью злодѣевъ! — послѣ чего, при громкомъ хохотѣ публики, оставилъ сцену.

— Въ жизни великихъ и славныхъ людей интересуютъ насъ даже и малости, и потому-то чрезвычайно-любопытно читать собранныя любимымъ нѣмецкимъ нувеллистомъ Р. Геллеромъ, свѣдѣнія о жизни Шиллера. Въ числѣ этихъ свѣдѣній, особенно-интересны подробности о великомъ поэтѣ, рассказанныя однимъ лейпцигскимъ жителемъ, по имени Шнейдеромъ, который, будучи еще 12-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, прислуживалъ Шиллеру. «Шиллеръ», рассказываетъ этотъ г. Шнейдеръ: «вставалъ чрезвычайно-рано, иногда даже въ 3 или въ 4 часа утромъ, и обыкновенно отправлялся гулять по полямъ; при этомъ я тоже всегда провожалъ его съ бутылкою чистой воды и съ стаканомъ. Въ 5 или 6 часовъ онъ возвращался домой, и часто сообщалъ пришедшія ему во-время этой прогулки въ голову идеи книгопродавцу Геше, и иногда долго спорилъ съ нимъ о чемъ-нибудь. Въ этихъ прогулкахъ Шиллеръ былъ всегда одѣтъ легко, въ халатѣ, безъ галстука; прогуливаться любилъ онъ по полямъ, прилежащимъ къ большой дорогѣ въ Галле. Шиллеръ всегда былъ веселъ и кротокъ; онъ былъ очень-блѣденъ лицомъ, вѣснотатъ, ростомъ высокъ, и имѣлъ рыжеватые волосы. Въ маленькой комнаткѣ, въ которой жилъ поэтъ, очень-мало было мебели и никакихъ украшеній на стѣнахъ. По словамъ Шнейдера, Шиллеръ разбрасывалъ въ ней такую пропасть бумагъ, что часто онѣ покрывали весь полъ. Шиллеръ никогда не курилъ, а нюхалъ довольно-сильно. Винъ дома онъ не пилъ, но въ гостяхъ, какъ слыхалъ Шнейдеръ, не отставалъ отъ другихъ».

— Вотъ что рассказываютъ въ одной нѣмецкой газетѣ о славной пѣвицѣ Менвиль-Фодоръ, учительницѣ Зонтагъ: Когда эта знаменитая пѣвица своего времени, которую итальянцы прозвали *la prima delle prime donne*, пѣла, въ 1825-мъ году, въ Большой-Оперѣ «Семирамиду», то вдругъ у нея совершенно исчезъ голосъ такъ, что она не только не могла пѣть, но даже не въ состояніи была произнести слова. Въ театрѣ, разумѣется, сдѣлалось смятеніе, хотѣли-было уже прекратить спектакль; но вдругъ, какъ-будто-бы какимъ чудомъ, голосъ опять возвратился пѣвицѣ, и столько-же прекрасный, какъ и прежде; она допѣла всю оперу до конца, при громкихъ рукоплесканіяхъ восторженныхъ зрителей, но съ послѣднею произнесенною ею нотою, упала въ обморокъ — и уже навсегда лишилась голоса».

— Друзья Рамо уговаривали его написать оперу. Онъ отказывался за неимѣніемъ либретто. Ему посоветовали обратиться за этимъ къ аббату Пелегрину. Рамо пошелъ къ нему и просилъ написать либретто. Аббатъ, жившій единственно доходами отъ своихъ произведеній, не хотѣлъ работать для музыканта, котораго гений не былъ еще извѣстенъ, не получивъ

въ обезпеченіе на случай плохого успѣха, вексель въ 500 фр. Рамо представилъ вексель и аббатъ отдалъ ему либретто оперы «Ипполитъ и Арисія.» Спустя нѣсколько времени, у г-на Поппелена, страстнаго любителя изящныхъ искусствъ и покровителя всѣхъ талантовъ, къ чему доставляло ему прекрасную возможность его огромное богатство, была исполнена музыка написанная Рамо для перваго акта этой оперы. Въ половинѣ исполненія, аббатъ, также присутствовавшій при этомъ, вскопчилъ въ восторгъ съ своего мѣста, подбѣжалъ къ Рамо и, сказавши ему: Государь мой, если вы пишете такую прелестную музыку, такъ я вовсе не нуждаюсь въ обезпеченіи! тотчасъ-же вытаскилъ изъ кармана вексель Рамо и разорвалъ его.

— Наполеонъ любилъ поэзію. Въ 1801-мъ году, Національный-институтъ явился къ нему съ поздравленіемъ. Первый Консулъ съ очевиднымъ участіемъ спросилъ, читали-ли въ послѣднемъ публичномъ засѣданіи какіе-нибудь стихи, и остался очень-доволенъ, узнавъ, что много анлодировали одѣ нѣкоего Массона подъ названіемъ «Sur la fondation de la Republique». Известно также, что на островѣ Ст. Елены Корнель составлялъ развлеченіе и наслажденіе Наполеона. Отправляясь съ томою его подъ мышкою на какой-нибудь утесъ, Наполеонъ говаривалъ: Я отправляюсь во Французской-театръ.

— Вейсъ, въ свое время знаменитый дѣтскій писатель, «Kinderfreund, о которомъ Карамзинъ съ восторгомъ говоритъ въ своихъ *Письмахъ русскаго путешественника*, писалъ однажды къ Кестнеру: «На-дняхъ пришло я вамъ первый томъ моихъ передѣланныхъ комедій, которыя, судя по вышней методѣ писать комедіи, конечно, не будутъ имѣть большого успѣха. Но какія-же отвратительныя вещи и пишутъ нынче! Я на-дняхъ видѣлъ на сценѣ піесу подъ названіемъ «Разбойники:» что за отвратительные характеры, что за мерзости говорятъ на сценѣ! Авторъ ея какой-то Шиллеръ, родомъ изъ Швабін.» — И это было сказано о Шиллеровыхъ «Разбойникахъ!» —

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ

МАРТЪ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

(Февраль и Мартъ).

1) LES MOUSQUÉTAIRES DE LA REINE (*Королевины мушктеры*) Опера. Слова Сен-Жоржа. Музыка Галеви (Opéra-Comique).

Дѣйствіе происходитъ въ Пуатье, при дворѣ Людовика XIII, въ ту эпоху, когда Ришельё приготовлялъ тайно осаду Рошеля. Но безпрестанныя празднества, турниры, охота, и прочія удовольствія, такъ развлекали Королеву Анну, что ей некогда было и подумать объ ужасныхъ замыслахъ Кардинала противъ ея дома. На всѣхъ этихъ празднествахъ чрезвычайно отличались мушктеры Королевы и особенно когда на нихъ участвовали фрейлины. Молодой Оливье д'Антрагъ, одинъ изъ мушктеровъ, былъ страстно влюбленъ въ Атенансу Соланжъ, племянницу великаго Ришельё, которой тотъ былъ опекуномъ.

Оливье самъ не понималъ, какъ онъ осмѣлился влюбиться въ такую знатную особу, и старался всячески скрывать ото всѣхъ свои чувства. Атенанса въ свою очередь также была влюблена въ красавца мушкетера, въ чемъ она и призналась одной изъ своихъ пріятельницъ, сидя съ нею въ саду въ крытой аллеѣ. Разговоръ этотъ былъ подслушанъ Гекторомъ Бирономъ, товарищемъ Оливье; надо вамъ сказать, что Гекторъ ужасно честолюбивъ: онъ воображаетъ, что всѣ непременно должны въ него влюбляться, а такъ-какъ въ разговорѣ двухъ подругъ не было упомянуто ничего имени, то онъ тотчасъ принялъ все на свой счетъ и завелъ переписку съ молодою дѣвушкой, не подписывая однакожъ никогда своего имени. Эта переписка продолжалась довольно долго, и наконецъ утомила влюбленного юношу; онъ рѣшился умолять Атенансу, чтобы та согласилась на тайное ночное свиданіе; если же она ему въ этомъ откажетъ, то онъ непременно убьетъ себя; Атенанса, увѣренная, что дѣло идетъ объ Оливье, разумѣется, побоялась, чтобы онъ въ-самомъ-дѣлѣ не лишилъ себя жизни и согласилась на его просьбу. По условію, въ письмѣ упомянутому, въ то время какъ мушкетеръ подходилъ ангажировать дамъ, она уронила свой вѣеръ; Гекторъ былъ въ восторгѣ отъ успѣха, и только что настала ночь, онъ сдалъ караулъ несчастному д'Антрагу и отправился въ павильионъ, въ которомъ жили фрейлины.

Атенанса явилась въ условный часъ на свиданіе, но г-нъ Биронъ очень дурно исполнилъ роль свою; онъ съ первыхъ словъ позволилъ тебѣ такія вольности, что молодая дѣвушка, оскорбленная его поведеніемъ въ ту-же минуту убѣжала, оставивъ мерзнуть дерзкаго любовника въ холодномъ коридорѣ павильиона, до самаго утра.

Между-тѣмъ, несчастнаго Оливье до того мучила сердечная тайна, что онъ почти рѣшился открыться г-жѣ Соланжъ, но прежде рѣшился посоветоваться съ своимъ другомъ Гекторомъ. Можно себѣ представить, какъ эта новость поразила Бирона; онъ скрылъ однакожъ свое смущеніе отъ Оливье.

Наконецъ Оливье видитъ Атенансу; онъ подходитъ къ ней съ тѣмъ, чтобы объясниться; но та дѣлаетъ ему такой пріемъ, что онъ приходитъ въ отчаяніе. Гекторъ вмѣшивается въ посредничество и, желая поправить это дѣло, запутываетъ его еще болѣе.

Къ-несчастью Оливье, узнаютъ, что въ прошедшую ночь убили на дуэли одного изъ придворныхъ, который, какъ всѣ это знали,

былъ врагомъ д'Антрага. Разумѣется, все обвиняють Оливье въ этомъ убійствѣ; его арестуютъ именемъ Кардинала. Атенанса, услышавъ объ опасности, угрожающей ея любовнику, забываетъ его проступокъ противъ нея, и объявляетъ, что онъ не могъ совершить этого убійства, потому-что въ тотъ самый часъ, когда эта дуэль происходила, онъ имѣлъ съ нею свиданіе въ павильонѣ, гдѣ жили Фрейлинны.

Ришельё, какъ тонкій политикъ, тотчасъ-же рѣшилъ, что дѣло немедленно должно кончиться свадьбою двухъ любовниковъ.

Но на землѣ нѣтъ счастья, безъ примѣси несчастія. Д'Антрагъ въ свою очередь узнаетъ, что его невѣста не выдумала эту исторію для его спасенія, и точно имѣла съ кѣмъ-то свиданіе: онъ рѣшается во что-бы то ни стало наказать виновника за дерзость и обманъ. Шарфъ, пайденный на мѣстѣ свиданія, обвиняетъ преступника! О ужасъ! это другъ его Гекторъ. Мщеніе! Мщеніе! кричитъ Оливье. Но Гекторъ предупредилъ его; онъ вполне раскался въ своемъ проступкѣ; написалъ подробное обо всемъ къ д'Антрагу письмо, въ которомъ проситъ у него прощенія и увѣдомляетъ, что для избѣжанія дуэли съ нимъ, онъ вызвалъ на дуэль стараго капитана временъ Генриха IV, известнаго своимъ искусствомъ владѣть шпагою, который, навѣрно, промаха не дастъ и тѣмъ самымъ отмстить за обиду Оливье.—Однакожь вышло иначе. Старый забіяка, замѣтивъ, что противникъ его не защищается, никакъ не хотѣлъ убить его и удовольствовался легкою раною въ руку. Гекторъ является живой, — Оливье бросается къ нему въ объятія, и все оканчивается благополучно.

Піеса имѣетъ въ Парижѣ огромный успѣхъ.

2) LE VICOMTE DE GIROFLÉ. (*Виконтъ де Жирофле*), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, гг. Лорансена и Маркъ-Мишеля. (Gymnase Dramatique).

У мадмуазель Амарилисъ де-Меринжакъ, не-смотря на ея шестьдесятъ лѣтъ, наклоности довольно.... веселія; она обожаетъ цвѣты и жаждетъ молодаго мужа; для удовлетворенія двумъ этимъ стремленіямъ, она наняла садовника съ техническимъ именемъ Жирофле, и поручила своему нотаріусу доставить ей супруга съ надлежащими качествами. Но проходитъ нѣсколько времени, супруга все нѣтъ какъ нѣтъ, а между-тѣмъ нѣтъ также и садовника. Мадмуазель Амарилисъ принуждена была отпустить Жирофле за страшную глупость. Женихи-же не смѣютъ вступить въ споръ съ комендантомъ Монълюкеномъ, который уже лѣтъ тридцать волочится за мадмуазель де-Меринжакъ, и

грозить посадить на шпагу первого, кто осмѣлится у него ее оспоривать. Между-тѣмъ, нотариусъ старой дѣвы доноситъ ей, что дѣкій виконтъ, смѣлѣе всѣхъ другихъ, рѣшился явиться къ ней переодѣтый, и что онъ уже по всѣмъ расчетамъ долженъ быть на мѣстѣ.

Тотчасъ внезапная мысль озаряетъ мадмуазель Амариллисъ: этоть неловкій садовникъ, котораго она прогнала, непременно долженъ-быть самъ виконтъ, собственною его особою. Къ-счастью, Жирофле еще не оставилъ дома. Мадмуазель де-Меринжакъ, зоветъ его, какъ можно скорѣе, дѣлаетъ его своимъ секретаремъ, управителемъ, сажаетъ съ собою за столъ. Все это возбуждаетъ подозрительность страшнаго Монфлюкена; опасенія его подтверждаются и письмомъ нотариуса, которое случайно попалось въ его руки. Дѣло ясное: Жирофле переодѣтый любовникъ! Комендантъ старается унижить всѣми способами своего соперника, заставляетъ его чистить себѣ платье, бранить его скотомъ, дуракомъ и наконецъ позволяетъ себѣ даже давать ему щелчки по носу. Жирофле это не нравится, естественно, а Монфлюкену того только и хотѣлось: онъ идетъ уже за шпагами, какъ вдругъ узнаетъ, что виконтъ, настоящій виконтъ, не прѣзжалъ, потому-что женился на дорогѣ. Можете себѣ представить отчаянiе мадмуазель де-Меринжакъ. Чтобы спасти себя отъ насмѣшекъ, она выходитъ наконецъ за коменданта, женивши Жирофле на своей горничной Марианнѣ.

Водевиль этоть, не-смотря на свою крайнюю пошлость, имѣлъ успѣхъ, благодаря игрѣ актеровъ.

3) L'INGÈNE A LA COUR. (*Простота при дворѣ*). Комедія въ пяти дѣйствiяхъ, въ прозѣ, г. Ампи. (Odéon).

Принцъ Адольфъ, вступивши недавно на престолъ, находится подъ влiянiемъ графини Ленсбергъ и барона Валена; оба другъ-друга въ-тайнѣ не навидятъ, какъ водится. Наступаетъ критическая минута, когда принцъ долженъ избрать себѣ супругу; графиня Ленсбергъ нашла гдѣ-то вдали отъ двора древнюю кузину его высочества, которая показалась ей очень-проста и неслишкомъ-далека. Но дѣло въ томъ, что Тереза, — такъ зовутъ эту кузину, — нарочно притворилась, чтобы разрушить интриги графини и барона. На этомъ основана интрига этой довольно-милой, но растянутой комедii.

4) GENTIL BERNARD OU L'ART D'AIMER. (*Жантиль Бернардъ или искусство любить*). Водевиль въ пяти дѣйствiяхъ, гг. Дюмануара и Клервилля. (Variétés).

Жанпиль Бернаръ рѣшился писать свою поэму: *Искусство любить*, но хочетъ прежде узнать дѣло на практикѣ. Вотъ въ чемъ и содержаніе пьесы; на всякій актъ по новому опыту; въ первомъ актѣ является мѣщанка, во второмъ гризетка, въ третьемъ свѣтская дама, въ четвертомъ крестьянка, въ пятомъ актриса. Пьеса очень-мила, и мамзель Дежазе *сводитъ въ ней Парижанъ съ ума*.

5) MICHEL BREMOND. (*Мишель Бремонтъ*). Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. (Театръ Porte Saint-Martin).

Мишель Бремонтъ въ молодости былъ слугою графа де-Соланжъ, одного изъ героевъ директоріи. Графъ, удовлетворяя безъ мѣры своимъ страстямъ, прибѣгнулъ наконецъ къ одному не весьма-честному средству: съ помощію поддѣльнаго ключа, и съ согласія Мишель Бремона, онъ занялъ нѣсколько сотъ луддоровъ изъ сундука дядюшки, потомъ бѣжалъ въ Италію, чтобы тамъ растратить украденное. По его отбѣздѣ, Бремонтъ былъ обвиненъ и осужденъ, потому-что не хотѣлъ обвинить своего господина. Дѣйствіе драмы начинается въ наше время: мы у г. де Норриса одного изъ богачей нашего времени. Онъ помогаетъ бѣднымъ и ремесленникамъ; онъ даетъ имъ деньги, и, что еще лучше того, даетъ работу. Все, по-видимому, содѣйствуетъ къ счастью этого человека. Но между-тѣмъ тайная тоска съѣдаетъ его. Подъ Норрисомъ скрывается Мишель Бремонтъ, котораго считаютъ умершимъ и который, удалившись въ Америку послѣ своего освобожденія, составилъ себѣ тамъ состояніе. Тайна Норриса защищена конечно нѣкоторымъ родомъ давности, но случайность можетъ все погубить, и Норрисъ боится за своихъ дѣтей. Дѣйствительно, гроза недалека. Дочь Норриса Адель сговорена за Адольфа до-Верселя, родственника графа де-Соланжъ. Но нѣкто Дорневаль, разорившійся спекуляторъ, узналъ тайну Норриса, и объявляетъ ему, что онъ—Мишель Бремонтъ, и что рука его дочери должна быть наградою за сохраненіе тайны. Сроку на размышленіе дается ему только одинъ часъ. Между-тѣмъ Норрисъ продолжаетъ приготовленія къ браку дочери; призванъ нотариусъ; но когда Норрисъ беретъ перо для подписанія, отворяется дверь, и входящій Дорневаль говоритъ: Подпишите, Мишель Бремонтъ! Общій ужасъ и изумленіе! Увы! сорокъ лѣтъ благородныхъ успій и честности, недостаточны были для того, чтобы сгладить позоръ съ его имени! Ему остается одно его семейство; дочь его отказывается отъ Верселя, который предложилъ ей условіемъ отказаться отъ отца. Норрисъ удрученъ горемъ. Но приходитъ мицута восстано-

вленія. Дорпеваль посаженъ въ тюрьму, и больше ему неопасенъ. Множество работниковъ являются къ нему, и называютъ его благодѣтелемъ. Наконецъ и старый графъ де-Соланжъ публично признается въ преступленіи, совершенномъ имъ за 40 лѣтъ.

6) LES DIEUX DE L'OLYMPÉ A PARIS. (*Боги Олимпа въ Парижѣ*). Фантастическій водевиль въ шести картинахъ, гг. Жюля Кордье и Клервиля.

Картина I. Боги зѣваютъ на Олимпѣ, и все рѣшаются отправиться въ Парижъ, кромѣ Юпитера, который остается одинъ, скучаетъ смертно, и наконецъ самъ рѣшается сойти съ Олимпа.

Картина II. Боги въ Парижѣ; Церера булочницей, Бахусъ погребщикомъ, Аполлонъ журналистомъ. Юпитеръ, одѣтый полицейскимъ агентомъ, беретъ ихъ за разные проступки.

Картина III. Салонъ. Минерва повяла, что деньги выгодная добродѣтель, и около нея хлопочутъ Меркурій, Амуръ и Англичанинъ, въ видѣ котораго ходитъ Юпитеръ.

Картина IV. Марсъ дерется на улицѣ, и взятъ полиціей.

Картина V. Венера — содержательница кафе; Юпитеръ похищаетъ ее въ отсутствіи хромаго мужа.

Картина VI. Олимпъ. — Боги раскаяваются, что оставляли свое вѣчное мѣстопробываніе.

Фарсъ, какъ видите, довольно-забавенъ. Публика хотела, и авторы были вызваны.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ.

ТАГАНРОГСКИЙ ТЕАТРЪ.

Въ первой книжкѣ «Репертуара и Пантеона» вышедшаго года, мы имѣли удовольствіе прочесть статью г. Куца о таганрогскомъ театрѣ. До появленія этой статьи, таганрогскій театръ, не смотря на давнее свое существованіе, почти скрывался во мракѣ неизвѣстности; если же что и было говорено о немъ, то это были одни какіе-то темные слухи, какіе-то неясные отголоски, по которымъ трудно добраться до истины, чтобы составить о немъ точное понятіе.

Отдавая всю справедливость вѣрному взгляду г-на Куца, въ краткихъ его очеркахъ, на таганрогскій театръ вообще, мы, въ то-же время, поставлены въ необходимость сказать, что г. Куцъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ своего разбора былъ далекъ отъ истины: именно, разбирая таланты и игру г-жи Кочевской и г. Лебедева 1-го, онъ, по нашему мнѣнію, сказалъ о первой слишкомъ много, о послѣднемъ — очень-мало и очень-кратко.

Не думаемъ, чтобы понятія г. Куца, высказанныя о талантѣ г-жи Кочевской, были основаны на собственномъ его убѣжденіи, и это тѣмъ болѣе поставляетъ насъ въ недоумѣніе, что взглядъ его, такъ метко и вѣрно брошенный на таланты другихъ артистовъ и артистокъ здѣшнихъ, — въ-особенности на несравненную игру гг. Дорошенковыхъ, г. Кочевского и д-цы Розановой, — былъ взглядомъ пристрастнымъ на игру г-жи Кочевской. Всякое пристрастное сужденіе о талантѣ можетъ только вредить таланту, и по-этому нисколько не возвыситъ сценическаго искусства. Гдѣ дѣло касается возвышенныхъ интересовъ эстетическаго чувства, тамъ истина должна являться безъ покрывала, безъ повязки.

Было-бы несправедливо, если-бъ мы вздумали совершенно отвергать прекрасную игру г-жи Кочевской въ драмахъ и трагедіяхъ; но этотъ проблескъ дарованія проявляется у нея не во всѣхъ пьесахъ, а только въ нѣкоторыхъ, и то въ немногихъ, и и не въ одинаковой степени; а нѣкоторое не можетъ составлять собою общаго, цѣлаго. Неровность, съ какою ведетъ она свою игру, болѣе или менѣе отражается въ каждой драматической ея роли. Монотонное чтеніе въ сценахъ, невозбуждающихъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, сопровождаемое какими-то механическими движеніями ея рукъ, въ которыхъ каждый жестъ обращенъ въ привычку, — очень-простой выговоръ, и не совсѣмъ выдержанная манера и приемы въ роляхъ королевы, герцогини, графини и вообще всѣхъ знатныхъ дамъ, и, наконецъ, самый голосъ ея, раздающійся часто въ концѣ фразы въ родѣ напѣва, — все это считаемъ мы значительнымъ недостаткомъ въ игрѣ г-жи Кочевской; отъ-того всѣ теплыя и болѣе спокойныя чувства въ драмахъ, видоизмѣняющія душу представляемаго лица, никогда не выражаются ею съ достоинствомъ артистки.

Драматическій талантъ г-жи Кочевской оставляетъ свои слѣды только въ тѣхъ пьесахъ, которыя сообщаютъ душѣ самыя рѣзкія впечатлѣнія, тамъ, гдѣ она выражаетъ чувства ревности, злобы, мщенія, отчаянія и тому подобное; въ этихъ патетическихъ моментахъ своей игры она бываетъ дѣйствительно хороша. Поэтому, и въ «Молдавской цыганкѣ», въ роли Сарры, г-жа Кочевская увлекательна; но все-же нельзя сказать, что она играетъ эту пьесу неподражаемо: та-же неровность ея игры, болѣе или менѣе отражается и въ этой драмѣ; а отъ этого происходитъ то, что всѣ пріятныя ощущенія, получаемыя нами отъ игры г-жи Кочевской въ поразительныхъ сценахъ, свѣваются съ души, по мѣрѣ утомительной игры ея въ обыкновенныхъ, спокойныхъ сценахъ. Впрочемъ, въ драмахъ, гдѣ главныя лица составляютъ собою кругъ среднихъ сословій, игра г-жи Кочевской бываетъ ровнѣе и удовлетворительнѣе. Къ числу достоинствъ ея, мы должны отнести одно, очень-важное въ игрѣ талантливыхъ артистовъ, именно, г-жа Кочевская всегда твердо заучиваетъ свои роли, такъ, что, при ея игрѣ, мы почти не слышимъ удушиваго шопота суфлёра, какъ, между-тѣмъ, при игрѣ другихъ нѣкоторыхъ артистовъ здѣшнихъ, мы очень-часто выслушиваемъ пьесу въ двухъ экземплярахъ, то-есть, прежде отъ суфлёра, потомъ отъ актера.

Теперь перейдемъ къ таланту г-на Лебедева 1-го. Надо ска-

зять, что для таганрогской сцены этот актер редкое явление; редкое потому, что здѣшній театр не имѣлъ у себя прежде ни одного драматическаго таланта, — еще болѣе потому, что публику здѣшнюю долго утомляли своею игрою въ главныххъ драматическиххъ роляхъ г. Михайловъ и г. Бабанивъ *) — люди нисколько непривычные къ драматическому искусству. Кромѣ неистовыхъ криковъ, произносимыхъ ими на-распѣвъ и непріятно скользящихъ по душѣ, приторныхъ вздоховъ и томительныхъ аховъ—этихъ междометій театральной грамматики, сопровождаемыхъ странною декламациею, — мы ничего порядочнаго не замѣчали въ ихъ игрѣ. И теперь помнимъ, какъ г. Михайловъ въ роляхъ — Отелло, венеціанскаго мавра—въ драмѣ подъ тѣмъ-же именемъ — Шекспира, и Карла Моора — въ трагедіи «Разбойники» Шиллера, такъ усердно оглашалъ сцену какимъ-то дикимъ крикомъ, что къ послѣднему дѣйствию той и другой пьесы, играныхъ имъ въ разное время, онъ вовсе охрипѣлъ. Также помнимъ и г. Бабанива въ трагедіи Шекспира «Гамлетъ» — въ роли принца-философа: это воспоминаніе невольно обдаетъ насъ холодомъ: «Страшно мнѣ за человѣка!» восклицалъ тогда на сценѣ г. Бабанивъ, въ лицѣ Гамлета! Страшно было намъ за Бабанива! Страшно было намъ за прахъ Шекспира! Страшно было за драматическое искусство!! Въ самомъ-дѣлѣ, смѣшно видѣть-актера въ драмѣ, который прибѣгаетъ къ какой-то странной декламации, къ какимъ-то ненатуральнымъ позамъ, и безъ всякаго душевнаго участія къ своей роли, кричитъ неистовымъ голосомъ до того, что выбивается изъ силъ. Послѣ этого, какъ не сказать, что г. Лебедевъ редкое явление на таганрогской сценѣ? Да, талантъ и самая игра г. Лебедева далеко стоятъ выше посредственности. Этотъ актеръ недавно вышелъ на поприще сценическаго искусства, слѣдовательно, не могъ еще приобрести той опытности, того глубокаго знанія, какое требуется отъ артиста въ полномъ смыслѣ слова; но въ немъ видны уже слѣды истиннаго призванія къ драматическому искусству, — призванія, которое само вырывается наружу въ его игрѣ, въ его энергіи, — въ борьбѣ мятежной страсти, тревожныхъ чувствъ на время принимаемой имъ души, съ собственною его душою, съ собственными его чувствами. Довольно также замѣтно, что за выполненіе ролей г. Лебедевъ принимается свободно, почти безъ всякой изысканности и безъ натяжекъ, какъ между-тѣмъ другимъ актерамъ — пред-

*) Г. Бабанивъ оставилъ помосты таганрогской театральной сцены.

шественникамъ его, тѣ-же роли стоили большого труда. Равнымъ-образомъ и на сцену г. Лебедевъ всегда выходитъ съ непринужденнымъ открытымъ лицомъ. Все это можетъ служить доказательствомъ неотъемлемости его драматическаго таланта. Къ самой лучшей чертѣ его игры должно отнести то, что онъ старается о вѣрности задуманнаго характера и естественности, — и это ему болѣе или менѣе удается. Голосъ у него довольно-выразительный, произношеніе чистое, мимика и жесты довольно-просты, но не всегда правильны; выраженіе лица его также соответствуетъ движеніямъ его души. Г-ну Лебедеву остается придать своей игрѣ болѣе опытности въ дикціи, болѣе науки, слѣдовательно, болѣе усердія и труда къ своему искусству, — и тогда результатомъ этихъ данныхъ будетъ игра его удовлетворительною для провинціальной сцены. Г. Лебедевъ долженъ также обратить вниманіе и на свои недостатки, которые много вредятъ ему въ ровности выполненія имъ ролей: иногда, въ чтеніи имъ обыкновенныхъ монологовъ, замѣтна въ немъ какая-то торопливость; напротивъ, въ поразительныхъ сценахъ его ролей бываетъ часто въ немъ какое-то неумѣренное и совѣмъ неестественное дыханіе, — отъ-того и голосъ его рѣзко раздается тамъ, гдѣ нужно совершенно ослабить его. Но всѣ эти недостатки, при усердіи г. Лебедева къ сценическому искусству и при его молодыхъ лѣтахъ, легко могутъ быть исправлены.

Принимая живое участіе въ развитіи драматическаго таланта этого актера, мы советуемъ ему также не пускаться въ сферу водеvilныхъ и комическихъ піесъ; особенно въ роли, исполненные шуточнаго съ серьезнымъ, смѣшнаго съ печальнымъ; талантъ его много потеряетъ вѣса и даже можетъ сдѣлаться посредственнымъ; а посредственность въ драмахъ — синонимъ бездарности.

Съ сожалѣніемъ должно сказать, что трагедіи и драмы первой величины почти невозможны (на таганрогскомъ театрѣ, какъ по объему самаго зданія театра, такъ и по недостатку актеровъ и однообразію самыхъ костюмовъ и декораций). Большею частію играютъ у насъ драматическія представленія средней величины, и тѣ не твердо стоятъ на здѣшней сценѣ. Недостатокъ этотъ чаще всего бываетъ ощутителенъ отъ неудачной обстановки піесъ. Надо замѣтить, что въ драмахъ вообще, здѣшнее режисѣрство рѣдко обращаетъ вниманіе на выборъ актеровъ для посредственныхъ и мелочныхъ ролей, какъ между-тѣмъ эти роли имѣютъ самое близкое отношеніе къ главнымъ ролямъ, къ характеру

всей пьесы, къ ея цѣлости. При хорошей обстановкѣ драмы, какъ живой картины человѣческой жизни, съ ея страстями, какъ-бы ни были хороши главные лица въ своихъ роляхъ, пьеса не можетъ удовлетворить требованіямъ искусства: надо, что-бы все въ ней составляло единство, силу, гармонию и вкусъ.

Въ недавнемъ времени, на здѣшнемъ театрѣ представлена была драма «Жизнь Игрока». Кто не знаетъ этой пьесы, столько уже лѣтъ существующей на всѣхъ возможныхъ театрахъ и уважаемой особенно провинціальными театрами? Слѣдовательно, нѣтъ надобности подробно говорить о достоинствѣ самой пьесы; скажемъ только, что въ ней много несообразностей съ требованіями драматическаго вкуса, — что вся пьеса состоитъ изъ приготовленныхъ и рассчитанныхъ эффектовъ, и уже почти отжила свой вѣкъ на столичныхъ театрахъ. Содержаніе «Жизни Игрока», какъ мы сказали, всѣмъ и каждому довольно-извѣстно; посмотримъ, какъ выполнили эту драму наши артисты?

Въ роли Де-Жермани, отца Жоржа, — г. Петровскій былъ до возможности натураленъ, и своею трогательною игрою вполне оправдалъ ожиданія публики. Потухающая жизнь его, всѣ чувства, сначала радостныя при женитьбѣ своего сына, потомъ горькія при дурномъ и ослепломъ поведеніи послѣдняго, подвинувшія его на изреченіе роковаго проклятія неблагодарному сыну, — проклятія, которое исторглось изъ груди старика вмѣстѣ съ смертію, — отразились въ игрѣ его и возбудили въ зрителяхъ душевное участіе. Нельзя было безъ особеннаго чувства смотрѣть на г. Петровскаго въ этой роли. Мы всегда остаемся ему благодарны за натуральное выполненіе подобныхъ ролей.

Главную роль Жоржа, игрока, выполнялъ г. Лебедевъ 4-й. Въ первомъ дѣйствіи онъ не совсѣмъ выдержалъ характеръ этого лица, потому болѣе, что въ этомъ дѣйствіи трудно совладать съ ролью Жоржа и опытному актеру. Враждующій съ судьбою характеръ его получаетъ свою самобытность во второмъ дѣйствіи, а въ первомъ онъ является лицомъ какимъ-то разсѣяннымъ, вовсе безхарактернымъ, слѣдовательно, и въ роли своей почти не имѣетъ точки, на которой могъ-бы актеръ установиться. — Во второмъ дѣйствіи г. Лебедевъ вполне выказалъ свой прекрасный талантъ и явился къ своему искусству лицомъ къ лицу. Особенно замѣчательно было выполненіе послѣдней сцены, когда совершенно-проигравшійся Жоржъ является домой въ то самое время, какъ жена его находится подъ страшною ниткою коварнаго друга его Варпера. Монологъ его — «Никого нѣтъ.... все

темно....» и проч. былъ веденъ имъ довольно-тихо, но съ какимъ-то тревожнымъ спокойствіемъ, которое предвѣщало страшную душевную бурю; и дѣйствительно: за послѣднюю надежду — спасеніе отъ эшафота бѣгствомъ съ женою, — онъ хватался, какъ утопающій за соломинку, и вдругъ нога его касается шпаги.... Неожиданное мнимое подозрѣніе въ измѣнѣ, подстрекнутое уже слышанными имъ голосами, подобно молніи блеснуло въ его головѣ. Ему оставалось одно утѣшеніе — это любовь жены, — и вотъ она — разпростертая на полу, безъ чувствъ.... Ревность овладѣла всѣмъ его существомъ и обратилась въ какое-то бѣшенство. Въ припадкѣ этой страсти онъ поднимаетъ ее и, на громовые вопросы: — кто ея сообщникъ? — не получаетъ удовлетворительнаго отвѣта. Подозрѣвая, что обольститель жены скрывается въ комнатахъ, онъ разламываетъ дверь, ищетъ жертвы, схвативъ попавшіеся пистолеты.... и въ ту минуту, какъ Родольфъ Дарикуръ, все приготовившій къ побѣгу Жоржа, является его снасителемъ, — Варнеръ, доселѣ таившійся въ футлярѣ арфы, бросается въ слѣдъ за Жоржемъ и, указывая на Родольфа, кричитъ язвительно: Вотъ обольститель твоей жены! Разутокъ Жоржа цѣпенѣтъ, злодѣйство овладѣваетъ имъ и.... преступное мщеніе совершается.... Бѣгство съ женою оканчиваетъ это дѣйствіе. Вся эта сцена требовала моментной, страшной послѣдовательности, и вся эта сцена была выполнена г. Лебедевымъ съ невыразимымъ эффектомъ. Кажется, лучше нельзя было войти въ состояніе Жоржа, въ какомъ находился на сценѣ г. Лебедевъ. Все чувства, все страсти, потрясавшія душу его, отразились въ лицѣ г. Лебедева, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Театръ наполнялся громкими аплодIMENTАМИ, и артистъ единодушно вызываемъ былъ зрителями нѣсколько разъ. — Для третьяго дѣйствія г. Лебедевъ былъ замѣтно молодѣе, потому что принуждалъ себя говорить голосомъ истощеннаго нуждами старика. Дѣйствіе это сыграно имъ не вездѣ удачно. Одну неестественную сцену мы должны замѣтить ему, — именно ту, въ которой коварный Варнеръ уговариваетъ Жоржа совершить новое преступленіе, — убить отдыхающаго въ хижинѣ его незнакомаго имъ молодого офицера (Альберта); Жоржъ такъ громко велъ эту сцену съ Варнеромъ, что офицеръ могъ проснуться и испортить задуманное имъ и Варнеромъ злодѣйство. Послѣдняя-же сцена, — начинающаяся съ того, какъ Варнеръ ранитъ Альберта и убѣгаетъ съ его бумажникомъ, до самаго конца пьесы, — была выполнена не совсѣмъ расторопно, въ то время, когда эта сцена требовала переходовъ мгно-

венныхъ. Жоржъ былъ-бы много лучше во всей этой сценѣ, если-бы блюстительная полиція, состоявшая изъ двухъ только солдатъ, была порасторопнѣе. Этихъ солдатъ едва могли протолкать изъ-за-ширма на сцену, въ объятую пламенемъ хижину Жоржа; они, кажется, боялись, чтобы не сгорѣть вмѣстѣ съ хлопчатою бумагою, или съ ключьями льна. Притомъ-же, въ концѣ, изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, — незнаемъ, право, для чего, — составлена была, подъ умирающей голосъ Жоржа, какая-то безмысленная группа; отъ-того больше и впечатлѣніе, полученное отъ прекрасной игры г. Лебедева, такъ горячо павшее на душу сначала, въ концѣ совершенно охладѣло.

Что-же касается до г. Кочевской, которая играла Амалию, то — увѣ! въ пользу ея игры въ этой роли, мы, къ-сожалѣнію, почти ничего сказать не можемъ: кромѣ очень-хорошей сцены ея съ Варнеромъ, въ концѣ втораго дѣйствія, и, вѣдѣ за тѣмъ, сцены съ мужемъ, приведшимъ ее въ чувство изъ обморока, она была вездѣ какъ-то неудачна. Кстати объ обморокахъ: г-жа Кочевская всегда падаетъ въ обморокъ съ большимъ самопожертвованіемъ, такъ что заставляетъ зрителей опасаться за ея здоровье. Это ненатурально: жизненные силы никогда не оставляютъ человѣка мгновенно; тѣмъ болѣе въ обморокахъ, постепенно приготавливаемыхъ обстоятельствами.

Варнеръ, — г. Кочевскій, какъ довольно-опытный актеръ, былъ на своемъ мѣстѣ и особенно удачно выдержалъ себя въ 3-мъ дѣйствіи. Глубоко-укоренившаяся страсть къ хитростямъ и обману, не была подавлена въ душѣ его и самыми несчастіями; эта главная черта его роли была выражена имъ съ совершенствомъ. Въ подобныхъ амплу г. Кочевскій постоянно удовлетворителенъ.

Дермонъ, богатый негоціантъ, дядя Амалин, — г. Михайловъ былъ рѣшительно-песносеиъ: кромѣ того, что онъ не понималъ и не исполнилъ этой прекрасной роли, онъ даже нетвердо зналъ ее. Очень-жаль, что мы должны замѣтить много недостатковъ г. Михайлова въ драмахъ: главнѣйшіе изъ нихъ — нетвердость въ роляхъ, неумѣстное размахиваніе руками во всевозможныя стороны, странная дикція и, наконецъ, самый голосъ его, съ большимъ принужденіемъ вырывающійся изъ груди и въ слухъ зрителей производящій какое-то непріятное потрясеніе. Еще замѣтна въ немъ довольно-странная черта, усвоенная, кажется, привычкою: г. Михайловъ всегда старается скрывать выраженіе своего лица отъ зрителей, въ то время, когда всякій артистъ

долженъ являться на сцену съ совершенно открытымъ и неприужденнымъ лицомъ. Совѣтывали-бы мы г. Михайлову держаться одной стороны въ пьесахъ, болѣе комической: памъ случалось не-разъ видѣть, что нѣкоторыя, довольно даже занимательныя роли въ водевиляхъ и комедіяхъ выполнялъ онъ довольно-удачно; слѣдовательно это одностороннее образованіе его таланта могло-бы принести ему большую пользу для сцены, въ особенности при твердомъ заучиваніи имъ ролей.

Родольфъ Дрейкуръ — лице хотя необходимое въ связи пьесы, но въ характерѣ своемъ мало замѣтное. Эту роль ex-officio выполнилъ г. Дорошенко. Луиза, горничная Амалии — г-жа Соколова, была весьма-натуральна. Путешественникъ — г. Выходцевъ, съ виду несколько не походилъ на путешественника, — такъ былъ онъ странно заостроумированъ, — и, слава Богу, кое какъ прочиталъ свою роль; впрочемъ Валентина — слугу де-Жерманн! сыгралъ довольно-сносно.

Роль Альберта — сына Жоржа, столько наивная и трогательная, особенно въ сценѣ при свиданіи съ матерью, страшно пострадала: ее уродовалъ г. Лебедевъ 2-й, которой и тѣни не имѣетъ дарованія для подобныхъ ролей. *Этотъ* капитанъ французскаго полка не зналъ почти, какъ ступить по сценѣ, куда дѣвать свои длинныя руки, куда спрятать длинное свое лицо, и какимъ тономъ начинать говорить. Смятеніе, въ какомъ онъ находился въ этой роли, заслуживало какого-то сожалѣнія. Сцена его съ матерью, вмѣсто печально-радостной, обратилась въ какую-то жалко-смѣшную, и возбудила въ зрителяхъ всеобщій смѣхъ. Нельзя думать, чтобы эта роль досталась г. Лебеву отъ недостатка актеровъ: въ ней могъ-бы явиться г. Дорошенко, которому хотя тоже не даются драмы, однако онъ не уронилъ-бы себя въ этой роли подобнымъ образомъ. Г. Чернявскій, у котораго голосъ похожъ на звонъ обрѣзаннаго червонца, — въ первомъ дѣйствіи былъ судьей, а въ послѣднемъ г. Бирманомъ, трактирщикомъ. Какъ ни просты эти роли, но ни та, ни другая ему не далась. Талатъ г. Чернявскаго — точно невидимка, и является наружу во всемъ своемъ блескѣ только тогда, когда онъ играетъ мелко-характерныхъ, проницливыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ робкихъ, алчныхъ къ золоту жидковъ. Не знаемъ, такъ-ли хороши онъ въ роляхъ Филатки и Тарабара, но въ маскѣ Жида онъ типъ совершенства! Хотѣлось-бы намъ посмотрѣть его въ драмѣ «Венеціанскій купецъ» — Шекспира, въ роли Шейлона: мы твердо убѣждены, что онъ вполне осуществилъ-бы свою

чудною игрою эту чудную въ своемъ родѣ роль. — О другихъ остальныхъ лицахъ, гласныхъ и безгласныхъ, входящихъ въ составъ разбираемой нами пьесы, и говорить нечего: все это составляло что-то въ родѣ театральной мебели, и требовало для своего движенія — вліянія другихъ лицъ. Мы вполне увѣрены, что г. Лебедевъ и г. Кочевскій, одни поддерживавшіе интересъ сказанной пьесы, были-бы много лучше, если-бъ другія лица, занимавшія среднія и мелочныя роли, сколько-нибудь соответствовали ихъ игрѣ.

Декорации и костюмы на этотъ разъ были довольно-достаточно и сообразны съ требованіями пьесы; но декорация въ домѣ де Жермани была очень мизерна, такъ-что мало замѣтенъ переходъ отъ пышности къ нищетѣ, въ то время, когда этотъ переходъ долженъ быть самый разительный.

Такимъ-образомъ, сдѣлавъ поверхностное замѣчаніе о драматическомъ искусствѣ на таганрогскомъ театрѣ, мы вполне надѣемся, что дирекція наша, прилагающая столько заботъ и усердія къ развитію сценическаго искусства, обратитъ все вниманіе, въ особенности на драму, которая на здѣшней сценѣ сиротствуетъ безъ истинныхъ жрецовъ. Равнымъ-образомъ, принимая живое участіе въ талантахъ г-жи Кочевской и г. Лебедева 1-го, какъ представителей драматическаго искусства на нашемъ театрѣ повторяемъ, что если они примутъ наше мнѣніе о достоинствѣ ихъ игры и недостаткахъ (особенно г. Лебедевъ, отъ котораго мы многого ожидаемъ), съ истиннымъ убѣжденіемъ, какъ истинно говорено было о нихъ, то въ скоромъ времени, при стараніи своемъ, явятся на таганрогской сценѣ въ драматическихъ пьесахъ прекрасными артистами, — какъ прекрасными являются въ водевиляхъ и прочихъ комическихъ пьесахъ наши любимцы — гг. Дорошенковы, г. Коченовскій, д-ца Розанова и г-жа Михайлова. А какъ очаровательно смотрѣть на ихъ игру, въ особенности, на плѣнительную игру г. Дорошенка, который въ своихъ роляхъ всегда бываетъ такъ милъ, такъ хорошъ, такъ обворожителенъ и восхитителенъ!

П. ФЕДОТОВЪ.

Февраля, 1846.

Таганрогъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Давно-ли Парижане восхищались *Пустынею* Фелісіена Давида, новаго музыкальнаго генія, котораго имя въ теченіе одного года сдѣлалась славю во всей Европѣ? И вотъ тѣ-же самые Парижане восхищаются нынѣ пародією на эту симфонію, подъ названіемъ: *Citrouillard au desert*, слова соч. *Tronsbongsboulourg'a*, музыка *Doublecrochendorff'a*!

— Кстати о Фелісіенѣ Давидѣ: онъ написалъ большую ораторію, подъ названіемъ: *Моисей на гортъ Синайской*, которая въ прошедшемъ мѣсяцѣ была исполнена на театрѣ Большой-Оперы, увы! безъ всякаго успѣха. Нѣтъ мудренаго, что этотъ неуспѣхъ затмитъ славу молодаго композитора, если онъ въ скоромъ времени не искупитъ своей неудачи новымъ произведеніемъ, достойнымъ, по-крайней-мѣрѣ, стать на ряду съ *Пустынею*.

— Листъ находится теперь въ Вѣнѣ и, какъ всегда и вездѣ, производитъ шумъ. Первымъ дѣломъ его по пріѣздѣ въ Вѣну было велѣть вырвать себѣ зубъ, отъ котораго онъ страдалъ въ дорогѣ. Случись это въ Парижѣ, смысленный дантистъ, удостоившійся чести вырвать зубъ у великаго артиста, заплатилъ-бы себѣ копейку!

— Мы говорили уже въ прошедшей книжкѣ «Репертуара и Пантеона», что французскіе журналы уморили у насъ въ Петербургѣ г-жу Кастелланъ; въ-слѣдъ за ними нѣмецкія газеты печатають самыя подробныя біографіи г-жи Кастелланъ, и чрезвычайно горюють о преждевременной кончинѣ талантливой пѣвицы!!

— Говорять, что Мейерберъ хлопочетъ объ опредѣленіи бывшей у насъ въ Петербургѣ въ прошедшемъ году пѣвицы *Альбони* къ парижской Итальянской-оперѣ: только при ея участіи онъ рѣшается отдать на сцену своего *Пророка*.

— Французскія журналы пишутъ, что будто-бы Дирекція Императорскихъ С. Петербургскихъ театровъ ангажируетъ къ намъ, на мѣсто оставившаго нашу сцену Брессана, отличнаго актера Лаферьера, который лѣтъ восемь или девять тому назадъ былъ на петербургской сценѣ. Кто зналъ и помянитъ Лаферьера, говорятъ, что Михайловская сцена черезъ него много выиграетъ.

— Въ Берлинѣ недавно играли Фауста «Гёте.» Знаменитая актриса Гагенъ была превосходна въ роли Маргариты.

— Какой-то известный любитель и знаток музыки в Лейпцигѣ открылъ, если вѣрить нѣмецкимъ газетамъ, удивительнаго тенора. Проходя разъ по улицѣ, онъ былъ пораженъ необыкновенно-чистымъ и пріятнымъ пѣніемъ, которое раздавалось на дворѣ одного дома. Онъ заходитъ на этотъ дворъ и спрашиваетъ у работавшихъ тамъ каменщиковъ, кто такъ хорошо поетъ? — Это долженъ быть нашъ товарищъ, маляръ, который работаетъ вонъ тамъ на лѣстницѣ, отвѣчаютъ каменщики. — Дѣйствительно, г-нъ *** нашелъ молодаго, красиваго малаго, который расписывалъ стѣну и услаждалъ работу свою пѣніемъ. Голосъ его, говорятъ, пріятнѣе и обширнѣе, нежели голосъ знаменитаго нѣмецкаго тенора *Тихагека*; впрочемъ образованія музыкальнаго юноша этотъ не имѣетъ никакого. Великодушный любитель и знатокъ пѣнія взялся доставить ему всѣ нужныя способы для его артистическаго воспитанія.

— Туринскіе театралы раздѣлились въ настоящее время на двѣ враждебныя партіи, и жестоко воюютъ между собою. Причиною этой войны двѣ знаменитости: Черито и Фрецолини. Побѣда покуда на сторонѣ первой, и появленіе ея на сценѣ производитъ въ истинномъ смыслѣ слова фуроръ. Балетъ взялъ верхъ, и Фрецолини едва достается пытаться крохами отъ богатой трапезы. Энтузіазмъ Турницевъ еще болѣе увеличиваетъ то, что Черито объ слѣдующія зимы, вѣроятно, не будетъ въ Туринѣ, потому что Фрецолини именно на такомъ условіи только согласилась возобновить свой контрактъ на два слѣдующіе сезона, чтобы никакая балетная знаменитость не осмѣливалась потемнѣть ея триумфовъ.

— Изъ Готы пишутъ: На-сихъ-двухъ поставлена новая опера «Запра» музыка которой написана Герцогомъ Кобургскимъ. Публика, не зная еще имени композитора, приняла оперу съ большимъ одобреніемъ. Многіе нумера были по требованію повторены. Либретто оперы заимствовано изъ Вольтеровой трагедіи того-же имени.

— «Силезскій Лагерь» Мейербера будетъ поставленъ на сценѣ парижской Комическо-Оперы. Либретто передѣлываетъ Скрибъ. Мейерберъ оканчиваетъ еще новую комическую оперу, либретто которой передѣлываетъ, также, съ нѣмецкаго, Сень-Жоржъ.

— Труппу волтижера Сулье и Дебахъ, которой небольшо-то посчастливилось, годъ тому назадъ у насъ, въ Петербургѣ, такая-же участь, если еще не худшая, постигаетъ и въ Германіи. Вотъ какъ отдѣлываетъ ее одинъ позенскій корреспондентъ Лейпцигской газеты *Allgemeine Theater-Chronik*: Труппа Сулье и Дебахъ оправдала старинную пословицу: *Parturiunt montes....* Она выстроила себѣ большой теплый балаганъ, и открыла его 1-го февраля Женскіе персонажи — старый пергаментъ; лошади — только что возить воду; наѣзники влѣзаютъ на лошадей съ правой стороны, и сваливаются на лѣвую — это однакожъ имъ ни по-чемъ: они влѣзаютъ опять съ лѣвой и сваливаются на правую. Два паяца, ка-

жется, изъ уличныхъ канатныхъ плясунговъ; остроты ихъ пахнутъ деревенскою ярмаркою. 5-го февраля въ балаганѣ было ужъ пусто — и г. директоръ другого маленькаго и холоднаго балагана — театра, хотѣлъ я сказать, въ которомъ вѣтеръ имѣетъ полное право дуть сквозь все щели и трещины, снова оживаетъ надеждою.

— Превосходная парижская актриса, г-жа Дорваль, опасно и почти безнадежно больна; она съ такою истинною и страстію исполняла свое послѣднее созданіе, роль Марианны въ извѣстной народной пьесѣ, что послѣ 45-го представленія этой пьесы сдѣлалась больна нервами, и болѣзнь эта такъ развилась, что почти исчезла всякая надежда къ выздоровленію бѣдной артистки. Извѣстно, что въ этой роли Марианны г-жа Дорваль представляетъ ужасныя страданія бѣдной матери, которая, чтобы спасти дитя свое отъ голодной смерти, принуждена снести его въ Воспитательный-домъ. Эта трагическая сцена сдѣлала на артистку такое впечатлѣніе, что обратилась у нея въ постоянную идею, и въ самыхъ сильныхъ припадкахъ своей болѣзни она непрерывно съ воплями призываетъ своего ребенка.

— Германнъ, нашъ бывшій знакомецъ, съ большимъ успѣхомъ играющій, алѣ Шафъ, на пестскомъ театрѣ, сыгралъ въ числѣ прочихъ, и также съ большимъ успѣхомъ, нѣсколько сценъ на французскомъ языкѣ изъ Корнелева «Сида» и Расинова «Британника».

— Изъ Берлина пишутъ: 2-го марта дана была въ первый разъ, на здѣшнемъ придворномъ театрѣ, новая пьеса г-жи Бирхъ-Шейферъ «Анна Австрійская.» Постановка и успѣхъ этой пьесы были, въ полномъ смыслѣ, блестящіе.

Валтеръ фонъ-Гёте, внукъ знаменитаго поэта, написалъ трехъ-актную оперу: Der Gefangene von Bologna. Либретто написано Ванъ-деръ-Венномъ.

— Говорятъ — не знаемъ, вѣрить-ли? — что Мейерберъ пишетъ для султана Абдуль-Меджида оперу подъ названіемъ «Тайны гарема.»

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

1 Г-ну *К. В.*, въ *Ставрополь на Кавказь*. Вспомните изреченіе древняго мудреца: *Ты сердитишься, — стало-быть, ты не правъ.* — А вы, за-мѣтно, сердитесь! Во всей вашей статьѣ нѣтъ ни одного доказательства, ни одного опроверженія противъ мнѣній почтенныхъ корреспондентовъ *Репертуара и Пантеона*: есть только какіе-то для насъ темныя намеки, личности и проч., *неподлежащія негати*.

2. Г-ну *М. Мих.* въ *С. Петербургъ*.. Изъ присланныхъ вами стихотвореній мы печатаемъ слѣдующія *шесть строкъ* (изъ піесы *Игры Фей*), которыя показали намъ особенно-замѣчательными:

«Въ полночь я слышалъ, друзья, при лунѣ,

Въ ущелии мрачною Дарьяла,

Собираются Фей; — играютъ онѣ

И носятся пѣною вала.

Тѣ игры пріятны и вмѣстѣ смѣшны,

Въ нихъ много найдете юмора»....

Остальнымъ всемъ просимъ васъ располагать по вашему усмотрѣнію.

3. *Н. О. Геддон.*, въ *Карагеев, Орлов. Губ.* Съ искреннею благодарностію принимаетъ редакція всякое благонамѣренное замѣчаніе, въ особенности отъ своихъ подписчиковъ, которымъ она обязана угождать. Просимъ и впередъ насъ не оставить. «*Антигону*» Софокла мы намѣрены напечатать въ такомъ только случаѣ, если она будетъ играна на русской сценѣ, какъ это было возвѣщено въ нѣкоторыхъ журналахъ. *Антигона* Софокла въ послѣдніе годы играна въ Парижѣ и въ Берлинѣ съ величайшимъ успѣхомъ: почему-же и намъ не ожидать того-же? *Не боги-же горшки-то обжигаютъ!* *Жидъ Шева* напечатанъ въ *Репертуарѣ и Пантеонѣ* не будетъ, хотя сначала мы и намѣрены были напечатать эту піесу: мы получили ее, прочли — и она показала намъ въ чтеніи слишкомъ-утомительною; говорятъ и на сценѣ она оставила такое-же впечатлѣніе, не-смотря на превосходную игру *М. С. Щепкина*. Вообще-же на счетъ переводовъ съ англійскаго и польскаго мы съ вами не согласны: прочтите въ нынѣшней книжкѣ *Репертуара и Пантеона* комедію *Старый Мужъ*, и скажите, не предпочтете вы ее десяткамъ французскихъ водевилей? Впрочемъ у насъ

публика так пестра, мнѣнія ея такъ разнообразны, что на всѣхъ угодить рѣшительно нѣтъ никакой возможности:

Тотъ кричитъ арбуза,
Другой соленыхъ огурцовъ!

Отъ-чего-же не позволить намъ рядомъ съ французскимъ водевилемъ, пожалуй, передѣланнымъ на русскіе нравы, напечатать на примѣръ хоть и *Антигону Софокла*?

На оберткѣ второй книжки *Репертуара и Пантеона* было напечатано ошибкою, что при этой книжкѣ *раздается картинка*; картинки ко второй книжкѣ никакой приложено не было.

Издатель и Редакторъ Межевичъ.